

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

Уксусников Петр Борисович

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ:
СТРАТЕГИИ США И КИТАЯ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
Жильцов Сергей Сергеевич
доктор политических наук,
профессор

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И НОВОЕ ЛИДЕРСТВО.....	21
1.1. Основные тенденции в мировой политике: переход к полицентричному устройству	21
1.2. Концептуальные подходы США и Китая к формированию нового мирового порядка	28
1.3. Цивилизационный подход к изучению политического лидерства ..	44
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА И СФЕРЫ КОНКУРЕНЦИИ США И КНР.....	58
2.1. Глобальное лидерство: основные понятия	58
2.2. США: удержание «глобального лидерства»	72
2.3. КНР: от регионализма к глобальному лидерству	92
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ОБЛАСТИ СОПЕРНИЧЕСТВА МЕЖДУ США И КИТАЕМ.....	127
3.1. Противоречия в сфере торгово-экономического сотрудничества .	127
3.2. Роль редкоземельных металлов в политике США и Китая	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	150

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития мировой политики характеризуется нарастанием кризисных явлений. В значительной степени это связано с усилением геоэкономических противоречий между ключевыми центрами развития мировой экономики, к которым в первую очередь относят США и Китай. Эти государства остаются доминирующими акторами мировой политики, задающими направления глобального развития.

Два государства достигли паритета в экономическом развитии, оказывают огромное геополитическое воздействие на развитие всего мира. Китайские геополитические устремления направлены на утверждения лидирующих позиций в разных регионах мира и, прежде всего, в сфере экономики. Для этого Пекин использует технологические достижения, прежде всего, в области искусственного интеллекта. В этой сфере развернулась острая борьба между Китаем и США¹. В свою очередь, американская сторона, проводит курс, направленный на сохранение за собой лидирующих позиций в мире, стремясь предотвратить попытки Китая занять ведущие позиции в мировой политике.

В последние годы между Китаем и США развернулась острая борьба за редкоземельные металлы², которые уже в ближайшей перспективе могут оказать решающее влияние на экономическое развитие двух государств, усилив их военный и технологический потенциал. Установив контроль над большей частью месторождений редкоземельных металлов и контролируя их переработку, Китай уже получил значительные преимущества в данной сфере, что вызывает в США серьезное беспокойство.

---

¹ Бай А., Смирнов В. Гонка ИИ – технологий: противостояние США и КНР. 16.04.2024. <https://interaffairs.ru/news/show/45595?ysclid=mcvx05hrtq682155627> (дата обращения: 25.07.2025)

² США проигрывают войну за редкоземельные металлы Китаю и у них остается все меньше времени, чтобы отыграть. 30.06.2025. <https://www.profinance.ru/news2/2025/06/30/cget-ssha-proigryvayut-voynu-za-redkozemelnye-metally-kitayu-i-u-nikh-ostaetsya-vse-m.html> (дата обращения: 26.07.2025)

В период постбиполярного мира США и Китай претендуют на стратегическое лидерство в мире. При этом США опираются на позиции, которые они заняли в мировой политике после окончания «холодной войны». В свою очередь, Китай, нарастивший в последние десятилетия свою экономическую мощь, все активней включающийся в мирополитические процессы, претендует на позиции не только регионального центра силы, но и глобальное лидерство. Соответственно, в современном мире американоцентричная модель мирового развития сталкивается с возросшим давлением Китая, который стремится продвигать китаеццентричную модель в различных регионах мира.

Источниковая база исследования. При написании исследования использовались различные источники на русском, китайском и английском языках, которые можно систематизировать следующим образом.

Прежде всего, документы стратегического характера. Это публикуемые китайским руководством «белые книги» как форма определения внутри- и внешнеполитического курса страны. В частности, China's White Papers on National Defense (особенно доклад 2019 года)³. В «белых книгах» находят отражение и наиболее важные с точки зрения режима вопросы международной повестки дня. Для анализа стратегической модели лидерства были выбраны наиболее значимые с точки зрения постановки проблемы исследования: по безопасности в АТР, по космической программе, по философии и практике, а также ядерному нераспространению⁴.

---

³ China's National Defense in the New Era. – Beijing: The State Council Information Office of the PRC, 2019. – URL: <http://www.scio.gov.cn> (дата обращения: 28.07.2025)

⁴ China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation [Электронный ресурс] URL: http://www.chinadailyasia.com/chinafocus/2017-01/11/content_15555498_7.html (дата обращения: 21.02.2025); China's Space Activities [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document.htm/1537024/1537024> (дата обращения: 21.05.2025); The Right to Development: China's Philosophy, Practice and Contribution [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/34120/Document/1534705/1534705.htm> (дата обращения: 21.02.2025); China's Nuclear Emergency Preparedness [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/34120/Document/1466529/1466529.htm> (дата обращения: 26.07.2025)

С точки зрения предмета исследования интерес представляет стратегия Президента Клинтона от 2000 года, носившая название «A National Security Strategy for a Global Age». Исключительное место среди концептуальных документов США занимают Стратегии национальной безопасности 2010, 2015, 2017 и 2022 годов⁵.

Логика анализа потребовала изучения не только Устава Компартии Китая⁶, но и сборников документов, касающихся отдельных исторических событий⁷, текстов выступлений и избранных произведений китайских «отцов нации»⁸ и американских отцов-основателей.

Степень разработанности темы. При раскрытии темы исследования диссертант опирался на значительный массив общетеоретических и практических исследований по международным отношениям и мировой политики.

В *первую группу* входят работы российских исследователей, в которых раскрываются современные тенденции мирового развития. Среди них следует

---

⁵ National Security Strategy 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (дата обращения: 02.02.2025); National Security Strategy 2017, December 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2017/> (дата обращения 14.04.2025); National Security Strategy 2010 [Электронный ресурс] URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/> (дата обращения: 02.07.2025); National Security Strategy 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 02.07.2025);

⁶ Устав Коммунистической партии Китая (Принят с частичными поправками XVII Всекитайским съездом КПК 21 октября 2007 года). [Электронный ресурс] URL: http://russian.news.cn/dossiers/2007-10/25/c_131871341.htm (дата обращения: 08.07.2025) и др.

⁷ Синхайская революция. 1911 – 1913 гг. Сборник документов и материалов. Под. Ред. Тихвинского С.Л. М., 1968. 349 с.

⁸ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН 28 сентября 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://am.chineseembassy.org/rus/zgxw/t1320114.htm> (дата обращения 29.06.2025); Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на Глобальном саммите женщин 27 сентября 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320668.htm> (дата обращения 29.06.2025); Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по миротворчеству (2015-09-28). [Электронный ресурс] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320670.htm> (дата обращения 29.07.2025); Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по развитию (2015-09-26). [Электронный ресурс] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320665.htm> (дата обращения 29.07.2025); Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985. 759 с. и др.

отметить таких российских ученых как Е.П. Бажанов⁹, В.И. Белов¹⁰, О.П. Иванов¹¹, С.С. Жильцов¹², Д.Б. Казаринова¹³, О.Г. Карпович¹⁴, А.П. Кочетков¹⁵, М.М. Мchedлова¹⁶, Ю.А. Нисневич¹⁷; Ю.М. Почта¹⁸, А.А. Ширинянц¹⁹ и другие ученые.

Ко *второй группе* относятся работы, авторы которых раскрывают международные аспекты глобального лидерства. Это позволило выявить влияние системных факторов глобального уровня, оказывающих воздействие на трансформацию стратегии лидерства. К этим авторам относятся

---

⁹ Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990. 354 с.; Бажанов Е.П. Америка: вчера и сегодня. В 2 т. М.: Известия, 2005. 1094 с.; Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. 350 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010. 462 с.

¹⁰ Белов В.И. Мегарегионализация и энергетическая дипломатия Ирана // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 4. С. 75-90.

¹¹ Иванов О.П. Военная сила в глобальной стратегии США. Москва, Научная книга, 2008. 198 с.

¹² Жильцов С.С. На переломе эпохи: мировая политика между прошлым и будущим. М. 2024. 413 с.

¹³ Казаринова Д.Б., Ширинянц А.А. Политические смыслы, теория идентичности и история идей: представляем номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 597-604.

¹⁴ Карпович О.Г., Добровольский В.Н. Современный мир: проверка на прочность // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 1 (43). С. 151-164.

¹⁵ Кочетков А.П. Администрация Байдена и возрастание угроз безопасности России со стороны США // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 216-224.

¹⁶ Мchedлова М.М. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №2. С. 445-454.

¹⁷ Нисневич Ю.А. «Кризисная демократия» в условиях постиндустриального цивилизационного транзита // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 8. С. 117-128; Нисневич Ю.А. Институциональная основа формирования постиндустриального миропорядка // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2 (11). С. 91-101.

¹⁸ Почта Ю.М. Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 7-17.

¹⁹ Казаринова Д.Б., Ширинянц А.А. Политические смыслы, теория идентичности и история идей: представляем номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 597-604.

Э.Я. Баталов²⁰, А.Д. Богатуров²¹, А.Д. Воскресенский и И.В. Ильин²², И.С. Семененко²³ и другие исследователи.

В *третью группу* входят работы, связанные с проблематикой нового распределения сил в международной системе, в которой сохраняются признаки гегемонии США и одновременно демонстрируется нарастание стратегического соперничества с Китаем. Классические теории международных отношений, формирующие методологическую базу исследования, представлены трудами Роберта Гилпина, в которых сформулирована теория гегемонического перехода, согласно которой международный порядок подвержен изменениям вследствие экономического и политического подъема новых держав²⁴, Иммануила Валлерстайна, разработавшего мир-системный анализ с делением на центр, полупериферию и периферию²⁵, Кеннета Уолтца, предложившего неореалистическую модель международной анархии и системного баланса²⁶, Джона Миршаймера²⁷, сторонника наступательного реализма, утверждающего неизбежность конфликта между великими державами и Стивена Уолта²⁸, развившего теорию балансирования против угроз.

В *четвертую группу* входят работы авторов, которые исследовали гегемонию США и кризис либерального мирового порядка. К ним относятся

---

²⁰ Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., РОССПЭН, 2005. 366 с.

²¹ Богатуров А.Д. «Стратегия разравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. №2, 2001. С. 20-29.

²² Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М., Изд-во Моск. ун-та, 2010. 302 с.; Ильин И.В. Теория и практика политической глобалистики. М., Изд-во Моск. ун-та, 2013. 294 с.; Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционный подход в глобальных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия XXVII Глобалистика и геополитика. 2014, № 3-4. С. 36-52.

²³ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 112-134; Семененко И.С. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №1. С. 79-87.

²⁴ Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

²⁵ Wallerstein I. The Modern World-System. – New York: Academic Press, 1974–2011. – 4 vol.

²⁶ Waltz K. Theory of International Politics. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

²⁷ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2001. – 555 p.

²⁸ Walt S. Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. – New York: Norton, 2005. – 320 p.

Дж. Най²⁹, предложившего концепцию мягкой и умной силы и Ф. Фукуяма, рассматривавшего либеральную демократию как финальную форму политической эволюции³⁰. Дж. Айкенберри анализировал институциональные основы гегемонии США после Второй мировой войны³¹, Ч. Капчан, утверждал, что мир движется к постзападной конфигурации³² и Зб. Бжезинский, представил геостратегию американского господства³³.

В *пятую группу* входят работы ученых, которые исследовали подъем Китая как стратегического конкурента США. К ним относятся исследователи Я. Сюэту³⁴, Д. Шамбо³⁵, Э. Эконом³⁶, М. Жак³⁷ и К. Махбубани³⁸.

К *шестой группе* относятся работы авторов, в которых исследуется проблематика глобального лидерства и нарастания противоречий между США и Китаем. Свой вклад в разработку данной темы внесли исследователи

---

²⁹ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs. 2004. – 191 p.

³⁰ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.

³¹ Ikenberry G. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 392 p.

³² Kupchan C. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.

³³ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. – New York: Basic Books, 1997. – 223 p.

³⁴ Yan Xuetong. Leadership and the Rise of Great Powers. – Princeton: Princeton University Press, 2019. – 278 p.

³⁵ Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 428 p.

Shambaugh D. Where Great Powers Meet: America and China in Southeast Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 376 p.

³⁶ Economy E. The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 304 p.

³⁷ Jacques M. When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – London: Penguin Books, 2009. – 576 p.

³⁸ Mahbubani K. Has China Won? The Chinese Challenge to American Primacy. – New York: PublicAffairs, 2020. – 288 p.

В.В. Асташин³⁹, П.А. Жданов⁴⁰, Н.А. Комлева⁴¹, А.М. Крамаренко⁴², В.А. Кременюк⁴³, С.В. Лавров⁴⁴, А.В. Лукин⁴⁵, В.Б. Луковой⁴⁶, А.Н. Михайленко⁴⁷, И.В. Никонов⁴⁸, В.Е. Петровский⁴⁹, Л.В. Пономаренко⁵⁰, О.В. Столетов⁵¹, Д.М. Темников⁵², Т.А. Шаклеина⁵³, П.А. Цыганков, А.П. Цыганков⁵⁴ и другие.

К *седьмой группе* относятся работы, в которых представлены типологии международно-политических стратегий: по целям, методам и уровню

---

³⁹ Асташин В.В. Проблема глобального лидерства в современных международных отношениях // Вестник ВолГУ. Сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. Вып.10. №10. С.101-107. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-globalnogo-liderstva-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 10.06.2025).

⁴⁰ Жданов П.А. «Группа двадцати» в формировании современной мировой и европейской политики // Автореф. дисс. канд.полит.н.. М., 2013. 30 с. http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243484/autoref_zhdanov.pdf (дата обращения: 02.07.2025)

⁴¹ Комлева Н.А. Геополитические ресурсы: попытка классификации // Пространство и время. 2013. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/geopoliticheskie-resursy-popytka-klassifikatsii-1> (дата обращения: 21.06.2025).

⁴² Крамаренко А.М. Спрос на коллективное лидерство. Стратегия России. 2009. №1. С.12-14. [Электронный ресурс] URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1232713908&archive=1232714081&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 10.06.2025).

⁴³ Кременюк В.А. Россия и США в новой мировой структуре. В кн.: Россия и мир в начале XXI века. М.: Наука, 2007. С. 71-82.

⁴⁴ Лавров С.В. Россия и мир в XXI веке. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11159 (дата обращения: 10.07.2025).

⁴⁵ Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М., ИД «Международные отношения», 2015. 792 с.

⁴⁶ Луков В.Б. «Большая восьмерка» в современном и будущем мире // Международная жизнь. 2002. №3. С.48-61/

⁴⁷ Михайленко А.Н. Лидерство в современных международных отношениях // Обозреватель. 2012. №5. С.72-87.

⁴⁸ Никонов В.А. Пробуждение БРИК. 2009. URL: mid.ru/bdomp/brics.nsf/nikonov.doc (дата обращения: 26.07.2025).

⁴⁹ Петровский В.Е. Американо-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 51-58; Петровский В.Е. Научное изучение идей Си Цзиньпина в сфере внешней политики и международной безопасности // В книге: Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая. Монография. Москва, 2025. С. 96-123.

⁵⁰ Пономаренко Л.В., Егорова М.А. Формирование внешнеполитической стратегии КНР в контексте международной обстановки и становления нового Китая (1911-1949 гг.) // Казачество. 2019. № 37 (1). С. 30-53; Пономаренко Л.В., Сидоров Д.А., Забелла А.А. Инициатива «Один пояс, Один путь» как способ соединения Китая с миром // Дипломатическая служба. 2018. № 1. С. 42-48.

⁵¹ Столетов О. В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2014. 254 с. (На правах рукописи). URL: http://polit.msu.ru/pub/DISS_accept/StoletovDISS.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

⁵² Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М., Аспект Пресс, 2011. 177 с.

⁵³ Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. Т.13. №4. С. 6-19. Она же. Россия и США в новом мировом порядке. М.: Аспект пресс, 2012. 272 с.

⁵⁴ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Просвещенное державничество // Полис, 2017. №4. С. 175-185.

реализации. В числе исследователей феномена глобального лидерства следует также назвать таких американских авторов как Г. Киссинджер⁵⁵, Дж. Модельски⁵⁶, Дж. Най⁵⁷, Зб. Бжезинский⁵⁸ и др. Анализ соответствующих работ позволил выявить и обобщить характерные черты глобального лидерства, концептуально разграничить такие феномены, как лидерство, гегемония, доминирование, первенство, государство мировой лидер.

К *восьмой группе* относятся работы, в которых раскрыты проблемы, связанные с конкуренцией Китая и США в экономической сфере и области редкоземельных металлов. Следует выделить таких авторов, как: Н.Н. Вавилов⁵⁹, И. Зуенко⁶⁰, Дж. Рудольф, М. Суньи⁶¹, С. Роуч⁶², S. Kalantzakos⁶³.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных лидерству Китая и США в мировой политике и мировой экономике, существует необходимость акцентировать внимание на стратегиях Пекина и Вашингтона исходя из сложившихся реалий, сделать акцент на современном этапе борьбы за лидерство.

Объектом исследования являются стратегии США и Китая в борьбе за лидерство в условиях трансформации мировой политики.

Предмет исследования: механизмы, применяемые США и Китаем в борьбе за глобальное лидерство.

---

⁵⁵ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. М., Ладомир, 2002. 352 с.

⁵⁶ Модельски Д. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. №3. С. 62-82; Модельски Д. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. №4. С. 124-142.

⁵⁷ Най Дж. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Паблик афферз. 2004. 192 с.

⁵⁸ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 2005. 288 с.

⁵⁹ Вавилов Н.Н. Китайская власть. Москва. КМК. 2021. 664 с.

⁶⁰ Зуенко И. Китай в эпоху Си Цзиньпина. Москва. АСТ. 2024. 320 с.

⁶¹ Рудольф Дж., Суньи М. Китайское чудо. Москва. АСТ. 2023. 320 с.

⁶² Роуч С. Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая. Институт Гайдара. Москва. 2019. 520 с.

⁶³ Kalantzakos S. EU, US and Chine Tackling Climate Change. Routledge, 2017; Chine and the Geopolitics of Rare Earths. Oxford University Press, 2018. 342 с.

Цель диссертационной работы состоит в выявлении специфики стратегий глобального лидерства США и КНР.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

1) выявить основные тенденции в развитии современной мировой политике, вскрыть причины изменений, происходящих в расстановке сил на мировой арене, определить их специфику в условиях обострившейся конкуренции за глобальное лидерство между США и Китаем;

2) исследовать трансформацию понятия «лидерство», которое в последние десятилетия претерпело значительные изменения; установить принципиальные отличия на концептуальном уровне в понимании лидерства США и Китаем; выявить характеристики, раскрывающие понятие «глобальное лидерство», определив, является ли глобальное лидерство феноменом исключительно политического порядка или оно включает в себя другие составляющие, без которых невозможно достижение глобального лидерства;

3) провести сравнительный анализ эволюции теоретических и практических подходов американской и китайской геополитических традиций к обеспечению глобального лидерства, их концептуальные подходы, выявить их национальную специфику;

4) систематизировать и сопоставить основные концептуально-доктринальные документы, определяющие стратегию США к глобальному лидерству, а также определить концептуальные основы китайской политики в условиях продолжающейся трансформации мирового порядка, выделить отличительные аспекты, характерные для политики Китая на пути достижения глобального лидерства;

5) выявить роль редкоземельных элементов в глобальном соперничестве США и Китая за сохранение глобального лидерства в экономической сфере в условиях обострения геополитической конкуренции между государствами, а также исследовать подходы Китая к их использованию.

Теоретическая и методологическая основа данного исследования.

Работа опирается на неореалистический подход (структурный реализм) к изучению мировой политики и международных отношений. Данный подход фокусируется на роли силы в международных отношениях, рассматривая соперничество за лидирующие позиции в качестве постоянных факторов в развитии мировой политики. Исходя из теории баланса сил Г. Моргентау в рамках неореалистической парадигмы автор выявляет подходы США и Китая к отстаиванию геополитического лидерства в условиях трансформации мировой политики.

Для раскрытия особенностей соперничества за лидерство в складывающейся системе международных отношений в условиях геополитических трансформаций в работе используется системный подход, который стал методологической основой исследования.

При проведении исследования использован цивилизационный подход, который позволил раскрыть специфику цивилизационных идентичностей США и Китая и ее влияние на формирование долгосрочной траекторий социально-исторического развития.

Для исследования взаимоотношений между Китаем и США использована концепция властного транзита, в рамках которой анализируется проблема нового баланса глобальной системы экономики и мировой политики, а также последствия возросшей конкуренции на систему международных отношений.

Для исследования внешней политики Китая в новых условиях мировой политики используется концепция балансирования, в которой сформулирован тезис о постепенном переходе мировой системы к многополярности с различными центрами силы, один из которых – Китай. В рамках этой концепции исследован вопрос о возможной замене лидера в мировой политике – США и появлении нового глобального лидера – Китая.

В работе использованы методы и подходы политической науки: сравнительный (компаративистский), который позволил провести сравнение процессов и инструментов, используемых Китаем и США в борьбе за

лидерство в мировой политике; нормативный анализ официальных документов, исторический подход, который позволил рассмотреть борьбу за лидерство между США и Китаем в ретроспективе.

Сочетание данных методов и теоретико-методологических подходов способствовало целостному изучению заявленной проблематики и определению основных проблем, связанных с борьбой между США и Китаем за глобальное лидерство.

Эмпирическую базу исследования составил широкий круг источников на русском, английском, китайском языках, который включает: концептуально-доктринальные документы, нормативно-правовые акты в области политики США и Китая, статьи, доклады и публикации лидеров двух стран, аналитические работы ведущих научно-исследовательских центров, изучающих проблемы глобального лидерства и внешнеполитического курса.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложена авторская оценка причин трансформации мирового порядка, который меняется под влиянием совокупности многочисленных факторов политического и экономического характера. На основе теории неореализма сделан вывод, что роль военной составляющей в политике США по-прежнему остается ключевым элементом в продвижении своих интересов и противодействию внешнеполитического курса Китая, который претендует на глобальное лидерство. При этом обосновано, что фундаментальными причинами происходящих в XXI веке мирополитических процессов выступают геополитические противоречия.

2. Уточнены концептуальные подходы китайской и американской сторон к лидерству в условиях геополитической турбулентности, выявлена преемственность американской политической мысли в обосновании стратегии лидерства. Автором сделан вывод о том, что США опираются на обширный теоретический и концептуальный багаж, в основе которого лежат идеи мессианства. В китайских концепциях не допускается гегемонии отдельных держав. Китай претендует на лидерство с XXI века, опираясь на

конфуцианские ценности сотрудничества и гармонии, позиционируя себя в качестве ответственного лидера, который заботится о благе всех государств мира. В основе китайского стремления к лидерству лежат экономические достижения и технологические успехи.

3. Автор пришел к выводу, что реализация Китаем курса на занятие лидирующих позиций в мировой политике, ускорила формирование китайской школы ТМО. В концептуальном плане она отражает стремление КНР создать альтернативу западным парадигмам. Установлено, что в отличие от американской идеи мессианства, которая использует все инструменты, включая силовые для сохранения за собой лидирующих позиций, китайская школа ТМО более амбициозна. КНР рассчитывает стать не только экономическим, но и интеллектуальным лидером в мире, что предполагает снижение зависимости от западных исследовательских рамок. При этом принципиальным отличием в политике Китая является то, что он не интегрируется в существующий мировой порядок, а проводит курс на его трансформацию в собственных интересах, выдвигая собственные идеологические принципы и опираясь на собственный экономический и технологический потенциал;

4. Автором раскрыты фундаментальные причины усиления активности США и Китая за лидирующие позиции в современной мировой политике и мировой экономике. Одной из основных причин выступает угроза для США потерять экономическое и технологическое превосходство и столкнуться с ограничениями к запасам ресурсов. Геополитическая активность Китая обусловлена накопленной экономической мощностью, что ставит под угрозу доминирующие позиции США. Доказано, что идея об американской исключительности выступает фундаментом концептуальных основ политики США, этой идеей пронизаны практически все американские документы, связанные с внешней политикой.

5. Автор выявил преемственность концептуальных основ американской политики. Сделан вывод, что концептуальные подходы

американской элиты в отношении лидерства опираются на исторически сложившуюся систему ценностей, а также идеи мессианства, которыми пронизана американская элита. В свою очередь, Китай ориентируется на формирование китаецентричной системы международных отношений, опираясь на экономические возможности, появившиеся в последние десятилетия. Политика Китая прошла эволюцию от укрепления экономических позиций в мире до устремлений китайского руководства к лидерству в глобальном масштабе.

6. Определена специфика современных механизмов, применяемых США и Китаем для отстаивания лидирующих позиций в мировой политике и мировой экономике. Она заключается в том, что США и Китай пытаются привлечь третьи страны к отстаиванию своих позиций, сочетая многосторонние форматы сотрудничества. В сфере экономики США и Китай оказывают экономическое и политическое давление друг на друга, добиваясь односторонних уступок. Автор раскрыл, что подобная практика американской и китайской сторон ведет к усилению регионализации мировой экономики и создает предпосылки для формирования разделительных линий в мировой политике. Показана вариативность двусторонних отношений, которая позволяет американской и китайской сторонам использовать наиболее эффективные пути в достижении конкретных задач. Среди американского инструментария следует выделить расширение политических контактов и экономическое давление. У Китая преобладающими остаются инструменты мягкой силы и инфраструктурные проекты.

7. Автор выявил области, в которых усилилось соперничество между США и Китаем за лидирующие позиции. В частности, к ним относится борьба за контроль и использование редкоземельных металлов. Показано, что Китай рассматривает эту сферу в качестве ключевой на пути к утверждению геополитического лидерства, поскольку данные природные ресурсы необходимы при создании новых технологий. Китай активно применяет

систему ограничений поставок редкоземельных металлов в США, что усиливает политическую напряженность с Китаем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «лидерство», в отличие от «господства», «гегемонии», «тирании» и т.д., предполагает способность создать привлекательную перспективу для сообщества (среды), способность вдохновлять, мотивировать, побуждать и вести; место принуждения в этом случае занимает создание условий, место насилия – добровольное признание лидирующей позиции со стороны сообщества.

2. Исследование показало зависимость между характеристиками внутривнутриполитического (национального) лидерства и международного (глобального) лидерства: слабое и неэффективное внутривнутриполитическое лидерство несовместимо с глобальным лидерским статусом. Общей универсальной характеристикой и глобального, и национального лидерства является их характеристика как социального явления, описывающего характер взаимоотношений на разных уровнях и между различными субъектами: на международном и национальном соответственно.

3. Глобальное лидерство основано на способности предлагать и реализовывать прорывные идеи по решению комплекса проблем глобального уровня, способности брать на себя бремя задач планетарного масштаба и творчески с ними справляться. Особенностью современного геополитического соперничества Китая и США является то, что США рассчитывают сохранить лидирующие позиции в мире, но устраниваются от решения глобальных проблем. Китай стремится доминировать в мировой политике и экономике, но не готов брать на себя ответственность за решение глобальных проблем.

4. Цивилизационный подход при исследовании проблемы лидерства имеет определенные ограничения. С точки зрения цивилизационного подхода имеет смысл ставить вопрос о том, правомерно ли выделение США в отдельную цивилизацию, либо следует рассматривать американское

государство как часть западной цивилизации. Китай, в силу исторического развития может рассматриваться в качестве цивилизации. Однако для глобального лидерства Китаю не хватает признания этого статуса другими участниками международной жизни. Более того, Китай пока не создал привлекательный образ для подавляющего большинства акторов мировой политики. Наконец, Китай не располагает ресурсами для определения и выполнения задач кратко- и среднесрочной глобальной повестки дня, что является едва ли не главным критерием глобального лидерства.

5. Сформулированное предположение относительно критически важной для глобального лидерства роли двух составляющих – эффективного национального лидерства и ориентации на передовую технологичность – полностью подтвердилось. Эти факторы можно признать основными как для внутригосударственных процессов (интрасоциетальный контур), так и для позиционирования на мировой арене (экстрасоциетальное окружение), где действия по изменению функционирования мировых финансово-экономических институтов и правил в собственную пользу, а также формирование благоприятного имиджа в глазах мировой общественности – два необходимых направления для приложения управленческо-технологических усилий актора, претендующего на глобальное лидерство.

6. Статус глобального лидера в современной мировой политике становится недостижимым не столько по причине нехватки ресурсов, сколько по причине неспособности ухватить суть глобальной повестки дня и предлагать варианты решений – технологически и ценностно прорывных. Поскольку эти задачи предполагают преодоление «национального эгоизма», при нынешней структуре самоорганизации США и Китаю не удастся претендовать на роль государства-лидера в среднесрочной перспективе.

7. Идея избранности (мессианство) не способствует ни достижению, ни тем более закреплению глобального лидерского статуса, а напротив – приводит рано или поздно к скатыванию в доминирование и гегемонизм. Кроме мессианства, черты которого прослеживаются в самоидентификации и

китайцев, и американцев, государства, претендующие на роль глобальных лидеров, ожидают и другие риски: для Китая – это форсирование процесса вхождения в новый для себя статус (этому противостоит мировоззрение, основанное на конфуцианстве и национальной философской традиции, но способствует плановая экономика); для США – неспособность уловить глобальную повестку дня, принять право других не следовать за лидером.

Теоретическая значимость исследования состоит в использовании в российской политической науке положений неореалистического подхода, таких как теория систем, теория баланса сил, концепция властного транзита, а также концепции балансирования Китая. Предложены подходы, расширяющие отечественные исследования в области изучения глобального лидерства. Представленное исследование восполняется теоретические пробелы в осмыслении феномена лидерства в современной политической науке.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях в сфере внешней политики, при разработке стратегических документов РФ, касающихся внешнеполитической деятельности, исходя из концептуальных подходов США и Китая. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по мегатрендам и глобальной политике. Материалы диссертации могут быть положены в основу учебно-методических материалов по направлениям «Политология», «Международные отношения», «Регионоведение» и спецкурсов по глобальному управлению и мировой политике.

В практическом отношении материалы данной работы могут быть востребованы МИД России при выработке позиции России как в форматах двусторонних (российско-американских и российско-китайских) отношений, так и в рамках многосторонней дипломатии, на уровне международных организаций.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Работа соответствует формуле паспорта специальности 5.5.4 – международные отношения, глобальные и региональные исследования, п. 3 – Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования были опубликованы в 7 научных работах, 6 из которых включены в перечни ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ и РУДН.

Результаты исследования также были представлены на российских и международных научных конференциях, в том числе: научно-практическая конференция «Международный год мира и доверия, 2025 – туркменская инициатива для сотрудничества и взаимопонимания» (г. Москва, 28 марта 2025 г.); круглый стол «Роль доверия в современной дипломатии» (г. Москва, 29 апреля 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «Тарлевские чтения. К новой архитектуре многополярного мира (г. Москва, 4 июня 2025 г.).

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК Министерства образования и науки РФ и Перечнем изданий, рекомендованных Аттестационной комиссией РУДН:

1. Уксусников П.Б. США: истоки нынешнего гегемонизма // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. - №4(10). – С. 20-32. (Перечень РУДН; Перечень ВАК К2).
2. Уксусников П.Б. Американцы: кто они? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2017. - №1(11). – С. 35-44. (Перечень РУДН; Перечень ВАК К2).

3. Уксусников П.Б. Феномен государства-лидера в глобальных процессах // Обозреватель. – 2017. - №3. – С. 36-47. (Перечень РУДН; Перечень ВАК К2).

4. Уксусников П.Б. Политика Китая в условиях турбулентности мировой политики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2025. - №2. – С. 18-30. (Перечень РУДН; Перечень ВАК К2).

5. Уксусников П.Б. Конкуренция за глобальное лидерство: стратегии США и Китая в эпоху трансформации мирового порядка // Вестник ученых-международников, 2025. №1. С. 78-94. (Перечень ВАК К3).

6. Уксусников П.Б. Основные области стратегической конкуренции между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой: политологический анализ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14, №7. С. 1790-1798. (Перечень ВАК К3).

Статьи, опубликованные в иных видах изданий:

7. Уксусников П.Б. Китай: от страны-цивилизации к мировым лидерам. Научные записки молодых политологов и экономистов. Москва. – 2017. – С. 26-36. (РИНЦ).

Структура диссертационного исследования соответствует поставленным целям и задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И НОВОЕ ЛИДЕРСТВО

1.1. Основные тенденции в мировой политике: переход к полицентричному устройству

На современном этапе в мировой политике происходят кардинальные изменения, которые развиваются под влиянием различных факторов. Баланс сил, который наблюдался в прошедшие десятилетия оказался разрушен. Конкуренция геополитических проектов и разных идей ушла в прошлое, уступив место экономическим столкновениям и возрастанию военной силы в политике ключевых акторов мировой политики⁶⁴. Многократно возросла неустойчивость международной системы, в рамках которой происходят значительные изменения. На смену структурированным отношениям между государствами пришел международный беспорядок, в котором возросла геополитическая неопределенность. «Мощным ускорителем трансформационных потрясений в мировой политике стала совокупность трех кризисов: западноцентричной либеральной модели, пандемического ковидного кризиса и интернационализации кризисного развития ситуации на Украине»⁶⁵. Впрочем, к этим факторам следует добавить экономические факторы, которые определяют политику ключевых центров силы, прежде всего, США и Китая⁶⁶.

Фундаментальные изменения связаны с кризисом либеральной модели мирового развития и ее идеологических принципов. Впрочем, либеральная модель уже не раз в истории проходила через различные испытания, которые как правило разрешались через военные конфликты.

Либеральные ценности были востребованы длительное время и продвигались США и Европой в качестве образца для развития. Особенностью

---

⁶⁴ Залывский Н. П. Геополитическая конкуренция государств за экономическое лидерство в будущем мире // Век глобализации. 2014. №1. С. 55–65.

⁶⁵ Кризисная геополитика и Россия / отв. ред. М. А. Неймарк. М.: Дашков и К⁰, 2025. 384 с.

⁶⁶ Морозов Ю. В., Батюк В. И. Стратегический треугольник США – КНР – РФ: вызовы и перспективы безопасности. М.: ИКСА РАН. 2022. С. 65–84.

данной модели являлось и является то обстоятельство, что она преподносила либеральные ценности в качестве универсальных и помимо этого, продвигала их за пределами территории западных государств. Данный подход обосновывался заботой о необходимости продвижения демократических ценностей, которые в действительности приводили к прямому вмешательству во внутренние дела отдельных государств.

Составной частью глобальных противоречий на современном этапе выступает так называемый украинский кризис. Отличительной его чертой выступает интернационализация, что четко продемонстрировало наличие неразрешимых противоречий между Россией и западными государствами⁶⁷. Начавшееся после распада СССР расширение НАТО привело к стремительному продвижению Альянса к российским границам. Однако ценность непосредственно Украины для НАТО была и остается невысокой. Более важной является инструментальная роль украинской стороны, поскольку Украина стала рассматриваться в качестве одного из ключевых инструментов давления на Россию. Этим объясняется повышенный интерес Запада к Украине, которая с февраля 2022 года по март 2025 года получила от западных государств свыше 200 млрд долларов экономической и военной помощи⁶⁸. В этом контексте интернационализация украинского кризиса означает сохранение курса Запада на реализацию конфронтационной модели отношений с Россией. Соответственно, санкционная политика стала носить не только характер кратковременных и точечных шагов, направленных на оказание давления на российскую сторону. Санкции превратились в долгосрочную и всеобъемлющую стратегию Запада, который поставил задачу оказать на Россию экономическое давление и снизить ее геополитическую роль в мире.

---

⁶⁷ Путин назвал геополитику основой противоречий России и западных стран. 13.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7888206?ysclid=mel8rd65uo239567474> (дата обращения: 28.07.2025).

⁶⁸ Лавров заявил о выделении Западом Украине более \$200 млрд за два года. 30 января 2024 года. URL: <https://iz.ru/1642057/2024-01-30/lavrov-zaiavil-o-vydelanii-zapadom-ukraine-bolee-200-mlrd-za-dva-goda> (дата обращения: 23.07.2025).

Причины интернационализации украинского конфликта кроются в начале длительного этапа мирового переустройства. Созданный после Второй мировой войны мировой порядок под влиянием фундаментальных противоречий стал меняться. К данным противоречиям относится нарастание экономических проблем в либеральной модели экономики, формирование новых центров силы, одним из которых стал Китай, а также уход с мировой арены СССР, выступающего конкурентом США. При этом обращает на себя внимание, что глобальная конкуренция последних десятилетий не получала своего разрешения. США, Китай, ЕС, Россия, страны Ближнего Востока и Латинской Америки оказались вовлечены в глобальное соперничество, которое усилила конкуренция за природные ресурсы, включая редкоземельные металлы, которые стали называть «нефтью» XXI века⁶⁹.

Соответственно противоречия между ЕС, США, Китаем и Россией нарастали. Каждая из сторон предлагала свое видение развития ситуации. Однако практико-теоретические подходы всех сторон расходились все дальше. По этой причине Украина оказалась востребованной для Запада, который стал стремиться к тому, чтобы «превратить ее в форпост противоборства с Россией». В этой связи западные элиты стали создавать для Украины конфронтационную модель ее отношений с Россией, видя в этом возможность кардинально изменить геополитический баланс, создать вокруг российских границ конфликтную зону⁷⁰.

После февраля 2022 года, когда Россия начала проведение Специальной военной операции (СВО) конфликтный характер отношений между Россией и Западом стремительно переместился в фазу противостояния. Санкционная политика Запада в отношении России свела к минимуму инструментарий «мягкой силы», который рассматривался в качестве потенциальной

---

⁶⁹ Калантзакос С. Редкоземельные элементы и геополитика Китая. СПб.: Academic Studies Press, 2024. 328 с.

⁷⁰ Ищенко Р. Конфронтационная модель. Истоки российско-украинского конфликта. 30.04.2025. URL: <https://ukraina.ru/20250430/konfrontatsionnaya-model-istoki-rossiysko-ukrainskogo-konflikta-1062883517.html?ysclid=melhl3t54r608010813> (дата обращения: 13.07.2025).

возможности снять противоречия. На первые роли вышли насильственные методы решения стратегических задач, которые в предыдущие десятилетия не получали своего применения. Фактически государства Запада вернулись к испытанному веками методу разрешения международных конфликтов – через военные конфликты, за счет применения силы⁷¹. Отличительной особенностью современного этапа является использование комбинированных форм воздействия: экономического и информационного давления, использование нерыночных методов влияния в сочетании с военными поставками. Как итог: конфликтность сторон быстро перешла в состояние противоборства, в котором страны делают ставку не на отстаивание своих позиций, а прежде всего, на нанесение максимального ущерба своим противникам.

С 2022 года США и ЕС ведут против России военные действия, поставляя Украине вооружения и оказывая экономическую помощь. Происходит целенаправленная подготовка украинских военных, страны НАТО предоставляют украинской стороне разведывательную информацию. Эти и другие шаги Запада ведут к эскалации конфликта, который США и ЕС сознательно подпитывают, поощряя украинскую сторону к продолжению ведения военных действий.

Геополитические противоречия происходят на фоне политического соперничества и экономических противоречий. Для Запада ключевой задачей выступает нанесение стратегического поражения России, ее экономическому потенциалу. Конечной целью Запада выступает нанесение стратегического поражения России, прежде всего, в военной и экономической сферах, тем самым, создав условия для последующего укрепления своих позиций в мировой политике и экономике⁷².

---

⁷¹ Козюлин В. Военная сила в международных отношениях: место для шага вперед. 2 ноября 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennaya-sila-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-mesto-dlya-shaga-vpered/?ysclid=melhoco7y9493253421> (дата обращения: 23.07.2025)

⁷² Яковенко А. Новые угрозы в развитии международной обстановки. За горизонтом будущего. 23 мая 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/novye-ugrozy-v-razviti-i>

Нынешняя ситуация в мировой политике способствует формированию тактических альянсов и разделению стран по принципу «свой» - «чужой». Одним из подобных альянсов выступает форум БРИКС+, который был образован Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР. Данный формат отражает заинтересованность в формировании нового мирового порядка, в котором не будут доминировать страны Запада. Однако процесс этот длительный и сталкивается с серьезными трудностями. Наглядным примером является сфера, связанная с формированием альтернативной платежной системы и снижения роли доллара в мировой валютной системе. Однако реализация данных планов сопряжена с многими проблемами.

Например, российские предложения о расширении расчетов в национальных валютах между странами, входящими в БРИКС+, не всегда находят поддержку у ключевых партнеров России. Зачастую это связано не с политическими факторами, а с экономическими реалиями. Например, один из основных участников формата БРИКС+ – Китай, который располагает второй по величине экономикой мира. Китай поддерживает курс на дедолларизацию мировой экономики, поддерживая принимаемые решения. Однако китайская экономика сильно интегрирована в мировую экономику и имеет сильную зависимость от доллара. Неслучайно, в стратегических документах КНР можно найти тезисы о постепенной интернационализации юаня, но не отказа от доллара как такового⁷³.

Переход от биполярной системы международных отношений к системе, в которой сформировалось несколько центров силы происходит в условиях, когда США стремятся сохранить за собой лидирующие позиции в мировой политике. В XXI веке сменяющие друг друга американские президенты, независимо от партийной принадлежности, проводят курс на жесткое

---

mezhdunarodnoy-obstanovki-za-gorizontom-budushchego/?ysclid=melhr7mru1758471485 (дата обращения: 24.06.2025).

⁷³ Алиев М., Сяо Ю., Рязанова С. Механизмы дедолларизации КНР в рамках стратегии интернационализации юаня: доклад № 2024-98 / под ред. С. М. Гавриловой, Ю. Ю. Мельниковой, Г. В. Грызлова, Д. О. Растегаева; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД. 2024. 42 с.

отстаивание интересов США в мировой политике и экономике⁷⁴. При этом, в стремлении отстоять свои позиции, американская сторона все активнее прибегала к прямому политическому и экономическому давлению. В случае с Украиной, по сути, США стали активным участником вооруженного конфликта, поставляя в значительных объемах военную технику украинской стороне, и, тем самым, выступая против России.

Нестабильность в мировой политической и экономической системе повысила значение военного, силового фактора при отстаивании своих интересов. Активное использование новых видов вооружений и в целом возрастание силовой составляющей несут угрозу стратегической стабильности, провоцируя все новые политические и экономические кризисы.

Следует отметить, что в начале XXI века баланс геополитических сдержек и противовесов оказался нарушен, а в последние годы по сути ликвидирован полностью⁷⁵. Это привело к хаотизации в мировой политике, отличительными чертами которой стала нестабильность и непредсказуемость. При этом значительно снизилась роль глобальных институтов управления: ООН, МВФ, ВТО, которые утратили влияние на политические процессы в мире⁷⁶. Более того, в условиях геополитической напряженности, все отчетливее просматривается курс глобальных институтов отражать позицию отдельных государств, тем самым, способствуя дальнейшей напряженности. В результате сложившейся ситуации, при которой глобальные институты снизили свое влияние, выработка нового формата международных отношений сталкивается со значительными сложностями. Разделительные линии между отдельными государствами создают предпосылки для формирования новых отношений, новых конфигураций. Наглядным примером подобного нового

---

⁷⁴ США: возможности и пределы экономического и политического лидерства. В 2 т. / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, Э. В. Кириченко. М.: ИМЭМО РАН, 2016–2017. 240 с.

⁷⁵ Проблемы эффективности и реформы системы международных многосторонних институтов / под общ. ред. М. В. Ларионовой. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: ТЕИС, 2007. 268 с.

⁷⁶ Прохоренко И. Международные институты в современной мировой политике. 4 марта 2022 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-instituty-v-sovremennoy-mirovoy-politike/?ysclid=meli2e44go427338064> (дата обращения: 18.05.2025).

формата может служить БРИКС, который изначально задумывался в качестве альтернативы сложившейся системы международных отношений и экономической политике⁷⁷. Сближение отдельных государств, отстаивающих право на равноправные отношения, а с другой стороны – консолидация позиций западных стран, которые стремятся сохранить доминирование и сложившуюся колониальную модель взаимоотношений порождают новые конфликты. Их концептуальное наполнение свидетельствует о непримиримых противоречиях, разрешение которых возможно либо при условии поиска компромиссов, либо по итогам силового доминирования одной из сторон.

Формирование полицентричного мира, о чем многократно говорят политики и эксперты, нуждается в концептуальном уточнении. Полицентричность предполагает наличие различных центров силы, которые создают устойчивую систему международных отношений, снижая конфликтный потенциал. В России используют термин «многосторонность», который был раскрыт российским президентом. По словам В. В. Путина, многосторонность следует понимать «не как всеохватность, а как необходимость привлечения тех, кто действительно заинтересован в урегулировании проблемы. И, разумеется, ничего хорошего не получится, когда в процесс, затрагивающий определенный круг игроков, реально способных договориться между собой, подчас грубо и беспардонно вмешиваются сторонние силы. Причем делают это исключительно с целью продемонстрировать свои амбиции, власть и влияние. “Застолбить поляну”, развести всех, а не внести свой позитивный вклад в решение вопроса»⁷⁸.

Расхождения в концептуальных оценках будущего мироустройства усложняет текущий формат отношений. На современном этапе доминирующей формой выступают гибкие многосторонние форматы, в

---

⁷⁷ Рябков С. Сегодня БРИКС воспринимается в качестве одного из столпов нового более справедливого миропорядка. 26 декабря 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/segodnya-briks-vosprinimaetsya-v-kachestve-odnogo-iz-stolpov-novogo-bolee-spravedlivogo-miroporyadka/?ysclid=mel6joh9m796645498> (дата обращения: 26.05.2025).

⁷⁸ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 18.04.2025).

рамках которых происходит поиск общих точек соприкосновения. Они имеют значительные перспективы, обеспечивая возможности создания альтернативных форм сотрудничества в политической и экономической сферах. Однако подобная тенденция имеет и определенные риски, которые заключаются в дефрагментации современного мира. Данная тенденция определяется «идеологической» составляющей, когда государства формируют новые форматы отношений по принципу «свой – чужой». В последние годы прослеживается тенденция, когда западные государства, при лидирующей роли США, выступают единым фронтом в отношении России, Китая и других незападных государств, пытаясь оказать на них давление⁷⁹. В свою очередь, незападные государства выстраивают новые форматы сотрудничества, рассчитывая таким образом противостоять давлению и предложить новые форму взаимодействия.

С подобными взглядами и практикой не согласны западные страны, которые по-прежнему стремятся навязывать свои ценности остальным странам, а в экономическом плане придерживаться неоколониальных практик, опробованных на протяжении длительного исторического периода. Тем не менее, поиск согласованных решений в рамках новых форматов получил свое развитие.

1.2. Концептуальные подходы США и Китая к формированию нового мирового порядка

По мере нарастания геополитических противоречий между США и Китаем происходила концептуализация их взглядов на будущее мироустройство. В реализации своей политики и формировании подходов к будущим международным отношениям американская и китайская сторона опирались на концептуальные подходы, выработанные национальными научными школами.

---

⁷⁹ Бабаев К. В. Стратегический треугольник Россия-США-КНР и будущее Северо-Восточной Азии // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 66–78.

Несмотря на утрату своего лидерства США продолжают политику, которая бы формировала монополию на развитие мировой политики и доминирование в международных отношениях. Мессианство США не исчезло, что подтверждают американские документы. Так, в «Стратегии национальной безопасности, принятой в октябре 2022 года, подчеркивалось, что США является «глобальной державой с глобальными интересами»⁸⁰, которая призвана и дальше «продолжать руководить с силой и целеустремленностью»⁸¹. Неслучайно в вводной части документа со всей прямотой сформулированы задачи американской политики, которая должна быть нацелена на то, чтобы добиться победы над геополитическими конкурентами. Также подчеркивалось, что «потребность в американском лидерстве как никогда велика».

Для достижения доминирования и сдерживания конкурентов в мировой политике и экономике США применяют различные инструменты. Их число и содержание постоянно меняются, приобретая черты откровенного давления.

Представления о глобальной роли США подпитываются исторически сложившимися концептуальными представлениями о необходимости доминирования и убежденности в универсальности американской политики. Однако с подобным подходом не согласны многие страны, которые еще в 1960-х годах стремились сформулировать, а затем и сформировать новый международный порядок, в основе которого находились бы равноправные отношения.

Таким образом, США выступают за американоцентричную систему международных отношений, в которой остальные страны должны быть включены в сферу интересов американской политики. Данный курс предполагает односторонние уступки других государств США, которые продвигают геополитические и экономические интересы. «Мессианские

---

⁸⁰ National Security Strategy // White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

⁸¹ Там же.

устремления политической элиты США в значительной степени определяют ее стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без особой оглядки на институционализацию международной среды»⁸².

В концептуальном плане США опирались на идеи мессианства, которые формировались в американской политической элите на протяжении последних двухсот лет, а зарождались с момента прибытия первых переселенцев из Европы⁸³. Соответственно США рассматривали мироустройство через призму идей исключительности. Соответственно, исходя из этого, США рассматривают будущий мировой порядок, в котором будут обеспечены лидирующие позиции американской стороны. При этом понятие лидерства в последние десятилетия претерпело значительную трансформацию. Изначально понимаемое в качестве привлекаемой идеологии, на которую должны ориентироваться другие государства, лидерство стало восприниматься в качестве безусловного доминирования в мировой политике, сопровождаемое подчинением интересам других государств стратегии развития США. Подобные установки не соответствуют идеям построения полицентричного мира, в котором разные по своим возможностям центры силы взаимодействуют друг с другом. Для США такой подход оказался неприемлем. Обострение отношений с Россией в XXI веке отражает гегемонистские устремления американской элиты, которая не готова смириться с утратой лидирующих позиций и формированием полицентричного мирового порядка. Можно говорить о том, что американская сторона продвигает модель мирового порядка, в которой должен находиться единственный гегемон, который определяет развитие мировой политики, подходы к решению мировых проблем и проводит неоколониальную политику

---

⁸² Неймарк М., Указ. Соч. С. 76.

⁸³ Панова Ю. В. Американская идентичность как мультикод мирового лидерства. DOI: 10.34670/AR.2023.33.80.010 // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т.12, №9А. С. 73–78.

в отношении других государств, подчиняя их интересы устремлениям и потребностям США.

О желании сохранить лидирующие позиции в мире в XXI веке неоднократно заявляли американские лидеры. На протяжении последних десятилетий Б. Обама, Дж. Байден и Д. Трамп многократно заявляли о перспективах развития международных отношений, конкретизируя задачи американской политики.

Идея американской привлекательности до последнего десятилетия базировалась на «мягкой силе», которая рассматривалась в качестве основного инструмента, благодаря которому продвигалась американская исключительность. Однако культурно-гуманитарная составляющая, которая активно использовалась США ушла в прошлое. Характерной чертой американской политики стало использование силовой компоненты. Ставка на силы, причем военную, находится в основе современной американской политики. США больше не утруждают себя поиском механизмов мягкого убеждения и привлечения на свою сторону. Подобное наблюдалось и раньше, когда американская политика активно использовала экономические рычаги воздействия и военные инструменты. Тем не менее, данный инструментарий дополнял инструменты «мягкой силы». В последнее десятилетие силовой компонент стал доминировать в политике США, которые таким образом рассчитывают сохранить свое лидерство и не допустить усиления Китая⁸⁴.

Столь резкое изменение в подходах США определяется усложнением проблем в мировой политике и экономике, противоречиями с торговыми партнерами, а также в связи с выходом на мировую арену новых акторов, претендующих если не на ведущие роли, то рассчитывающие на усиление своих позиций в отстаивании своих интересов. Подобные устремления входят

---

⁸⁴ Маматханов Р. Современное военно-стратегическое усиление США на китайском направлении как вызов безопасности в ИТР. 30 марта 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/r-mamathanov/sovremennoe-voennostrategicheskoe-usilenie-ssha-na-kitayskom-napravleni/?ysclid=meliipzcbj63865893> (дата обращения: 12.04.2025).

в противоречие с претензиями США на лидирующие позиции, сохранение за собой исключительной роли.

Американоцентризм претендует на безусловное подчинение других стран воле США. Либеральная демократия трансформировалась в мессианство, которая не допускает иных взглядов на развитие мирового развития. Подобная нетерпимость усиливает конфликтный потенциал, ведет к политическим и торговым конфликтам, усиливает заинтересованность решать противоречия силовыми методами.

Наиболее рельефно противоречия в международных отношениях проявляются между США и Китаем, который не согласен встраиваться в американскую сферу интересов и занимать подчиненное положение. Попытка США оказать нажим на китайское руководство в 1989 году не увенчалось успехом⁸⁵. Китай не поддавался давлению, но в то же время, выстроил торговые отношения с США, для которых в тот период Пекин представлялся более удобным политическим и экономическим партнером. В свою очередь, китайское руководство стремилось использовать открывшиеся возможности в расширении экономических отношений с США, что, в свою очередь, привело к нарастанию конфликтного потенциала между сторонами уже во втором десятилетии XXI века.

В соперничестве с США китайская сторона опирается на ряд теоретических воззрений. Китайские теории международных отношений, как и западные теории, представляют инструмент легитимации гегемонии КНР, особенно в контексте спорных проектов в Африке и Азии. Практически все современные исследователи фиксируют усиление роли «мозговых центров» (thinktanks), таких, например, как Китайский институт современных международных отношений (CICIR), в формировании внешнеполитической стратегии КНР. Кроме того, сохраняется обусловленность китайских концептов западными лекалами (еще десятилетие назад многие считали китайские теории

---

⁸⁵ Киреев А. А. Политический кризис 1989 года и его влияние на американо-китайские отношения. 7 марта 2012 г. URL: <https://www.gramota.net/article/hss20120621/fulltext> (дата обращения: 28.06.2025).

МО западными, по сути, но переформатированными на китайский лад)⁸⁶. В 20-е гг. XXI в. отчетливо проявилась разнородность китайских подходов и концепций, вылившаяся в конкуренцию отдельных научных направлений, например, шанхайского и пекинского⁸⁷. К слову, шанхайская школа (теория международного симбиоза) фокусируется на взаимозависимости государств и поиске гармонии через сотрудничество, избегая конфронтации, в то время как пекинская не исключает ситуаций, при которых конфронтация не просто неизбежна, но и желательна для судеб мира.

Критика западного этноцентризма как основной характеристики сложившейся в XX в. науки о международных отношениях – это то, что объединяет все национальные школы, в том числе китайскую и российскую. Эта идея является основой российских исследований о китайских взглядах на теорию международных отношений (ТМО): глобальное управление должно учитывать культурное разнообразие и многоуровневые взаимодействия, а не основываться на доминировании отдельных государств⁸⁸.

Однако немногие исследователи обращают внимание на то, что в целом ряде китайских концепций нет места не только гегемонии великих держав, но и национально-государственным образованиям как основным несущим конструктам международных отношений. Так, концепция «Тянься» («Поднебесная») Чжао Тиняна предлагает модель мирового порядка, где

---

⁸⁶ Кузнецов Д. В., Буяров Д. В. Современный Китай и его окружение. М., 2015; Понька Т., Бельченко А., Забелла А. Китайский взгляд на теорию международных отношений // МЭиМО, 2017. Т. 61. №10. С. 76–86. URL: [https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0076_0086_\(8\)_Ponka_ID10155.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0076_0086_(8)_Ponka_ID10155.pdf).

⁸⁷ Глобальное управление: кризис или трансформация? Мировое развитие. Выпуск 22 / под ред. А. А. Алешина, Ю. А. Барониной, А. Р. Борисовой [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 225 с. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/globalynoe-upravlenie-krizis-ili-transformatsiya-mirovoe-razvitie-vipusk-22>.

⁸⁸ Бояркина А. В. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация: монография / науч. ред. В. Ф. Печерица; Дальневост. федерал. ун-т. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. 342 с. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/2f9/nsq6uc2x6h640rbh4u2tjhtbwpvwi2fi/Бояркина_А_В_Внешнеполитические_концепции_КНР.pdf; Бергер Я. М. Стремление Китая к мировому лидерству требует пояснений // НГ-Сценарии. 26.01.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-01-26/15_china.html (дата обращения: 21.03.2025); Понька Т., Бельченко А., Забелла А. Китайский взгляд на теорию международных отношений // ИМЭМО. 2017. Т. 61, №10. С. 76–86.

суверенитет государств переосмысливается через призму конфуцианских ценностей сотрудничества и гармонии. Эта концепция фактически является антиподом вестфальской системы, которую авторитетный китайский учёный считает устаревшей и конфронтационной. Китай выступает не в качестве государства, а играет роль стабилизирующего центра⁸⁹. Концепция «Тянься» критикуется на Западе как инструмент легитимации гегемонии Китая.

Помимо указанной концепции особое место занимает теория отношений Цинь Яцина, которая часто именуется как «релэйшенизм». В ней отвергается западный индивидуализм, взамен акцентируются межсубъектные связи в мировой политике. По мнению Цинь Яцина, международные отношения – это сеть взаимодействий, где статус акторов определяется их позицией в системе связей⁹⁰. В этой системе координат государства – не более чем один из видов акторов, практически как в большинстве западных неолиберальных теориях или концепциях, связанных с антропологическим разворотом в науке. Цинь не полностью приравнивает государства к другим акторам, как это делают некоторые либеральные или конструктивистские теории. Его теория направлена скорее на то, чтобы показать, что статус государства формируется не «сам по себе», а через отношения с другими.

Кроме того, хотя западные неолибералы тоже акцентируют внимание на институтах и взаимодействиях, они по-прежнему часто строят модель на основе рациональных индивидуальных акторов. Цинь же делает больший акцент на процессе, практике, изменчивости и взаимозависимости, а не просто на институциональных взаимодействиях.

Наиболее популярный китайский концепт – моральный реализм Ян Сюэтуна. Будучи творческой переработкой реалистической концепции Ганса Моргентау, он сочетает элементы классического реализма с конфуцианской

---

⁸⁹ Шарипов Ф. Ф., Тимофеев О. А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // Проблемы Дальнего Востока. 2023. Вып. 2. С. 26–40.

⁹⁰ Цинь Яцин. Глобальное управление: важная международная возможность для усиления Китая // Международный форум. 2022. № 2. URL: <https://fltrp.com/c/2022-05-11/512275.shtml> (дата обращения: 20.07.2025).

этикой, подчеркивая роль морали в международной политике. Ян Сюэтуン утверждает, что сильное государство должно руководствоваться справедливостью (гунчжэн)⁹¹.

Политика Китая направлена на перераспределение влияния в глобальном управлении, где Китай позиционирует себя как ответственного лидера, предлагающего «общезначимые блага» (например, инвестиции в инфраструктуру).

Моральный реализм Ян Сюэтуン интегрирует конфуцианские принципы справедливости (гунчжэн) и долга в международные отношения. Это противостоит западному утилитаризму и индивидуализму, предлагая этическую основу для глобальных решений.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества», продвигаемая Си Цзиньпином, акцентирует коллективную ответственность за решение транснациональных проблем, таких как изменение климата или пандемии.

По мнению президента Китайской академии международных проблем СюйБу, на нынешнем этапе, начавшемся после прихода к власти Си Цзиньпина, идеи Китая о глобальном миропорядке стали коллективным благом (公共产品), которое соответствует общемировым тенденциям и ведет к прогрессу всего человечества⁹².

Директор Института международных отношений Народного университета КНР Ян Гуанбин отмечает, что вместо либерального миропорядка западными странами был создан «миропорядок либерал-империализма»⁹³. Директор Института международных отношений

---

⁹¹ Ян Сюэтуン. Лидерство крупных стран = 北京: 中信出版社, 2020. 第56–57页; Ян Сюэтуン = 阎学通. 达戈 линдао ли = 大国领导力 (Лидерство крупных стран). Пекин = 北京: 中信出版社 (Издательство CITIC), 2020. С. 56–57.

⁹² Сюй Бу. Способствовать развитию системы глобального управления в более справедливом и рациональном направлении // 人民网. 25.03.2022. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/0325/c40531-32383783.html> (дата обращения: 08.06.2025).

⁹³ Ян Гуанбин. Китай находится на этапе стратегических возможностей и контролируемых рисков // 世界经济与政治. 2023年. 第2期. 第4页.

Университета Цинхуа Ян Сюэтун называл США времен Трампа анемократическим типом лидерства. Согласно концепции Ян Сюэтун, такое положение дел дает основание претенденту на моральное лидерство свергнуть гегемона, переродившегося в тирана, даже есть для этого понадобится сила⁹⁴. Ян утверждает, что моральное лидерство предполагает, что другие государства будут добровольно признавать лидерство претендента. При этом он признаёт, что использование силы возможно, но это крайняя мера, и она не главное средство – важнее моральное превосходство. То есть речь не просто о «свержении», а о замещении в глазах международного сообщества.

К концу первой четверти XXI века идеи о возможности американо-китайского партнерства сошли с авансцены не только мировой политики, но и двусторонних отношений. Характер взаимодействия набрал контронтационный потенциал. Всё чаще о «большой двойке» или «кимерике» как симбиотической связи двух крупнейших экономик стали упоминать в контексте конца глобализации.

Янь Суэтун в 2020-е гг. существенно пересматривает позиции в отношении логики развития китайско-американских взаимодействий. Так, если в 2015–2016 гг. он призывал к созданию оборонного союза между Россией и Китаем, то в 2022–2023 гг. акцентирует внимание на вероятности превращения Китая во вторую глобальную военную державу, прежде всего за счет ускоренного строительства авианосного флота.

Китайская академическая мысль о международных отношениях отличается заметным отходом от западных парадигм и активным поиском собственных концептуальных рамок. Теория отношений Цинь Яцина («релейшенизм») акцентирует внимание на межсубъектных связях и сети

---

⁹⁴ Ян Сюэтун: «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем» // Интервью газете Коммерсантъ. 17 марта 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (дата обращения: 07.06.2025); Ян Сюэтун. Лидерство крупных стран = 北京: 中信出版社, 2020. 第56–57页. Ян Сюэтун = 阎学通. Даго линдао ли = 大国领导力 (Лидерство крупных стран). Пекин = 北京: Чжунсинь чубаньшэ = 中信出版社 (Издательство CITIC), 2020. С. 56–57.

взаимодействий, где статус акторов определяется их позицией в системе отношений, а не исключительно материальными ресурсами. Чжао Тинян с его концепцией тянься предлагает модель мирового порядка, основанную на конфуцианских ценностях сотрудничества и гармонии, противопоставляя её конфликтной вестфальской системе. В свою очередь, Ян Сюэтуан разрабатывает концепцию морального реализма, соединяя классический реализм с конфуцианской этикой и утверждая, что моральное лидерство – неотъемлемое условие удержания гегемонии, а его утрата даёт право претенденту на лидерство даже с применением силы.

На этом фоне идеи Юй Суя формируют своего рода обобщающую рамку. Он подчёркивает, что Китай, опираясь на Пять принципов мирного сосуществования, выстраивает новую концепцию безопасности и многополюсного мира, а также концепцию международного порядка, основанного на принципах мира, стабильности и справедливости. В представлении китайских элит мировое лидерство или соперничество с США не выступают самоцелью, а воспринимаются как элементы национальной идеи – реализации «китайской мечты» о великом обновлении нации, которое, как предполагается, будет способствовать миру во всём мире. При этом публичные заявления концептуальных документов выполняют важную функцию мобилизации китайского общества на стратегический рывок.

Китайский политолог Юй Суй пишет, что Китай вырабатывает на основе Пяти принципов мирного сосуществования «новую концепцию безопасности и теорию многополюсного мира», «концепцию нового международного политического и экономического порядка, базирующегося на принципах мира стабильности, справедливости и разума».

Возможно, речь идет о совокупной национальной мощи, а о некой созданной социальной модели, обеспечивающей устойчивое и гармоничное развитие и конкурирующей с претендующими на подобное другими моделями. Как представляется, развитие такой огромной и разнообразной

страны-цивилизации как Китай невозможно было без сохранения своего культурно-исторического потенциала.

По мнению отечественного исследователя Я. М. Бергера, «основным доводом, призванным доказать, что Китаю необходимо перенять у США руководство миром, служит тезис о том, что американское лидерство завело человечество в тупик и угрожает его безопасности. Пекин понимает, что мирное возвышение Китая может дестабилизировать мировую систему, соответственно: «через экономическое развитие и мирную дипломатию Китай намерен уменьшить потрясение для мировой системы, связанное с изменением его места в мире»⁹⁵.

Исследователи обращают внимание, что в различных официальных документах КНР⁹⁶ неоднократно говорится о стремлении Китая вносить свой вклад в формирование нового политического и экономического миропорядка. Пекин призывает все миролюбивые страны и народы к совместным усилиям по установлению нового справедливого и рационального международного политического и экономического порядка. Китай также заявляет, что выступает за формирование нового международного экономического порядка, основанного на принципах справедливости, равенства, взаимовыгодного сотрудничества и отказа от дискриминации в мировой торговле⁹⁷. Как отмечал руководитель Института международных и стратегических исследований

---

⁹⁵ Бергер Я. М. Стремление Китая к мировому лидерству требует пояснений // НГ-Сценарии. 26.01.2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-01-26/15_china.html (дата обращения: 21.03.2025).

⁹⁶ Полный текст доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. URL: <https://ru.theorychina.org.cn/c/2022-10-26/1451417.shtml>. Доклад XX съезда КПК (2022): подчеркивалась идея создания многополярного мира и реформы системы глобального управления; China and the World in the New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html; Инициатива глобальной безопасности (GSI) и Инициатива глобального развития (GDI) – заявлены Си Цзиньпином в 2021–2022 годах как китайские предложения по построению более справедливой международной системы. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/swaqsqs_665306/xgxw/202403/t20240328_11272725.html; Li Jingcheng. China's 'Three Global Initiatives' within the Framework of the 'Community of Shared Future for Mankind' Concept. Russia in the Global World. 2024. Vol. 27, iss. 1. P. 7–23. URL: https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/articles/1-2024/01_Li-Tszinchen.pdf.

⁹⁷ Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества: коллективная монография / под ред. А. Чумакова. М.: Дашков и К, 2021. 298 с.

Университета Цинхуа и главный редактор журнала о международной политике Ян Сюэтуン, «побеждают силы экономического протекционизма. США возглавили это движение, и другие страны будут вынуждены последовать за ними»⁹⁸. В интервью, данном газете Коммерсантъ 17 мая 2017 года, Ян подчеркнул: «Времена изменились, и теперь Китай наполовину приблизился к статусу сверхдержавы»⁹⁹.

Создание альтернативного теоретического пространства за счёт объединения наработок незападных школ в современных условиях выглядит довольно утопично: каждая национальная парадигма решает прежде всего свои утилитарные задачи, что особенно заметно на примере китайских подходов. Развитие китайской школы ТМО отражает стремление КНР создать альтернативу западным парадигмам, однако интеллектуальная связь с ними в 2020-е годы ощущается всё сильнее: различие заключается лишь в том, какие силы китайцы видят в роли лидера или морального гегемона. Китайская школа ТМО демонстрирует амбиции КНР стать не только экономическим, но и интеллектуальным лидером, однако её развитие осложняется внутренними противоречиями и зависимостью от западных исследовательских рамок.

В целом, можно говорить о том, что проблематика нового распределения сил в международной системе, до сих пор сохраняющей признаки гегемонии США и одновременно демонстрирующей нарастание стратегического соперничества с Китаем, получила широкое освещение в современной академической литературе. Классические теории международных отношений, формирующие методологическую базу исследования, представлены трудами Роберта Гилпина, в которых сформулирована теория гегемонического перехода, согласно которой международный порядок подвержен изменениям вследствие экономического и политического подъема новых держав¹⁰⁰,

---

⁹⁸ Ян Сюэтуン: «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем» // Интервью газете Коммерсантъ. 17 марта 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (дата обращения: 07.06.2025).

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.

Иммануила Валлерстайна, разработавшего мир-системный анализ с делением на центр, полупериферию и периферию¹⁰¹, Кеннета Уолтца, предложившего неореалистическую модель международной анархии и системного баланса¹⁰², Джона Миршаймера, сторонника наступательного реализма, утверждающего неизбежность конфликта между великими державами¹⁰³ и Стивена Уолта, развившего теорию балансирования против угроз¹⁰⁴.

Исследование гегемонии США и кризиса либерального мирового порядка отражено в трудах Джозефа Ная, предложившего концепцию мягкой и умной силы¹⁰⁵, Фрэнсиса Фукуямы, рассматривавшего либеральную демократию как финальную форму политической эволюции¹⁰⁶, Джона Айкенберри, анализирующего институциональные основы гегемонии США после Второй мировой войны¹⁰⁷, Чарльза Капчана, утверждающего, что мир движется к постзападной конфигурации¹⁰⁸ и Збигнева Бжезинского, представившего геостратегию американского господства¹⁰⁹.

Подъём Китая как стратегического конкурента США исследуется в работах Яна Сюэтун, представителя китайской школы морального реализма¹¹⁰ Дэвида Шамбо, анализирующего частичное глобальное влияние Китая и его конкуренцию с США в Юго-Восточной Азии¹¹¹, Элизабет Экономи,

---

¹⁰¹ Wallerstein I. The Modern World-System. New York: Academic Press, 1974–2011. 4 vol.

¹⁰² Waltz K. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

¹⁰³ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001. 555 p.

¹⁰⁴ Walt S. Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. New York: Norton, 2005. 320 p.

¹⁰⁵ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 300 p.

¹⁰⁶ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 418 p.

¹⁰⁷ Ikenberry G. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 392 p.

¹⁰⁸ Kupchan C. No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford: Oxford University Press, 2012. 272 p.

¹⁰⁹ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. 223 p.

¹¹⁰ Yan Xuetong. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019. 278 p.

¹¹¹ Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 428 p.; Shambaugh D. Where Great Powers Meet: America and China in Southeast Asia. Oxford: Oxford University Press, 2020. 376 p.

описывающей политическую трансформацию КНР при Си Цзиньпине¹¹², Мартина Жака, провозглашающего неизбежность смещения глобального центра в сторону Азии¹¹³ и Кишора Махбубани, задающегося вопросом о крахе американского лидерства¹¹⁴.

Дополняют дискуссию исследования Парага Ханна, предлагающего геоэкономическую концепцию глобальной связности и утверждающего, что XXI век принадлежит Азии¹¹⁵, Ричарда Хааса, аргументирующего необходимость кооперативного управления в условиях упадка гегемона¹¹⁶ и Генри Киссинджера, обращающего внимание на историко-философские основания китайского и западного подходов к международной системе¹¹⁷.

Эмпирической базой служат U. S. National Security Strategy (2017, 2022)¹¹⁸, China's White Paper on National Defense (особенно доклад 2019 года)¹¹⁹, а также аналитика ведущих исследовательских центров: RAND Corporation, Brookings Institution, CSIS. Значительная часть научных публикаций представлена в академических журналах, таких как Foreign Affairs¹²⁰, International Security¹²¹, World Politics, Journal of Strategic

---

¹¹² Economy E. The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State. Oxford: Oxford University Press, 2018. 304 p.

¹¹³ Jacques M. When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London: Penguin Books, 2009. 576 p.

¹¹⁴ Mahbubani K. Has China Won? The Chinese Challenge to American Primacy. New York: PublicAffairs, 2020. 288 p.

¹¹⁵ Khanna P. The Future is Asian. New York: Simon & Schuster, 2019. 448 p.; Khanna P. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. 496 p.

¹¹⁶ Haass R. The World: A Brief Introduction. New York: Penguin Press, 2020. 400 p.

¹¹⁷ Kissinger H. On China. New York: Penguin Press, 2011. 608 p.; Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press, 2014. 432 p.

¹¹⁸ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: White House, 2017; National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: White House, 2022.

¹¹⁹ China's National Defense in the New Era. Beijing: The State Council Information Office of the PRC, 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn>.

¹²⁰ Beckley M. Delusions of Détente: Why America and China Will Be Enduring Rivals // Foreign Affairs. 2023. Vol. 102, No. 5. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-delusions-detente-rivals> (дата обращения: 30.05.2025); Bo Z. America, China, and the Trap of Fatalism // Foreign Affairs. 2023. Vol. 102, No. 4. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/america-china-and-trap-fatalism> (дата обращения: 30.05.2025).

¹²¹ Shambaugh D. U.S.-China Rivalry in Southeast Asia: Power Shift or Competitive Coexistence? // International Security. 2018. Vol. 42, No. 4. P. 85–127. URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/42/4/85/12193> (дата обращения: 30.05.2025); Glaser C. L. A U.S.-China Grand Bargain? The Hard Choice between Military Competition and Accommodation // International

Studies¹²², а также китайских изданиях – 中国国际战略评论¹²³ и 世界经济与政治¹²⁴.

Значительная часть теоретических основ, объясняющих перераспределение глобальной силы и эскалацию соперничества между США и Китаем, базируется на критике КНР со стороны ведущих американских исследователей, политиков и стратегов. Эта критика охватывает широкий спектр – от политического устройства и модели развития до геостратегии, экономической политики и идеологического влияния. Один из наиболее влиятельных представителей реалистического подхода, Аарон Фридберг в работе *A Contest for Supremacy* (2011)¹²⁵ утверждает, что Китай не просто модернизируется, а стремится заменить США в качестве доминирующей державы в Восточной Азии, что делает конфликт интересов неизбежным. Майкл Пилсбери, бывший советник Пентагона, в книге *The Hundred-Year Marathon* (2015)¹²⁶ продвигает тезис о том, что Китай реализует скрытую столетнюю стратегию по замещению американского лидерства, скрывая свои намерения за риторикой «мирного подъема». Роберт Сполдинг, бывший офицер ВВС США и специалист по кибербезопасности, в *Stealth War* (2019)¹²⁷

Security. 2015. Vol. 39, No. 4. P. 49–90. URL: <https://direct.mit.edu/isec/article/39/4/49/12308> (дата обращения: 30.05.2025).

¹²² Cold Rivals The New Era of US-China Strategic Competition // Journal of Strategic Studies. 2024. Vol. 47, No. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14751798.2024.2340150> (дата обращения: 30.05.2025).

¹²³ 《并非冷战：中美关系中的竞争与合作》// 中国国际战略评论. 2020. URL: https://www.iiss.pku.edu.cn/fj/PDF/ciss_cn/upload/docs/2020-09-25/doc_9671601047574.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

《竞争中的战略：中国、美国和印太安全困境》// 中国国际战略评论. 2020. URL: https://www.iiss.pku.edu.cn/fj/PDF/ciss_cn/upload/docs/2020-01-03/doc_7801578036563.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

¹²⁴ 《中美竞争与“一带一路”阶段属性和目标》// 世界经济与政治. 2019. No. 4. URL: <https://ejournaliwep.cssn.cn/qkjj/sjjyzz/2019nd4q8238/201905/P020190516369108907937.pdf> (дата обращения: 30.05.2025); 《百年变局视野下的大国竞争与中美关系》// 世界经济与政治. 2019. No. 11. URL: https://www.iwep.org.cn/xscg/xscg_lwybg/201911/W020191127578389227045.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

¹²⁵ Friedberg A. *A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia*. New York: W. W. Norton, 2011. 384 p.

¹²⁶ Pillsbury M. *The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: Henry Holt and Co., 2015. 336 p.

¹²⁷ Spalding R. *Stealth War: How China Took Over While America's Elite Slept*. New York: Portfolio, 2019. 256 p.

раскрывает, как Китай без военных действий ведёт скрытую экспансию через экономическое проникновение, кражу интеллектуальной собственности, цифровые технологии и влияние на американские элиты. Элизабет Экономи в *The Third Revolution* (2018)¹²⁸ анализирует политические реформы Си Цзиньпина как поворот к усилению партийного контроля, ужесточению внутреннего управления, подавлению прав человека и централизованной геополитике, угрожающей либеральному порядку. Раш Доши в *The Long Game* (2021)¹²⁹, опираясь на китайские источники, показывает, как КНР в три этапа – от сдерживания, через активное укрепление, к вытеснению – строит стратегию подрыва американского порядка. Курт Кэмпбелл и Эли Ратнер, авторы статьи *The China Reckoning* в *Foreign Affairs* (2018)¹³⁰, заявляют, что США заблуждались, ожидая либерализации КНР, и теперь должны признать, что Китай представляет собой «авторитарную державу с глобальными амбициями». Они утверждают, что Пекин активно использует международные институты, технологии, экономическое давление, инициативу «Пояс и путь» и государственный капитализм для изменения баланса сил. Объединяет этих авторов идея о том, что Китай не интегрируется в существующий мировой порядок, а трансформирует его в собственных интересах, создавая идеологический, экономический и технологический вызов США и Западу в целом.

Критические оценки Китая также широко представлены в аналитических сборниках *The China Challenge* (Hoover Institution, 2022)¹³¹, где обсуждаются конкретные угрозы: от стратегических инвестиций КНР в инфраструктуру в развивающихся странах до экспансии китайских платформ в цифровом пространстве.

---

¹²⁸ Economy E. *The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 304 p.

¹²⁹ Doshi R. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 432 p.

¹³⁰ Campbell K., Ratner E. *The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations* // *Foreign Affairs*. 2018. Vol. 97, No. 2. P. 60–70.

¹³¹ Pottinger M. (ed.) *The China Challenge*. Stanford: Hoover Institution Press, 2022. 256 p.

Все эти работы формируют идейную основу современной американской политики «стратегической конкуренции» и служат концептуальной базой для диссертационного анализа соперничества США и Китая в рамках нового мирового порядка.

1.3. Цивилизационный подход к изучению политического лидерства

Феномен политического лидерства с различных сторон изучается как большинством социальных наук, так и в рамках междисциплинарных исследований. Распад биполярной системы международных отношений поставил вопрос о том, на каких геополитических принципах будет основываться новый мировой порядок и глобальная безопасность. Соответственно, встает вопрос и о роли государства, претендующего на статус «лидера» и о том, каковыми должны быть его качественные характеристики.

Первое, что необходимо определить, занимаясь операционализацией понятия «глобальное лидерство», – это отнести его к какому-то классу феноменов, что повлечет за собой его отстраивание от всех прочих явлений аналогичного порядка. Другими словами, предстоит выяснить, является ли глобальное лидерство феноменом исключительно политического порядка (тогда возможно было бы рассмотреть его в контексте одной из новых разновидностей политического лидерства), или же экономические, культурные и прочие составляющие глобального лидерства настолько существенны, что замыкание на чисто политический контекст повлечет существенное искажение сути изучаемого явления.

Необходимо также в теоретическом и методологическом плане рассмотреть не столько семантический ряд термина «лидер», сколько то, что за этим термином может стоять по существу. И, в первую очередь, следует отграничить его от понятий «полюс», «центр силы», «гегемон», «сверхдержава», а «лидерство» — от «господства» (domination), «гегемонии» (hegemony).

Особое значение имеет также разграничение определений «мировой» и «глобальный». Допущение применения их как синонимичных для ракурса настоящего исследования имеет принципиальное значение. Однако устойчивость различий в семантических полях словосочетаний «мировое лидерство» и «глобальное лидерство» с определенностью указывает на необходимость применения и анализа кризисных явлений последнего¹³².

Семиотический разбор термина «лидер» неизбежно приводит к пониманию реальности через ценностную систему интерпретируемого и его сформировавшиеся в истории образные стереотипы по отношению к тому или иному государству. Если же иметь в виду весь семантический ряд слово-знак «лидер», то объективно и точно выражает его значение в русском языке слово «ведущий». Иерархия выстраивается и в соответствии с ценимыми нацией или цивилизационным сообществом критериями в ту или иную эпоху. Это такие, как военная и экономическая мощь государства, технологии и наука, уровень развития культуры, образования, здравоохранения, качество политического управления.

Французский теоретик Жан Блондель в своем знаковом для политической науки труде «Политическое лидерство: путь ко всеобъемлющему анализу» подчеркивал: «По сравнению с другими типами лидерства; политическое лидерство гораздо более заметно, навязчиво, если хотите, и гораздо более значимо»¹³³. Блондель вводит весьма четкое определение политического лидерства: он видит в нем «власть, осуществляемую одним или несколькими индивидуумами с тем, чтобы побудить членов нации к действиям»¹³⁴.

Блондель не сомневается в существовании по крайней мере одного уровня лидерства – общенационального. Хотя связка «лидерство-власть» работает как универсальная, начиная с межличностных отношений и

---

¹³² См., напр.: Баталов Э. Современные глобальные тренды и новое сознание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm> (дата обращения: 13.06.2025).

¹³³ Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 9.

¹³⁴ Там же.

заканчивая уровнем макросообществ. Такой размах в масштабировании, конечно, обусловлен универсальностью связки, однако требует дополнительных обоснований. Следует ввести понятие лидерства не только как явления или механизма управления, но и как института, что и осуществляет Блондель: «Внутри каждой нации политическое лидерство может занять командные высоты и распространять своё влияние вширь и вглубь, руководители наиболее значимых государств обладают таким влиянием, что о них знают во всех уголках Земли. Более того, политическое лидерство на международном уровне, кроме определенных, количественно ограниченных сфер, зависит от лидерства наиболее значимых государств»¹³⁵.

Властные отношения характерны не только для лидерства, но и для господства, однако для достижения цели данного исследования их необходимо принципиально разграничить. Классик социологии Макс Вебер указывал: «господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу»¹³⁶. Повиновение – ключевая дефиниция определения ожиданий господаря или гегемона. Лидерство как «ведение за собой» посредством воодушевления, вовлечения в процесс и стремление к общим целям и результатам не подразумевает безропотности повиновения; лидер ожидает следования, не карая за отсутствие одного. Любой признак нежелания следовать за лидером принимается как утрата лидирующего положения. Фактически разделение понятий «лидер» и «гегемон» - это частный случай одной из коренных проблем политической философии – о соотношении власти и насилия. В интерпретации одного из основоположников системного подхода в социогуманитарном знании Толкотта Парсонса объем власти в системе обратно пропорционален объему насилия. То есть если лидер прибегает к инструментам принуждения и насилия, объем его власти настолько мал, что для удержания лидерских позиций он начинает прибегать к инструментарию, не свойственному лидерству, а характерному для господина или гегемона, тем

---

¹³⁵ Блондель Ж. Указ. соч. С. 10.

¹³⁶ Weber M. Staatssoziologie. B., 1966. S. 9.

самым не восстанавливая, а погребая свой лидерский статус¹³⁷. То есть объем власти в ситуации лидерства существенно превышает аналогичный показатель для систем господства и гегемонии.

Если вслед за Эдуардом Баталовым определить гегемонию как монопольное господство¹³⁸, то высказывание основателя мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна о гегемонии как «способности навязать» выглядят более чем убедительно: «гегемония означает по определению, что существует одна держава, обладающая столь весомыми геополитическими преимуществами, что может навязывать устойчивую систему социального распределения власти всем остальным»¹³⁹.

Профессор Баталов определяет глобального лидера как того, кто наделен и распоряжается «интегральной силой»¹⁴⁰. Это сложная многосоставная дефиниция, которая по сути включает всё необходимое для управления сообществами, в т.ч. ресурсы, способность к принятию решений, авторитетность, ответственность и т. д..

Применительно к сфере глобального управления интегральная сила пока выглядит как соответствующая масштабу, но далеко по содержанию. В науке до сих пор дискутируется вопрос о принципиальной управляемости таких сложностных систем как международное сообщество или глобальная экономика, не говоря уже о глобальных процессах. То есть, на нынешнем этапе речь идет не об управлении, а о попытках регулирования процессов в части интересов конкретных участников глобальных процессов.

Широко известны взгляды Фридриха Ницше на лидерство как амбицию (интенцию к власти, а саму процедуру ее осуществления). С этой позиции

---

¹³⁷ Парсонс Т. О понятии политическая власть [Электронный ресурс]. URL: <http://read.virmk.ru/p/Parsons.htm> (дата обращения: 23.01.2025).

¹³⁸ См.: Баталов Э. Я. Указ. соч.

¹³⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 347.

¹⁴⁰ Баталов Э. Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. С. 41–45.

амбиция к «глобальному лидерству» сама по себе может запускать механизм движения, не опираясь на ресурсы интегрального характера.

Если обратиться к позиции виднейшего отечественного международногоника А. Д. Богатурова, то он обобщает всё способности глобального лидера, сводя их к формуле «способность к миротформирующей роли»¹⁴¹.

В основе этой способности лежат пять черт. Первые три вполне традиционны: военная сила, потенциалы научно-технической и производственно-экономической отраслей. Однако критически важными для глобального лидерства названы нематериальные ресурсы – организационный и совокупный креативный¹⁴².

Организационный ресурс подразумевает не столько эффективность оргструктур, сколько способность ставить перед международным сообществом значимые вопросы и участвовать в выработке и принятии решений по ним. При этом важное значение имеет разнообразие доступных для такой деятельности каналов, как официальных, так и неформальных.

Но самая любопытная характеристика способности к миротформирующей роли – это креативный потенциал. В эпоху бурного развития ИКТ он тесно связан с прорывными технологиями, искусственным интеллектом и т. д. Но не технический прогресс составляет остов креативного потенциала (он скорее следствие его реализации). Креативный потенциал, по Богатурову, – это способность к продуцированию идей, переформатированию реальности, производству новых образцов и т. д. В целом это всё то, в утрате чего Освальд Шпенглер на заре XX века подозревал Европу, «вырождавшуюся» из культуры в цивилизацию.

Следует учесть, что в статусе лидера присутствует и другая – интерактивная составляющая. Дело в том, что лидерство требует признания этого статуса другими участниками международной жизни. Более того, оно

---

¹⁴¹ Богатуров А. Д. Лидерство и критерии лидерства в мировой системе // Современная мировая политика. М., Аспект Пресс, 2010. С. 161.

¹⁴² Там же. С. 163.

предполагает согласие членов международного сообщества с правом этого лидера применять свои ресурсы (например, силовые или экономические) не только для достижения целей, значимых для глобального развития, но и в связи с особыми ситуациями в мире. Признание статуса со стороны других участников – неотъемлемая часть коммуникационных теорий¹⁴³.

Если на глобальное лидерство взглянуть через призму воззрений Зб. Бжезинского: именно он в начале 2000-х гг. ставит вопрос о принципиальном разграничении понятий «мирового господства» и «глобального лидерства». Именно американский геостратег указывает на неизбежность для США или любого другого претендента выбора траектории лидерства. Иначе, по мысли Бжезинского, США имеют все шансы стать «сверхдержавой-минус»: «...международная легитимность в значительной степени основывается на доверии, ущерб, нанесенный глобальному авторитету США, нельзя рассматривать как незначительный»¹⁴⁴.

В начале XXI века Бжезинский верил в то, что «позитивную сверхдержавность» США еще можно возродить. Для этого необходимо было верно определить главный геостратегический вызов и не упускать из виду «понимание нужд и чаяний других»¹⁴⁵.

Терроризм как претендент на роль «стратегического вызова», по мнению классика современной политологии, не подходит. Во-первых, это открывает путь для произвольного объявления других государств «вне закона» (rogue или failed), что чревато опасностями поляризации. Во-вторых, это провоцирует сколачивание коалиций под конкретную задачу, что создает ситуацию тотальной нестабильности. Мысль, сформулированная Бжезинским более 12 лет назад, сегодня звучит пророчески: «Это чревато тем, что Америку станут воспринимать за рубежом как целиком поглощенную своими

---

¹⁴³ См., напр., Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2007/habermas_2.pdf (дата обращения: 23.01.2025); Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М: 1989. 312 с.

¹⁴⁴ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2005. С. 269.

¹⁴⁵ Там же.

собственными интересами, а антиамерикански настроенные идеологи получают основание заклеить Америку как самозваного стража порядка»¹⁴⁶.

Единственное, что с точки зрения определения глобальной повестки дня очевидно З. Бжезинскому, – необходимость единства Запада, без которого право на глобальное лидерство США будет требовать постоянного подтверждения и в конечном счете окажется недолговечным, подорвав силы нации. Остальные размышления стратега, в том числе о борьбе с глобальными беспорядками как цели, приводят его к неутешительному выводу: «В момент, когда человечество стоит перед лицом беспрецедентных вызовов с точки зрения безопасности и благосостояния, лидеры Запада в интеллектуальном плане нередко оказываются бесплодными»¹⁴⁷.

Таким образом, способность создать привлекательное для подавляющего большинства акторов мировой политики долгосрочное «светлое будущее» – перспективу, достижение которой требует не только верной стратегической ориентации и риторики, но и ресурсов для определения и выполнения задач кратко- и среднесрочной глобальной повестки дня – можно считать едва ли не главным критерием глобального лидерства.

Тезис о необходимости и возможности единства «запада», вслед за Бжезинским воспроизводимый и теоретиками, и практиками, даже если пока оставить в стороне вопрос о соподчиненности Северной Америки и Европы, наводит на размышления как цивилизационного, так и системного порядка.

С точки зрения цивилизационного подхода имеет смысл поставить вопрос о том, правомерно ли выделение того пространственно-временного континуума, который замкнут границами США в отдельную цивилизацию, либо следует рассматривать указанное единство как значимую, но все же часть западной цивилизации.

Цивилизационно США, действительно, представляют собой не полный объем понятия «западная цивилизация». Мало того, они не имели отношения

---

¹⁴⁶ Там же. С. 270.

¹⁴⁷ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство... С. 278.

к тому единству, которое участвовало в зарождении и становлении западной цивилизации.

Один из основоположников цивилизационного подхода Арнольд Тойнби в «Постижении истории» прямо указывал, что США представляют собой ответвление зародившейся в Европе западной цивилизации («дочернее общество») – продуктом ее экспансии.

С тех пор в науке сложилось целое направление, которое рассматривает общества по обе стороны Атлантического океана как единое целое (представители «атлантистов» Бернар Байлин, Дэвид Армитидж, Николас Канни) – как трансатлантическое пространство, трактуемое как «расширенный западный мир». Он возник в результате колонизации, миграции, торговли, обмена идеями из «атлантического» и «британского» миров.

Николай Яковлевич Данилевский прямо указывал: англичане передали свою цивилизацию Северной Америке и Австралии посредством колонизации – самым простейшим способом распространения цивилизации – через «пересадку» (в отличие от «прививки» - как греческая Александрия в Египте или Римская культура от кельтского корня; или насыщения «почвенным удобрением» - как Греция влияла на Рим, а потом они вместе – на романо-германскую Европу). Данилевский утверждал, что «преемственные культурно-исторические типы имеют естественное преимущество перед уединенными»: они используют опыт предыдущих этапов в качестве «строительного материала». Это позволяет «наследникам» экономить силы и время и достигать расцвета в короткие сроки. Т.е. в США не создавался новый культурно-исторический тип, он был укоренен извне – западной цивилизацией.

Самуэль Хантингтон определял США как «ядро западной цивилизации» (наряду с Западной Европой), но по его широко растиражированной по всему миру схеме «столкновения» блок западной цивилизации в его противостоянии всем незападным будут возглавлять именно США.

На органическую связь Европы и североамериканских обществ прямо указывали практически все теоретики 19-20 вв., даже не имеющие прямого отношения к цивилизационному подходу. Так, Алексис де Токвиль – француз, почитаемый американскими академическими кругами как автор чуть ли не лучшего за всю историю исследования американской демократии – видел в Америке «лабораторию демократических принципов» - да, они зародились в Европе, но в свое наиболее полное развитие «в чистом виде» они получают именно в обществе, созданном колонистами.

Френсис Фукуяма, описывая конечную точку идеологической эволюции человечества, называет США воплощением и лидером «конечной формы правления» - «либеральной демократии западного образца».

На опасности отсутствия внутреннего единства западного мира до сих пор указывают многие теоретики. Так, Роберт Кейган в своей статье начала 2000-х годов «Сила и слабость» обращает внимание на усугубляющийся раскол между Европой и США, критически опасный для существования и США, которые он связывает с «силой», и Европы, ассоциируемой автором со «слабостью». Друг без друга они теряют либо моральные, либо ресурсные основания для глобального доминирования. При этом очевидно, что локомотивом современной западной цивилизации, по Кейгану, являются именно США. Именно США, а не «выродившаяся в цивилизацию культура Западной Европы» (по Шпенглеру) - средоточение пассионарной энергии западной цивилизации (по Льву Гумилеву).

Среди десяти культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского Америка и ее население вообще не значатся, хотя европейский тип (имеющий второе название «романо-германский») признается трехосновным, т.е. высокоразвитым и приближающимся к четырехсоставному славянскому, в то время как китайский тип зафиксирован как односоставный¹⁴⁸.

---

¹⁴⁸ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

Нет упоминания об американцах и у Освальда Шпенглера, а западноевропейская цивилизация носит у него название «фаустовской»¹⁴⁹, хотя в данном случае отсутствие народа в списке может означать лишь то, что он сохранил способность к творчеству в рамках какого-то другого этапа развития культуры, а не достиг стадии умирания культуры (именно в таком значении Шпенглер использует термин «цивилизация»), когда творческая потенция народа угасает. В то же время Шпенглер указывает на существование китайской цивилизации как одной из восьми (т.е. умершей культуры), тогда как «фаустовская» только вступает в стадию «заката».

Британский историк Арнольд Тойнби, признающийся основателем цивилизационного подхода, обозначает древнекитайскую и дальневосточную основную (наряду с дальневосточной в Корее и Японии) как отдельные типы цивилизаций¹⁵⁰. Тойнби подчеркивает при этом, что основная дальневосточная культура является прямой наследницей древнекитайской, во всяком случае их связь, по Тойнби, – значительно более близкая, чем, например, между современной западной и эллинской. Подробно разбирая черты существовавших в Новом свете реликтовых андской, юкатанской, мексиканской и майянской цивилизаций, о Соединенных Штатах историк упоминает лишь как о «сестре Великобритании»¹⁵¹.

Еще одна важная для настоящего исследования деталь в интерпретации истории цивилизаций заключается в том, что Тойнби был не просто ярким противником формационного подхода, но и провозглашал идею о единстве цивилизаций «догмой»: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора»¹⁵². Историк

---

¹⁴⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

¹⁵⁰ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

¹⁵¹ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 47.

¹⁵² Там же. С. 80.

высмеивал эпитет западных антропологов «ориентальный» и предостерегал от рассмотрения даже близких по духу (древнекитайской – дальневосточной, минойской – эллинской – западной) культур как циклов единой цивилизации.

С отсылкой к мировой истории и историкам, можно констатировать, что, например, на статус «государства-лидера» в определенную эпоху с большой вероятностью могут претендовать Римская и Византийская империи и в Восточной Азии – Китайская империя¹⁵³. Важно подчеркнуть, что эти государственные образования отличались не только своей военной мощью и геополитическим потенциалом, но и передовым для своего времени технологическим, научным и культурным потенциалом, а также являлись системообразующим ядром региональных цивилизаций. Исследователи утверждают, что по многим качествам названные империи являлись лидерами в глобальном цивилизационном развитии¹⁵⁴. Но главное, по их мнению, – их вклад в развитие человеческой цивилизации.

Пожалуй, именно с этих позиций и следует оценивать государство центр-силы в контексте понятия «лидер». Как отмечал известный швейцарский исследователь Андре Боннар, «цивилизации в своем развитии проходят те же этапы, как растения. Они зарождаются, развиваются» и т. д. и «гибнут». Однако, как утверждал А. Боннар, «они совсем не гибнут. Они сохраняются для людей будущего... Даже потерпев неудачу, они являют собой надежды не сбывшиеся, но не превратившись в ничто, а живые и действенные в памяти человечества»¹⁵⁵. В последнем случае опять сошлемся на Андре Боннар, который утверждал, что «периоды упадка, эти «наклонные плоскости» не всегда целиком отрицательны и бесплодны: они еще создают новое; они ставят перед человечеством новые, иногда более сложные проблемы ... Периоды упадка, как подчеркивает Боннар, – это также и

---

¹⁵³ Успенский К. Очерки по истории Византии. М. 1917; История Византии в трёх томах. М., 1967; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969; Мясников В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. Москва, 2006; Фортунатов В. В. История мировых цивилизаций. М., 2011.

¹⁵⁴ Момзен Т. История Рима. Пер. с нем. М., 1936; Бродель Ф. Время игры. Пер. с фр. М., 1992.

¹⁵⁵ Боннар А. Греческая цивилизация. Пер. с фр. М., 1992. С. 16 17.

периоды открытий; цивилизации скорее изменяются, чем умирают, их существование – непрерывное возрождение»¹⁵⁶.

Самюэль Хантингтон, которого современные студенты считают чуть ли не основателем цивилизационного подхода, не особенно озадачивался типологизацией, выделив «семь-восемь крупных» цивилизаций, обозначив их как «некие культурные общности наивысшего ранга» (наивысшего – поскольку следующий уровень «разлома» пролегает уже на границе человеческого и животного миров)¹⁵⁷.

Авторы коллективной монографии «Стратегическое прогнозирование международных отношений», изданной МГИМО (У) в 2016 году, избрали цивилизационный подход теоретической основой для выработки всех приведенных в работе прогнозов, а цивилизации (в монографии они обозначены как ЛЧЦ – «локальные человеческие цивилизации») – основной единицей анализа¹⁵⁸. Подберезкин и Александров обращают внимание на внутреннюю структуру каждой из цивилизаций, отмечая, что государства-лидеры (их в каждой ЛЧЦ может быть от одного до нескольких) «действуют на международной арене не только как самостоятельные субъекты международных отношений, но и как представители определенных ЛЧЦ», защищая не только собственные, но и национальные интересы других государств и народов своей ЛЧЦ: «И это является не просто абстрактным благодеянием, но и вполне прагматичным стремлением укрепить собственное влияние в международных делах»¹⁵⁹.

Из сказанного не следует, видимо, что государства-лидеры цивилизации оказываются способными подняться над своим «национальным эгоизмом», претворяя в жизнь интересы соседей в ущерб своим интересам. Напротив, «прагматичность стремления» заключается в делегировании наиболее

---

¹⁵⁶ Боннар А. Указ. соч. С. 17.

¹⁵⁷ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 59.

¹⁵⁸ Подберезкин А. И., Александров М. В. Стратегическое прогнозирование международных отношений. М.: МГИМО (У), 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-defence.ru/node/36029> (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁵⁹ Там же. С. 346.

сильному государству региона части полномочий в игре на глобальном мирополитическом рынке. Иными словами, термин «цивилизация» в современных ТМО все чаще стали использовать для определения блоков государств, а также внеблоковых региональных группировок, внутри которых, кроме экономического и военно-технического сотрудничества, можно обнаружить признаки культурно-религиозного единства.

По-видимому, в качестве синонимичных используются в современном дискурсе также определения «полюс», «центр силы» и т. д. Но термин «цивилизация» в этом смысле обладает целым набором преимуществ. Во-первых, выдвигая на передний план целый комплекс глубоко укорененных во времени и пространстве характеристик (языковых, религиозных, культурных и проч.), он формально способствует восприятию международных отношений не как поля силовых противостояний, а как арены защиты идентичностей, а их столкновение объясняется неизбежной и столь же укорененной естественной борьбой цивилизаций за существование. В целом же концепт «цивилизации» удачно вписывается в методологический тренд, названный в ТМО «культурным поворотом»¹⁶⁰.

Во-вторых, теоретическая разработка концепта «цивилизаций», по крайней мере, частично компенсирует ослабление основного системообразующего актора – национального государства, замещая его, по выражению Хантингтона, «общностью высшего ранга», а фактически – союзом государств, «суперсоюзом», с которым в обыденном сознании будет связана якобы существовавшая, но на деле – вновь формируемая идентичность.

Таким образом, США и КНР рассматриваются как «стержни», государства-лидеры, уже одержавшие победу в борьбе с конкурентами внутри своих цивилизаций. Для США таким конкурентом являлась Западная Европа, для Китая такими конкурентами были Япония и Корея (если не делить

---

¹⁶⁰ Алексеева Т. А. «Культурный поворот» в теории международных отношений // Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX – XXI вв.). М.: МГИМО (У), 2015. С. 562–575.

дальневосточную/восточноазиатскую цивилизации на две), или соперников не было вовсе. Все без исключения работы, так или иначе связанные с лидерством, обращают внимание на вопрос соотношения в системе «лидер – среда». Для лидера цивилизации остальные ее структуры могут быть рассмотрены как среда. Цивилизационный подход не исключает ни доминирование одной цивилизации, ни одновременное их сосуществование (даже на прилегающих территориях и в условиях «сжимаемого» глобализационными процессами пространства), допуская как столкновение, так и диалог цивилизаций.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА И СФЕРЫ КОНКУРЕНЦИИ США И КНР

2.1. Глобальное лидерство: основные понятия

Особую роль в разработке проблемы взаимодействия лидера и среды занимают исследования представителей системного подхода.

Джордж Модельски пытался ответить на вопрос, почему одним государствам удается добиться лидерства, а другим нет; и почему страны, столь успешно взошедшие на пьедестал мирового господства, также успешно его покидают¹⁶¹. Применяя теорию длинных циклов глобальной политики, то есть периодичности появления и смены государств-лидеров, он пришел к выводу о том, что «подъем и упадок мировых держав – не единственный критерий структурирования мировой политики или теории длинных циклов ... в данном процессе есть нечто большее, чем восход и закат могущественных государств»¹⁶². Речь идет о системном анализе глобальных эволюционных процессов, в которых зарождаются и умирают государства-лидеры.

У теории Модельски есть свои оппоненты¹⁶³. Они считают, что концепции Модельски присуща тенденция к существенному «спрямлению» эволюции глобальной политики, причем именно по-американски. А именно – выделению «магистральной» линии, ведущей к «глобальной демократизации и либерализации». По мнению Лапкина В. В. и Пантина В. И., в «действительности же всеобщим, универсальным процессом является не демократизация как таковая, а политическая модернизация, представляющая собой весьма сложный, многоплановый и противоречивый процесс, который на некоторых этапах может приводить к утверждению не демократических, а авторитарных и даже тоталитарных режимов»¹⁶⁴.

---

¹⁶¹ Модельски Д. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 124–142.

¹⁶² Модельски Д. Указ. ст. С. 127.

¹⁶³ Лапкин В. В., Пантин В. И. Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы. Взгляд из России // ПОЛИС. 2006. № 1. С. 157–174.

¹⁶⁴ Лапкин В. В., Пантин В. И. Указ. соч. С. 163.

По мнению М. Троицкого, «изучение роли статуса» в международных отношениях дает возможность объяснить «конфликт между государствами при отсутствии серьезных материальных противоречий, которые могли бы оправдать соперничество»¹⁶⁵. Статусность сама по себе формирует иерархичность сообщества – создает условный «табель о рангах». Троицкий настаивает: «Иерархия выстраивается в соответствии с ценимым в сообществе критерием – например, военной мощью государства, размером или душевыми показателями его экономики, привлекательностью культуры и т. д. Признание высокого статуса какого-либо государства означает согласие членов международного сообщества с правом этого государства применять ресурсы (например, силовые или экономические) для достижения важных для него целей в определенных ситуациях (например, на осуществление гуманитарной интервенции или включение соседей в «сферу особых интересов»)»¹⁶⁶. Лидеры венчают иерархическую пирамиду статусов, демонстрируя наилучшие показатели по наиболее ценимым критериям, в результате получая доступ к переформатированию ценностных ориентиров под себя.

По мнению Я. А. Пляйса, алгоритм возникновения/образования сверхдержав довольно прост: «при благоприятных внутренних и внешних обстоятельствах, государство, обладающее необходимыми наиболее конкурентоспособными системами организации, прежде всего внутренней жизни страны и ресурсами», выдвигается в положение лидера и диктует конкуренции управлений, определяет векторы развития человеческой цивилизации. В этой связи интересна мысль Я. Пляйса о том, что «на всех этапах процесс трансформации одного статуса в другой сопровождается перманентной и ожесточенной и бескомпромиссной борьбой между всеми великими державами, особенно между лидером и претендентом на эту роль»¹⁶⁷.

---

¹⁶⁵ Троицкий М. Сила и слабость иерархии // НГ-Сценарии. 2016.23.11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2016-11-23/13_6866_ierarchy.html (дата обращения 01.09.2024).

¹⁶⁶ Троицкий М. Указ соч. // НГ-Сценарии. 2016.23.12.

¹⁶⁷ Пляйс Я. А. О новой конфигурации международных отношений и месте в ней России // Внешняя политика: вопросы теории и практика. М.: МГУ, 2009. С. 182.

Как отмечает Я. А. Пляйс, противоборство сильных акторов со средой и друг с другом неизбежно: «Тот субъект, который обладает самой значительной совокупной мощью, всегда претендует на роль мирового гегемона и диктатора. Превращаясь в сверхполюс (супердержаву № 1), этот субъект во все времена стремился продиктовать свои правила игры всему миру»¹⁶⁸.

Условность такого противопоставления лидеров пространству отмечает А. Д. Богатуров. По его мнению, «пространственный» (фоновый) элемент можно обнаружить в системной роли и лидеров, и малых стран (включает географическую протяженность, сырьевой ландшафт и проч.). Но лидерами системы называются те, у кого преобладает «творческий» (активный) элемент¹⁶⁹.

Профессор Богатуров ввел понятие «типичного» лидера, наделяя его двумя базовыми характеристиками:

- 1) способность и воля навязывать свое видение перспектив и оптимальных способов обеспечения мира;
- 2) способность и воля игнорировать подобные устремления своих соперников и при необходимости противостоять им без ущерба для себя.

Однако далеко не все региональные системы А. Богатуров называет лидерскими («субъектными»). В противоположность им он вводит понятие пространственного типа структур («объектного»). «Лидерским» автор называет «тип отношений, построенных на преобладании лидеров при почти ничтожном значении остальных, «фоновых» стран»¹⁷⁰. Лидерскими автор системной теории называет все системы международных отношений, существовавшие с 1648 года.

В «пространственной» же структуре, напротив, степень организованности «фоновых» стран настолько высока, что они оказываются

---

¹⁶⁸ Пляйс Я. А. Указ соч. С. 183.

¹⁶⁹ Богатуров А. Д. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 267–282.

¹⁷⁰ Богатуров А. Д. Среда – против лидеров. С. 273.

способными нейтрализовать импульсы лидера. И именно восточноазиатскую систему исследователь называет преимущественно пространственной: высокая плотность политических пространств малых и средних стран (от Кореи и Вьетнама до Тайланда и Индонезии) свидетельствует об их претензиях на «восстановление утраченного» ничуть ни в меньшей степени, чем Китай (поэтому КНР затруднительно проявлять себя как лидера).

Различия между лидерскими и пространственными структурами настолько существенны, что они влияют и на взаимоотношения внутри систем, и определяют характер формулирования задач. Для наглядности основные параметры различий, изложенные Богатуровым, занесены в Таблицу 1.

Таблица 1

<i>Тип структуры</i>	Лидерский	Пространственный
<i>Базовая характеристика</i>	Тотальное преобладание лидера при ничтожном значении «фоновых» стран	«Фоновые» страны способны нейтрализовать импульс лидера
<i>Пример системы/региона</i>	Все системы МО с 1648, Западная, США как лидер	Восточноазиатская, Китай как лидер
<i>Среда</i>	Разряженная	Плотная
<i>стабилизаторы</i>	Жесткие связи по вертикали; строгая процедура принятия решений в ЧС	Развитость отношений по горизонтали; полное отсутствие или слабость иерархии
<i>Тип взаимоотношений</i>	Линейный, прямые сигналы; косвенные сигналы есть, но их обилие – признак слабости.	Опоясывающий тип связей; косвенное взаимодействие (вслепую – при неопределенности потенциальных партнеров и соперников
<i>Тип формулирования внешнеполитических задач</i>	Прямой мобилизационный контроль	Борьба за влияние
<i>Диалог</i>	Формализован, нормативен, эффективен	Не формализован, менее эффективен
<i>Роль в современном мире</i>	Костяк, основа международной стабильности, но перестают быть универсальной моделью.	Постепенные консолидация и уплотнение пространства

Следует помнить о том, что социокультурная эволюция, как и биологическая и планетарная эволюция в целом, носила и носит произвольный характер, в том смысле, что она не направлена к какой-то определенной цели. В частности, не ведет к неизбежному образованию государственных институтов как единственно главных и оптимальных форм организации геосоциальных пространств.

Не было и прямой последовательной связи между древними первичными государственными образованиями и современными. Если эта связь была, то носила сложный и неоднозначный характер. Она проходила через гибель одних образований и возникновению новых. Так или иначе, социальная эволюция имела и могла иметь различные исторические варианты как самих социальных образований, так и путей их развития.

В этом смысле происходящие в социальном мире изменения представляют собой произвольный поиск форм самоорганизации пространства и только примерную перспективную траекторию развития пространства-времени. То есть это бесконечный процесс «проб и ошибок» как ответа на вызовы и угрозы по определению агрессивной среды, или по-другому – естественный ход эволюции, ориентированной на выживание сообществ. Таким образом, сохранившаяся и развившаяся единица «обладает, следовательно, более совершенными средствами управления, и данное обстоятельство задает направленность прогрессивного развития. В том же контексте правомерно сопоставление уровней, качеств организации»¹⁷¹.

По итогу со временем образуются такие институты организации пространства, как государства и региональные империи. Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что объективно в процессе глобальной эволюции происходит конкуренция государств – центров силы регионального уровня за контроль над пространством и обладание ресурсами. В результате появляется государство, по своей совокупной материальной,

---

¹⁷¹ Назаретян А. П. Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990. С. 75.

интеллектуальной и символической мощи превосходящее другие и диктующее им прямо и опосредованно соответствующие «правила игры».

В истории на статус «лидера» мог бы претендовать целый ряд государств регионального и мирового масштаба. Вопрос заключается в том, насколько они соответствуют системному понятию «государство-лидер». Вопрос в том, идет ли речь о сверхдержаве подобной империи Чингисхана и Аттилы или империи Александра Великого и Римской империи и т. д. То есть проблема заключается в выборе критериев и методологии.

По мнению американского культуролога русского происхождения М. Н. Эпштейна, «поскольку в однонаправленном времени нашего мира все события однократны и не могут быть повторены, точкой отсчета могут служить сопоставление этого явления с альтернативными, которые и выявляют свой смысл лишь по отношению к их альтернативам»¹⁷². Причем это не является простым сравнением: речь идет о поиске альтернатив. Даже если представляется, что альтернатив в прошлом не было, их следует найти, предположить, чтобы не только понять сегодняшнюю реальность, но также разрабатывать возможные альтернативные варианты развития ситуации в будущем.

Профессор Богатуров, вводя в системный анализ понятие «типичного» лидера, наряду с тремя базовыми характеристиками «типичного лидерского поведения» (опережающий курс стратегии и дипломатии, стремление расширить свое влияние и тяготение к принятию односторонних решений), выделяет и четвертую – склонность к мессианству – как к экономическому, так и к политическому и культурному¹⁷³.

Евгений Петрович Бажанов часто повторял: «История человечества убедительно свидетельствует – всякий раз, когда какое-то государство набирало мощь, в нем рождались теории, обосновывающие его право и даже долг осуществлять экспансию, добиваться гегемонии на международной

---

¹⁷² Эпштейн М. Н. Категория смысла и квантовая физика. Как объединить гуманитарные науки с естественными // НГ-НАУКА. 2016. 27.04. С. 14.

¹⁷³ Богатуров А. Д. Среда – против лидеров. С. 273.

арене. И неважно, каким было данное государство – религиозным или атеистическим, коммунистическим или нацистским, авторитарным или демократическим, – рано или поздно оно начинает предпринимать попытки реализовать великодержавные теории на практике»¹⁷⁴.

Учитывая растущую эвристичность междисциплинарных исследований, представляется важным обратиться к опыту теоретиков социологии, в частности, тех, кто фиксирует в современной мирополитической ситуации признаки глобальной культурной однородности. В данном случае речь идет о работе Марты Финнемор, в которой сама исследовательница обозначает себя как последователя социологического институционализма¹⁷⁵.

Начиная с расхожих констатаций об экспансионизме западной культуры, которая, разрастаясь и пуская корни по всему миру, становится основой для формирующейся сегодня мирокультуры – глобальной и всеокупаемой – социолог приходит к парадоксальному вопросу: «Почему государства в столь кардинально отличных обстоятельствах выглядят столь похоже?» Финнемор относит эту проблему к разряду вопросов изоморфизма. С точки зрения социологии, различные акторы с разными интересами, как правило, ведут себя по-разному. Если же они решают встающие перед ними вопросы одинаковым образом, то это может быть принято как аномалия (исключение, подтверждающее правило), либо этому надо искать какое-то другое объяснение. Изоморфизм как схожесть алгоритмов не может быть объяснен просто как результат обнаружения наиболее оптимального способа решения задачи, поскольку, исходя из происхождения, ценностных установок, опыта существования и т. д. каждого отдельного субъекта само понятие «оптимальности» может варьироваться весьма существенно. По-видимому, для «похожести» существуют иные, чем объективная оптимальность, механизмы формирования.

---

¹⁷⁴ Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Мир и война. М., 2011. С. 33.

¹⁷⁵ Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика: точка зрения социологического институционализма [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/3497129-p21.html> (дата обращения: 18.03.2025).

Принять за аномалию структурное единообразие большинства государственных аппаратов современности – все равно, что перепутать правило с исключением: финансовое министерство, министерство внутренних дел, полиция и проч. во всех современных государствах выполняют весьма схожие функции. «Но изоморфизм является проникающим до такой степени, которую трудно объяснить с точки зрения местных требований. Например, национальные конституции определяют права и обязанности граждан таким образом, который соотносится не с местными условиями в различных государствах, а с определением идеологии и прав, сформулированным в других национальных конституциях, написанных в то же время»¹⁷⁶, – продолжает социолог.

Такое объяснение в общепринятом междисциплинарном языке может быть сформулировано как «восприятие передового опыта» – как особого рода чувствительность по всему прогрессивному, передовому, новому – всему такому, что признано остальными как заслуживающее внимания и применения.

С этой позиции, само лидерство может быть рассмотрено как признание за лидером способности к обнаружению, перениманию и распространению передового опыта, но самое главное – созданию таких образцов, которые могут быть предложены как передовые, равно как и владение самой технологией успешного продвижения.

Такой подход прекрасно соотносится и с идеями Дэвида Истона – одного из основателей теории динамических систем¹⁷⁷, который выделял две основные функции политических систем: способность предлагать обществу ценности и вынуждать большинство признавать эти ценности в качестве обязательных. Именно эти функции описываются Истоном в качестве существенных переменных, отвечающих за способность политических систем выживать как в стабильном, так и в меняющемся мире. Когда же речь идет о

---

¹⁷⁶ Финнемор М. Указ. соч.

¹⁷⁷ Истон Д. Категории системного анализа политики [Электронный ресурс]. URL: <http://read.virmk.ru/i/Iston.htm> (дата обращения 18.03.2025).

глобальном лидерстве, то изменяется только масштаб политической системы (она становится глобальной), а базовые механизмы функционирования системы остаются неизменными.

Формулировка «вынуждать признавать ценности» синонимична принуждению, однако содержит не только отсылку к действию властвующего (вынуждать), но и к акту подвластного (признавать). Идея признания какого-либо образца в качестве передового содержит в себе интенцию к копированию (иначе какой смысл признавать, если не повторить или не стремиться к повторению).

Подобное же выведение политических отношений с субъект-объектного уровня на субъект-субъектный (когда за каждым элементом системы признается право на действие), характерно и для широко круга исследований, условно обозначаемых рамками конструктивистского подхода. С позиции настоящей работы, особый интерес с этой связи вызывает диалектика взаимосвязей «агента» и «структуры» в агент-структурной схеме Александра Вендта¹⁷⁸. Термин «агент» используется Вендтом для обозначения людей и любых человеческих организаций, устремленных к преобразованию общества, в котором они живут, но при этом подчеркивает их зависимость от уже существующих структур, которые упорядочивают весь комплекс предыдущих отношений и устремлений. При этом в ходе анализа невозможно выделить структуру, не определяя агента, и наоборот.

Для рассмотрения глобального лидерства это обстоятельство неразрывной связи и взаимообусловленности агента и структуры имеет первостепенное значение. И здесь открывается множественность вариантов соотнесения, начиная от государства-лидера как агента и системы международных отношений как структуры, или государства-лидера как структуры и государства-претендента на лидерство как агента до среды международных отношений (или мировой политики как уплотненной среды,

---

¹⁷⁸ Wendt A. E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 335–370.

либо международного сообщества в толковании британской школы и проч.) как структуры и политической элиты (как вариант – отраслевого лобби, мондиализированного среднего класса, любого негосударственного актора) как агента.

В данной работе за основу взята государство центричная система международных отношений, поэтому наиболее релевантными представляются две модели соотнесения агентов и структур. Первая основана на отождествлении сегодняшнего фактического мирового лидера, т. е. США, как претендующих на роль силы, способной ставить перед человечеством и решать проблемы планетарного масштаба, с «агентом». Тогда в качестве структуры выступает среда – все мировое сообщество, также представленное прежде всего государственными образованиями и основными форматами (двух- и многосторонних) межгосударственных взаимодействий. Тогда второе из рассматриваемых в работе государств – КНР – оказывается вписанным в структуру.

Вторая модель может быть основана на наделении Китая свойствами «агента», тогда «структурой» оказывается международный порядок, сформированный западными странами во главе с США.

Важная черта агент-структурной проблемы заключается также во взаимообусловленности не только сосуществования этих двух единиц, но и формирования их представлений друг о друге и о направленности движения всей системы. «Агент», являясь по природе своей продуктом «структуры», занимается усовершенствованием последней на основе представлений, заложенных в нем той же самой «структурой». Сама же структура, постоянно находящаяся в поиске равновесного динамического баланса, никогда полностью не принимает преобразований, а воспринимает их с сопротивлением, свойственным сложноорганизованным системам (вспоминая Истона: политические системы – не пассивно воспринимающие и не стремящиеся к возврату в исходную точку, а адаптивные – реагирующие на

возмущающие воздействия, что позволяет системам выживать¹⁷⁹). Однако источники стресса, не выходящие за пределы критических значений, жизненно необходимы структуре для сохранения динамики и темпоритма развития.

Рассматривая первую модель (если США – «агент»), легко обнаружить, что структура третируется агентом (ощущение постоянной кризисности, турбулентности и напряженности в международных отношениях) и пытается ему сопротивляться (экономические кризисы, участвовавшие террористические атаки как отреагирование¹⁸⁰). С другой стороны, наблюдается явная разбалансировка между предлагавшимися структуре ценностями (либеральной демократии, право человека и проч.), которые она не приняла (или приняла частично, чаще – формально), но против которых открыто не возражала, и целеустремленными действиями двух последних десятилетий (применение военной силы без мандата ООН или в обход резолюций, игнорирование суверенных прав субъектов международного права и проч.). Кроме того, большинство глобальных инициатив США выглядят сегодня не как ответы на вызовы современности, а как попытка закрепить статус-кво, что в корне противоречит природе «агента».

Вторая модель (Китай как «агент»), кроме сомнений в возможности заблаговременно выявить и предотвратить угрозы миропорядку, вызывает скепсис в отношении способности КНР предложить мировому сообществу ценности и добиться их признания в качестве обязательных. Что в это смысле может предложить Китай? Конфуцианскую модель отношений? Идеологию коммунизма? Даже если предположить, что маятник Питирима Сорокина от чувственной культуры (которая в своих крайних, часто извращенных формах процветает в западном мире) качнется в сторону идеациональной¹⁸¹

---

¹⁷⁹ Истон Д. Указ. соч.

¹⁸⁰ Baudrillard J. The Mirror Of Terrorism // Baudrillard J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. P. 75–80.

¹⁸¹ Сорокин П. Социокультурная динамика. Кризис нашего времени [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/C/sorokin-pitirim-aleksandrovich/chelovek-civilizaciya-obschestvo/5> (дата обращения: 18.03.2025).

(сверхчувственной или религиозной, по сути), вряд ли сверхчувственность в ее конфуцианском измерении будет воспринята всем человечеством.

Однако если попытаться интегрировать агент-структурный подход с изоморфизмом Марты Финнемор, то следует констатировать, что Китай уже проявил недюжинные способности на ниве копирования передового опыта. Если еще в начале 2000-х гг. копирование промышленных образцов и технологических новинок вызывало раздражение и даже протесты, то сегодня, видя, как пусть даже на основе заимствований, Китай семимильными шагами движется к заветному титулу самой крупной национальной экономики планеты, кажется, что мир предпочитает забыть об имевшем место еще в недавнее прошлое восприятии Китая как неблагонадежного партнера.

Что касается политических отношений, то здесь китайцы до сих пор умудряются совмещать понятия, на протяжении XX в. признававшиеся несовместимыми: коммунистическую идеологию и рыночную экономику (такие оценки политико-экономического развития во многом условны, если не сказать — номинальны, что, по всей видимости, и является секретом совмещения; но факт остается фактом).

Эти примеры наглядно демонстрируют восприимчивость Китая к «перениманию передового опыта». Вероятно, именно такого эффекта — имиджа прилежного ученика — до сих пор пытались добиться китайское руководство на мировой арене.

Американский аналитик Брент Скоукрофт в беседе с Бжезинским как-то заявил: «Китайцы в отличие от Германии перед Первой мировой не хотят опрокидывать систему. Они хотят в нее встроиться, а поскольку как раз сейчас система открыта и благоприятна, хотя, конечно, хватает отрицательных заявлений с каждой из сторон, я думаю, что такого верного шанса войти в мировую систему Китай еще не видел»¹⁸². Эта констатация стала ответом на реплику Бжезинского: «У обеих американских партий есть желание

---

¹⁸² Бжезинский З. Америка и мир. Беседы о будущем американской политики / Збигнев Бжезинский, Брент Скоукрофт. М., Астрель, 2012. С. 139.

ассимилировать Китай в международную систему... Китайское руководство не собирается подчинять весь мир своей системе ценностей... Они пытаются встроиться в мировое сообщество в качестве составной его части и ищут разумные способы достижения этой цели»¹⁸³.

Как бы странно ни звучало то, что государство – одно из пяти постоянных, имеющих право вето членов СБ ООН – универсальной международной организации, являющейся столпом миропорядка с 1945 г., в 2010-х гг. обозначается как «стремящееся встроиться в международную систему», приведенные высказывания наилучшим образом иллюстрируют вторую из избранных вариантов моделей, поскольку представители США в данном случае формулируют идеи с позиции скорее всей структуры, а не ее «агента».

Однако избранный ракурс рассмотрения проблематики глобального лидерства не требует четкого отождествления США или Китая с «агентом» или «структурой» (достаточно понять, что такое «присвоение статусов», которое может потребоваться в ходе проверки корректности достигнутых результатов, в принципе возможно). Характер постановки проблемы диктует иную логику, а именно – выявление необходимого и достаточного числа факторов для построения теоретической модели глобального лидерства. Очевидно, что факторы из так называемой культурно-цивилизационной «корзины» могут быть отнесены к добавочным факторам. Эти вопросы будут подробно освещены во второй главе.

Таким образом, следует отметить следующие принципиальные моменты, формирующие теоретические рамки представленного исследования. Во-первых, предположение о том, что в долгосрочной перспективе лидерами будут являться именно государства – и именно в том виде, какими мы наблюдаем их сейчас (с постепенной утратой статуса единственно значимого акторами политического процесса, с «размягчением» национального суверенитета, с размыванием границ внешней и внутренней политик и т. д.) –

---

¹⁸³ Бжезинский З. Америка и мир. С. 137–138.

является серьезным теоретическим допущением. Однако это допущение необходимо для получения сколько-нибудь значимого исследовательского результата: современное состояние мировой политики не дает оснований говорить о каком бы то ни было классе негосударственных акторов как о потенциальных лидерах в масштабе глобального мирового сообщества.

Но это допущение подкреплено положением о том, что оба государства, рассматриваемые в работе как нынешний и потенциальный глобальные лидеры, являются формообразующими для общностей, более крупных и значимых в исторических ретроспективе, чем современные национальные государства, – для цивилизаций. При этом следует иметь в виду, что сам термин «цивилизация» используется в представленном исследовании скорее как номинативный симулякр: речь не идет о пристальном рассмотрении «американской» или «китайской» цивилизации. Более того, не ставится задача присвоения адекватного наименования, хотя уже при первом приближении ясно, что определение «американская» не выдерживает никакой критики, т.к. фактически подразумевает общность обеих Америк, а «китайская» теоретиками цивилизационного подхода чаще именуется «конфуцианской».

Во-вторых, рассуждая о перспективах государств как глобальных лидеров, приходится иметь в виду не объектный («пространственный»), по определению А. Д. Богатурова, а субъектный («лидерский») тип структур. Осознавая, что лидерский тип структуры мировой политики более ассоциируется с США и государствами так называемого «запада» в целом, а восточноазиатскому региону в большей степени соответствует «пространственный» тип (где нет резкого противопоставления «лидер-среда», а малые и средние игроки могут формировать альтернативу и активно участвовать в решении актуальных вопросов), предпочтение, отданное в работе лидерскому типу, не следует рассматривать как авторскую субъективность. Как и первое, это допущение вынужденное, основанное на том, что все четыре известные нам системы международных отношений были по преимуществу лидерскими, а предположение возможности формирования

пространственного типа структуры основано лишь на региональном материале, в то время как представленном исследовании изначально заявлен глобальный масштаб рассмотрения лидерства.

В-третьих, изоморфизм в том варианте, в котором он зафиксирован социологом М. Финнемор, обнаружившей источник «похожести» всех политических структур современности в простом и универсальном механизме «перенимания передового опыта», позволяет приступить (на основании уже имеющихся исторических фактов и современных тенденций) к конструированию универсальной модели глобального лидерства. Для того чтобы модель не оказалась самоочевидным и не поддающимся фальсификации конструктом, оставаясь в русле до сих пор актуального в теории международных отношений «культурно-цивилизационного поворота», в универсальной модели, кроме базовых, следует выделить и группу добавочных компонентов. Не являясь обязательными с точки зрения достижения лидерской позиции, добавочные компоненты определяли и формировали специфику и своеобразие лидерства в предшествующие исторические эпохи, и есть все основания предполагать, что именно они будут определять характерные особенности не на стадии достижения позиций глобального лидерства (здесь значение имеет «универсальный стандарт»), а на стадии, следующей за признанием за актором статуса глобального лидера.

2.2. США: удержание «глобального лидерства»

Претензии на исключительную роль в мировой политике у Вашингтона к моменту окончания Второй мировой войны были подкреплены серьезной финансово-экономической и военно-технологической мощью.

К концу XX в. именно вера в исключительность дает основание С. Хантингтону сформулировать следующий пассаж: «В мире, где не будет главенства Соединенных Штатов, будет «больше насилия и беспорядка». Постоянное международное главенство Соединенных Штатов является самым важным для благосостояния и безопасности американцев и для будущего

свободы, демократии, открытых экономик и международного порядка на земле»¹⁸⁴.

Стратегические документы, выпущенные в свет администрацией 45-го Президента США Дональда Трампа, отражают разворот США к решению внутренних проблем, прежде всего – экономического характера. Это обстоятельство некоторыми аналитиками изначально было воспринято как достаточное для обоснования тезисов о том, что Трамп не отдает себе отчет в том, какую роль США играют в глобальном мире, либо о том, что Америка отказывается от претензий на мировое господство.

Несмотря на то, что вышедшая в конце 2017 г. Стратегия национальной безопасности США носила неофициальное название *America First National Security Strategy* (что неоднократно упоминается в тексте документа)¹⁸⁵, «первое место» Америки к глобальному лидерству отношения не имеет: напротив, «*America First*» совершенно справедливо переводится как «Америка прежде всего» по словам самого Президента является реализацией «*America First foreign policy*» (т.е. внешней политики, основанной на принципе «Америка прежде всего»).

Нет в документе ни конкретных, ни пространных рассуждений о глобальных проблемах (например, о потеплении климата или об инфекционных болезнях – что было зафиксировано в предыдущей Стратегии¹⁸⁶). Термины «лидерство» и «глобальный» – находившиеся в топе рейтинга наиболее употребимых понятий в Стратегии Обамы – в Стратегии 2017 года вообще не используются: ни вместе как «*global leadership*», ни по отдельности. Даже когда речь заходит о ценностях, в Стратегии 2017 употребляется словосочетание «*Champion American Values*».

---

¹⁸⁴ Hantington S. P. Ibid. P. 82–83.

¹⁸⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // Официальный сайт Белого дома. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).

¹⁸⁶ National Security Strategy of the United States of America. February 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 13.01.2025).

Национальные интересы США в Стратегии 2017 сгруппированы в четыре раздела (так называемые опоры – «pillars»), последовательность указания которых имеет принципиальное значение. На первом месте – «защита страны, американского народа, американского образа жизни», на втором – рост благосостояния (через укрепление экономики, про технологии и инноватику, энергетическое доминирование), на четвертом – расширение американского влияния (через отношения с партнерами и того самого «чемпионства» в ценностях).

Что же касается третьей опоры, *Preserve Peace through Strength*, то на русский язык ее переводят как «сохранение мира посредством силы»¹⁸⁷, что дает основание аналитикам говорить о том, что администрация Трампа полагается на силовые методы разрешения конфликтов. Однако, во-первых, эта опора лишь третья по счету (первые две посвящены традиционной для обеспечения национальной безопасности триаде – личность, общество, государство, а также экономическому росту). А во-вторых, если вчитаться в содержание раздела, то становится понятно, что военная сила – лишь одна из составляющих подраздела «Обновление возможностей» (наряду с оборонной инфраструктурой, космосом, киберпространством и прочее), а весь раздел открывается подразделом «Обновление конкурентных преимуществ Америки».

Таким образом, название третьей опоры уместнее было бы переводить через интегральное понятие мощи, включающее в себя совокупность финансовых, инфраструктурных, инновационных, военных и прочих факторов, позволяющих обеспечить ощущение надлежащего уровня безопасности, достаточного для сохранения и роста уровня жизни граждан. Это подтверждается и эпиграфом опоры: «Пока я Президент, военнослужащие, которые защищают нашу нацию, будут иметь оборудование,

---

¹⁸⁷ Президент Дональд Трамп провозглашает стратегию национальной безопасности, направленную на продвижение американских интересов [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171219/241042738.html> (дата обращения: 13.01.2025).

ресурсы и все необходимое, чтобы обеспечить безопасность нашей Родины»¹⁸⁸.

Если принять в расчет приведенные здесь немногочисленные доводы (перечень которых может быть продолжен – и за счет планов борьбы с кражами интеллектуальной собственности, и мерам по противодействию организованной преступности и проч.), их сопоставление с моделью глобального лидерства, описанной в предыдущей главе, демонстрирует следующее. Администрация Трампа не только не отходит от генеральной линии США на удержание глобального лидерства: она стремится не к сохранению риторики лидерства, а к возврату к кропотливой и затратной работе по упрочению его ядра, фундамента лидерства – интегральной мощи.

Ценностная лидерская риторика в документе тоже присутствует («сильные и суверенные – лучшая надежда мира», «позитивная сила», «сила добра» и проч.), но в ограниченных количествах, и, будучи подкрепленной усилиями по обновлению интегральной мощи, выглядит куда более убедительно, чем идея распространения демократических ценностей, из которой исходили предыдущие администрации (идея осчастливливания народов мира через демократизацию довольно четко сформулирована в статье бывшего посла США в РФ Майкла Макфола «Демократия на марше?»¹⁸⁹).

Еще один принципиальный для ракурса настоящего исследования момент Стратегии заключается в характере формулировки вызовов и угроз. Транснациональный терроризм «понижен» до статуса «угрозы» (нависшая опасность, технология преодоления которой уже проработана) и выступает вкупе с распространяющими наркотики и сеющими насилие преступными организациями, которые планируется «вырывать с корнем до того, как они подберутся». К «вызовам» же (т. е. к угрозам, стратегия и тактика противодействия, которым пока не проработана) отнесены прямо не

---

¹⁸⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017...

¹⁸⁹ Макфол М. Демократия на марше? Америка и ее продвижение ценностей // Россия в глобальной политике. 2011, № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/number/demokratiya-na-marshe-15280> (дата обращения: 22.10.2024).

названные в кратком варианте Стратегии «региональные диктаторы, угрожающие соседям и стремящиеся к обладанию оружием массового уничтожения». Примечательно, что вызов соотносится не с политическим режимом или пришедшей к власти силой, а с личностью главы государства, проводящим агрессивную внешнюю политику и нарушающим международные ограничительные или запретительные режимы.

Однако первым и основным вызовом названы «ревизионистские державы – такие, как Китай и Россия», которые используют «технологии, пропаганду и принуждение в целях формирования мира, несовместимого с нашими интересами и ценностями». Остается непоясненным, что авторы Стратегии подразумевают под «ревизионизмом», и каким образом это определение относится к Китаю.

Что же касается «пропаганды и принуждения», то через месяц после опубликования Стратегии 2017 автор метафоры «мягкая сила» Джозеф Най опубликовал статью под название «Как «резкая сила» угрожает мягкой силе» с подзаголовком «Верные и неверные способы реагирования на авторитарное воздействие»¹⁹⁰. Резкая сила, маскирующаяся под мягкую – и в этом ее коварство, в статье приписывается авторитарным режимам, «из-за их нежелания высвободить колоссальный талант своего гражданского общества», и потому в их руках мягкая сила оборачивается пропагандой и информационной войной. Сама же «резкая сила» приписывается к разряду «жесткой силы», что окончательно сбивает с толку и адептов метафоры, и, кажется, самого автора, опечаленного тем, что в самих США его концепт еще на закате обамовской администрации (когда Джон Керри сменил Хилари Клинтон на посту госсекретаря) был оттеснен технологией «стратегической коммуникации».

---

¹⁹⁰ Nye Jr. J. S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (дата обращения: 14.03.2025).

Важно другое: в формулировке о «ревизионистских державах» Китай и Россия обвиняются в целеполагании, связанном с «формированием мира». Таким образом, США обнаруживают способность распознать и вовремя нейтрализовать посягающих на глобальный лидерский статус – одну из потенций базового характера, зафиксированных в модели глобального лидерства в первом параграфе второй главы данной работы. Там же указано, что нейтрализация должна способствовать укреплению статуса глобального лидера, поэтому может сопровождаться дискредитацией «конкурентов». Важно при этом, что на первом месте среди покушающихся на статус указан именно Китай.

Другой основополагающий стратегический документ – Обзор ядерной политики США – с точки зрения логики глобального лидерства выглядит куда менее конструктивно. Здесь и более конкретный список потенциальных противников: кроме России и Китая, указаны Северная Корея и Иран, а также «агрессивные негосударственные акторы»¹⁹¹. Но здесь список «сил зла» открывает не Китай, а Россия, хотя обе страны обвиняются в одно и том же: в разработке новых видов ядерных средств, в повышении роли ядерных сил в своих стратегиях и планах, в агрессивном поведении, в том числе в космическом и кибер- пространствах.

Не распространяясь о том, что значит агрессивное ядерное поведение в космосе и сетях, США связывают с ядерным потенциалом свои долгосрочные цели и заявляют о возможности проведения политики сдерживания как без применения ядерного оружия, так и с использованием ядерных потенциалов. Примечательно, что использование любого оружия (даже ядерного) в новых модификациях стратегии динамического сдерживания не признается провалом стратегии (как в годы холодной войны), а является одним из ее элементов¹⁹².

---

¹⁹¹ Обзор ядерной политики. Февраль 2018 // Официальный сайт Министерства обороны США [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.PDF> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁹² Иванов О. П. Военная сила в глобальной стратегии США. М.: Восток-Запад, 2008. 198 с.

Единственное, что в Обзоре ядерной политики указывает на ответственное глобальное лидерство, – это содержащееся в преамбуле обещание «и впредь прилагать усилия в поддержку полного и окончательного уничтожения ядерного, биологического и химического оружия во всем мире»¹⁹³. Отчитавшись о сокращении запасов ядерного оружия более чем на 85 процентов и отказе после окончания холодной войны от развертывания новых ядерных сил и средств, авторы Обзора свои же руками подтачивают репутацию Соединенных Штатов как глобального лидера. Фактом признания нарастания все более явных ядерных угроз, якобы вызванного активностью потенциальных противников они фиксируют отказ других игроков следовать в русле политики Вашингтона, т. е. расписываются в неспособности лидера создать привлекательную перспективу и повести за собой.

Предложенные в стратегии варианты выхода из «столь угрожающей ситуации» также не особенно укладываются в логику поведения глобального лидера, способного творчески ставить и разрешать проблемы планетарного масштаба. Предупреждая об отказе ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, авторы документа, обещая Конгрессу не выходить за пределы 6,4% бюджета Министерств обороны США, предлагают программу замены и восстановления ядерной триады, достижения которой будут оставаться актуальными в течение нескольких ближайших десятилетий. Кроме того, работая над крылатыми ракетами морского базирования, восстановлением боеспособности SLCM и в целом над повышением гибкости и разнообразия ядерного потенциала, авторы Обзора обещают представить разработки боеголовок малой мощности, которые могут быть использованы для региональных систем сдерживания. Последнее – прямая дорога к превращению ядерного оружия из оружия устрашения и основания механизма сдерживания в оружие применения.

Соединенные Штаты, руководствуясь собственными представлениями о том, как должен выглядеть новый мировой порядок и на каких принципах он

---

¹⁹³ Обзор ядерной политики. Февраль 2018...

должен быть простроен, действуют с присущей им уверенностью в правильности своих действий. Использование военной силы ярко характеризует нынешний внешнеполитический курс Вашингтона, а попытки поставить под контроль ООН и другие международные организации, реально игнорируют суверенитет других государств. Другое дело, что проведения целого ряда интервенций без или в обход санкций ООН ставит под вопрос заявленный ими статус страны-лидера и характеризует их, как гегемона, а то и мирового жандарма.

При всем этом на пути перестройки американской стратегии имеются серьезные препятствия. Вместе с тем, как пишет Е. Бажанов, нельзя было ожидать, что Соединенные Штаты, откажутся от курса на лидерство в мире. В истории человечества не бывало случая, чтобы самое развитое, сильное и богатое государство «добровольно приструнило собственные имперские претензии». С другой стороны, как отмечает А. Д. Богатуров, «не имея возможности в достаточной степени воздействовать на внешнюю политику, американский избиратель легко освобождает себя от мыслей о «вине» за нее»¹⁹⁴.

Как отмечает видный политический публицист и главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, «в условиях диктата коммуникаций, тотальной прозрачности и взаимозависимости грань между внутренним и внешним стирается. Внешние факторы становятся компонентами внутренней жизни, пытается кто-то сознательно использовать их в своих целях либо воздействие окружающей среды носит стихийный характер»¹⁹⁵.

Останавливаясь на добавочных компонентах модели глобального лидерства США, следует остановиться прежде всего на том, что США

---

¹⁹⁴ Богатуров А. Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 8.

¹⁹⁵ Лукьянов Ф. Диалектика воды и младенца // Коммерсантъ. 13.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3324115> (дата обращения: 14.06.2025).

традиционно воспринимаются как часть западной цивилизации, споры о единстве которой до сих пор не умолкают¹⁹⁶.

Те, кто стоял у истоков государственности США, верили в то, что создают нечто под стать самому выдающемуся – цивилизации: «Мы в состоянии начать мир заново, такого не было в истории человечества со времени Ноя»¹⁹⁷. В условиях значимого отрыва от европейских прародителей, в Северной Америке действительно формируется новая специфическая социальная реальность. Мессианизм пуритан-первопроходцев довольно быстро обрастает мифом об «Израиле нашего времени»¹⁹⁸: «от спасения у себя в стране был один лишь короткий шаг к идее спасения мира»¹⁹⁹.

Американское общество убеждено, что американское лидерство – это глобальная сила добра, но оно зиждется на непреходящих национальных интересах, на что указывается не только в Стратегии национальной безопасности от 2017, но и в предыдущих (от 2010 и 2015 гг. и т. д.). Такого «груза» ни одно общество еще не выдерживало в течение неопределенно долгого времени – даже вне зависимости от того, насколько бескорыстными считает свои конечные цели сама Америка. Очевидно, что проявляющееся намерение доминировать постепенно может объединить мир против США и в конечном итоге приведет их к изоляции и истощению.

В то же время исторический опыт свидетельствует, что движение государства к лидерству как имперскому статусу в конечном счета ведет в тупик, поскольку с течением времени претензии на всемогущество вождя-императора снижает уровень разнообразия и, соответственно, уровень конкуренции, являющийся источником развития. Еще ни одна империя не избежала диктатуры вождя, авторитаризма, или распада. Как констатирует Г.

---

¹⁹⁶ Kagan R. Power and Weakness. Why the United States and Europe see the world differently [Электронный ресурс]. URL: http://studylib.net/doc/7661535/power-and-weakness_robert-kagan (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁹⁷ Цит. по: США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. М., МГУ. 1999. С. 275.

¹⁹⁸ Шлезингер-мл. А. Указ. соч. С. 31.

¹⁹⁹ Там же.

Киссинджер, «в империях с долгой историей любая проблема превращается в проблему внутреннюю, поскольку внешний мир уже не является для нее противовесом. И по мере того, как вызовы, с которыми сталкивается империя, становятся все более многочисленными и возникают вне исторической связи с внутренними проблемами, борьба внутри страны принимает все более ожесточенный, а со временем и все более агрессивный характер»²⁰⁰.

В годы революции и под влиянием ее результатов в общественном сознании американцев утвердились принципы свободы, равноправия и конституционализма, одновременно одной из заметных черт духовной жизни американцев стали представления о превосходстве цивилизации Нового Света над старой цивилизацией Европы. Эти представления послужили основой для формирования мифа об американской исключительности²⁰¹. В XIX в. своеобразно трансформированный пуританский миф о том, что Северная Америка может и должна продемонстрировать всему миру образец правильного жизнеустройства. Уже в XX в. мифологизированная история обретает идеологический официоз. Именно такая версия американской истории, как признают американские учителя истории, преподается в школах современных США²⁰².

Культивирование мессианства во внешней политике США необходимо для национальной консолидации общества. Но по признанию Г. Киссинджера, «сам народ Америки нередко испытывает к американскому превосходству глубокое безразличие. Насколько можно судить по двум важным барометрам – средствам массовой информации и ощущениям конгрессменов – интерес американцев к внешней политике ... находится на низшей из возможных отметок»²⁰³.

---

²⁰⁰Киссинджер Г. Указ. соч. С. 349.

²⁰¹ Российско-американский семинар учителей истории. Ассоциация преподавателей истории. М., ПИШ. № 1-2. С. 47.

²⁰² Российско-американский семинар ... С. 47.

²⁰³ Киссинджер Г. Указ. Соч. С. 349.

Бжезинский, соглашаясь с такой постановкой вопроса, формулирует эту идею следующим образом: «Здесь мы имеем парадокс. Наша страна больше всех участвует в мировых делах, и при этом наша общественность – одна из самых ограниченных в мире»²⁰⁴.

Социологи склонны объяснять этот феномен «психологией мигранта». Переселенцам, как свидетельствуют исследования социологов, характерна «неполноценная, пограничная идентичность». Оторванность от страны исхода и трудности адаптации в новой среде «отражаются на психике индивидуума, становящегося дуальной личностью, то есть обладающего двойственным сознанием»²⁰⁵. Полноценная интеграция в новую культуру становится возможной только для третьего поколения мигрантов.

Следует учесть, что представителям этой группы присущ особый страх возврата в прошлое. В своем исследовании «Фронтир в американской истории» Ф. Тёрнер раскрывает истоки понимания американцами своей страны. В отличие от континентальных европейских государств образ государственной границы в американском сознании не имеет четких линейных характеристик. Для американского общества граница – это направление развития американской нации²⁰⁶.

Американская граница как фронтир фигурирует и в исследованиях отечественных американистов: «единый миф, ... зародившийся в процессе освоения американского Запада и в ходе развития США: миф об американской исключительности, миф о неограниченных свободных землях, миф о природном богатстве западных территорий, миф об американском индивидуализме, миф об американской демократии и миф о прогрессе. Это также мифы о людях или, скорее, типизированные мифологизированные образы пионера, траппера, виджиланта, ковбоя, существующие и по

---

²⁰⁴ Бжезинский З. Америка и мир. Беседы о будущем американской политики / Збигнев Бжезинский, Брент Скоукрофт. М.: Астрель, 2012. С. 183.

²⁰⁵ См.: Хрусталева Н. С. Психология эмиграции: дис. ... д-ра. психолог. наук. СПб., 1996; Stonequist E. V. The Marginal Man. A Study in Personality and Culture conflict. N. Y., 1961. P. 17.

²⁰⁶ См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 284 с.

отдельности, и слитно – в цельном образе американского героя как такового, кем бы он ни был по происхождению и роду деятельности»²⁰⁷. Дикий Запад давно заселен и освоен, но сформировался внутренний алгоритм нациогенеза, поведенческий стереотип, оказывающий свое влияние на формирование внешней политики. Суть ее – движение в никуда, в неопределенность, в бесконечность.

Существует еще одно качество американской идентичности. Это так называемая «гражданская религия» (civilreligion), в рамках которой политические явления и институты наделяются религиозным значением. Как отмечают исследователи, ««гражданская религия» является неотъемлемой частью национального проекта США»²⁰⁸. Можно исповедовать любую религию или быть атеистом, но обязательно признавать догмы гражданской религии и американских ценностей. Так, политической культуре Америки, как и любой гражданской религии любого государства, характерна сакрализация политических символов.

Это личности «отцов-основателей». То есть политических деятелей, сыгравших ключевую роль в основании и становлении американской государственности и основ американской нации, а именно – в завоевании независимости и создании принципов новой политической системы. Важно подчеркнуть, что к «отцам-основателям» также причисляют представителей колоний – будущих штатов, которые организовали и осуществили Американскую революцию и провозгласили Соединенные Штаты Америки. Другими словами, изначально Штаты «застолбили» за собой право, если не быть наравне с федеральным центром, но влиять на него. Сакральный характер имеют Декларация независимости или делегатов Континентального конгресса 1787 года, а также участники составления Конституции США. А именно – «существует глубокая традиция – правительства штатов уравнивали бы

---

²⁰⁷ Панарин Д. С. Указ. ст.

²⁰⁸ См.: Легойда В. Современная религиозность: феномен «гражданской религии» в США // Журнал Московской Патриархии. 1977. № 11. С. 60–62; Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М., 2004. С. 31.

федеральное правительство; федеральное правительство контролировало бы деятельность штатов»²⁰⁹.

Частью гражданской религии США, как уже отмечалось, является и американский мессианизм, то есть изначальное предназначение американского госдепартамента и, очевидно, ЦРУ наблюдать за мировым порядком и особо за соблюдением «прав человека» в других странах. Такое понимание оформилось в период холодной войны, когда СССР, воодушевленный победой над фашистской Германией, стал претендовать на абсолютное мировое лидерство, как в политике, так и в глобальном цивилизационном развитии. В ответ на идеологическую экспансию Советского Союза Америка взяла на себя роль «защитника свободы и демократических ценностей, борца с тоталитаризмом». Так, в мировой политике «столкнулись» не просто две сверхдержавы, а произошло сопряжение двух концепций будущего.

После окончания холодной войны США, хотя и ощущала себя «победителем» в холодной войне и даже глобальным «лидером», но с исчезновением советского государства потеряла главный ориентир своей самоидентификации и самомобилизации. В этой связи начинается поиск новой идеологии национальной стратегии и новых геополитических ориентиров.

Сами американские исследователи констатируют, что сегодня геополитика США, все более отходя от присущего им национализма и самоизоляции, окончательно вышла на глобальный масштаб и мессианство. Так Зб. Бжезинский считал, что «в настоящее время Соединенные Штаты ... главенствуют в международном масштабе»²¹⁰. Как представляется, налицо иррациональное идеалистического (мессианского) толка стремление поучать и контролировать мировые процессы.

При таком подходе возможен обратный эффект, когда сверхдержава окажется в положении кризиса идентичности, раскола политических элит и

---

²⁰⁹ Фридман Л. Введение в американское право: пер. с англ. М., 1993. С. 116.

²¹⁰ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. С. 53.

перед проблемой преодоления комплекса неполноценности. Как отмечал бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, «то, что за границей называется самоуверенной борьбой Америки за мировое господство, очень часто представляет собой реакцию на давление внутренних сил, которые способны повлиять на решение ключевых вопросов, обещая поддержку или угрожая карой во время избирательной кампании, и которые поддерживают друг друга, имея в виду свои собственные перспективные цели»²¹¹.

Примером может являться предвыборная кампания Трампа, когда внешняя политика являлась часто аргументом внутриполитической дискуссии и способ преодолеть кризис института власти США.

По мнению Г. Киссинджера, «Соединенные Штаты должны также сформулировать свои ценностные установки в виде ответов на некоторые весьма жесткие вопросы:

– Чему мы должны противостоять любой ценой, чтобы выжить, даже если ради этого нам придется идти на большие жертвы?

– К чему мы должны стремиться, оставаясь верными самим себе, даже в условиях минимального международного консенсуса, а если необходимо, то и вообще без него?

– С какими несправедливостями мы должны бороться в первую очередь? Достижение каких целей находится за пределами наших возможностей?»²¹²

Соперничество элит Республиканской и Демократической партий по вопросам национальной безопасности сказывается на процессе принятия внешнеполитических решений, особенно силовых решений, когда необходима демонстрация патриотизма той или другой партии. Помимо этого, свои интересы и свое миропонимание имеют силовые структуры, на которых основан глобальный гегемонизм США.

Восприятие исхода «холодной войны» как «победы» оставило Америке сложное, противоречивое и во многом сомнительное наследство по

---

²¹¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная...

²¹¹ Там же.

²¹² Киссинджер Г. Указ. соч. С. 17.

определению. С одной стороны, Соединенные Штаты считают, что обладают достаточными ресурсами, чтобы всегда настаивать на своей позиции и проводить ее в жизнь, невзирая на обвинения в стремлении к мировому господству. В то же время в поведении США прослеживается именно поведенческие стереотипы времен «холодной войны» и вчерашние и нынешние их внутренние проблемы. В результате вроде бы доминирующее положение страны сочетается с реальной возможностью оказаться в стороне от многих тенденций, влияющих на мировой порядок и, в конечном счете, преобразующих его.

Наследие биполярной эпохи воспитало в США как в одном из полюсов противостояния не просто понимание логики поведения противника, но и потребность в его существовании. Еще в 1959 г. исследователи Калифорнийского университета высказали неожиданные для того времени идеи о том, что «Китай ... превратится в одну из основных мировых держав конца XX столетия»²¹³.

В своей геополитической стратегии Америка как глобальная тихоокеанская держава по определению не могла не учитывать Китай. Мессианство стало составной частью стратегии лидерства США в регионе и в отношении Китая. Американские политические и интеллектуальные элиты были убеждены в том, что Соединенным Штатам судьбой отведена роль вывести Китай из отсталости и нищеты. Известный американский синолог Дж. Фэйрбэнк писал: «К концу века... мы нашли в Китайской империи, больном человеке Азии, главное поле деятельности для наших евангелических устремлений... Этот новый и странный тип человеческого общества возбудил сначала наше любопытство, а затем симпатию, но в равной степени он породил в нас жадность и алчность. ... Американская экспансия в Китае была не только экономической и геополитической, религиозной или националистической. Она представляла собой комбинацию всех этих мотиваций»²¹⁴.

---

²¹³ Цит. по: Бажанов Е.П. Движущие силы... С. 146.

²¹⁴ Fairbank J. K. The United States and China. Boston. 1947. P. 320.

Признавая существовавший в начале XX в. раздел Китая на сферы влияния, правительство США попыталось обеспечить равные права американскому бизнесу по отношению к европейским колониальным державам. Провозглашенная Доктрина «открытых дверей»²¹⁵ рассматривалась в американской геоэкономической стратегии как средство постепенного оттеснения конкурентов и возможного приобретения решающих позиций на рынках Цинской империи, которые были давно поделены между европейскими колониальными державами.

Начало открытой континентальной агрессии Японии под лозунгом «Азия для азиатов»²¹⁶ заставляет Вашингтон вновь обратить свое особое внимание на Китай. Так в 1930-е гг. в Америке зарождается синология. Были созданы научно-политические учреждения²¹⁷, которые стали аналитическими центрами при госдепартаменте США. Более того, ученых-китаеведов стали принимать на работу непосредственно в госдепартамент²¹⁸.

По словам госсекретаря США К. Хэлла (занимал пост 1933–1944 гг.), «В отношении Китая ... было две цели: первая – эффективное совместное ведение войны, а вторая – признание и укрепление Китая в качестве великой державы, обладающей теми же самыми правами, которыми пользовались три западных партнера – Россия, Великобритания и Соединенные Штаты, как в подготовке послевоенной организации, так и в обеспечении стабилизации и благосостояния на Востоке»²¹⁹. По мнению отечественного исследователя Б. Н. Славинского, Вашингтон рассчитывал получить Китай в качестве возможного союзника по сдерживанию СССР²²⁰.

О том геополитическом значении, которое в США придавали Китаю, свидетельствует, в частности, и высказывание конгрессмена У. Джадда:

---

²¹⁵ Шлезингер А. Указ. соч. С. 26.

²¹⁶ Япония и мировое сообщество: социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 43.

²¹⁷ Thomas J. N. The Institute of Pacific Relations. Seattle. 1974. P. 34.

²¹⁸ Бажанов Е. П. Движущие силы политики США в отношении Китая. М., 1982. С. 149.

²¹⁹ Hull C. The Memoirs of Cordell Holl. Vol. 2. N.Y., 1948. 1583 p.

²²⁰ Славинский Б.Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке. 1945–1986. М., 1988. С. 21–22.

«Китай является ключом к бассейну Тихого океана, во-первых, вследствие своего стратегически выгодного центрального положения – он является осью в колесе Азии и имеет общую границу с Сибирью протяженностью в 2000 миль, во-вторых, Китай обладает огромными природными ресурсами и, в-третьих, население Китая составляет 450 млн человек»²²¹.

Вся дальнейшая эволюция китайского вектора внешней политики США пронизана противоречием между вполне конкретными экономическими интересами и их геополитикой в Азии и иррациональным мессианством по отношению к Китаю. Возмущение агрессивными действиями японцев исходило из самых различных кругов США, которые, как и прежде, были убеждены в том, что только американцы были настоящими «друзьями» китайцев и только они могли принести Китаю «добро» и «освобождение»²²². В ходе Второй мировой войны Вашингтон, помогая Китаю в его борьбе против Японии, рассчитывал, что в послевоенный период Китай наконец войдет в сферу влияния США и превратится в их опорную геополитическую точку в Восточной Азии.

Можно считать, что после антикоммунистической компании маккартистов поворот в сторону Китая был новаторским шагом со стороны администрации президента Никсона. Этому способствовала возобновившаяся дискуссия по «китайскому вопросу» в конгрессе и СМИ. Синолог Д.Барнетт на конференции в Колумбийском университете в 1956 г. предложил воспринимать КНР как состоявшуюся реальность²²³.

Очевидно, что Вашингтону после поражения во Вьетнамской войне (1964–1975 гг.), необходимо было восстановить свои позиции в Юго-Восточной Азии и создать новый вариант баланса сил в азиатском регионе, а главное – восстановить уверенность в себе. Вашингтон делает ставку на

---

²²¹ Congressional Record, 80-th Congress. Vol. 2. N. Y., 1948. 3329 p.

²²² Borg D. The United States and Far Eastern Crisis of 1933–1938. Cambr., 1964. P. 68.

²²³ Бажанов Е. П. Движущие силы... С. 146,

Китай, который в это время переживает не самый лучший период в отношениях с СССР²²⁴.

Вашингтон в начале 1960-х годов стал задумываться над тем, как учесть обострение советско-китайские отношений и пограничные конфликты. В итоге многолетних острых дебатов по этому вопросу на передний план именно тогда выдвигается концепция «многополярного мира». Пока речь шла о большом треугольнике – «США – СССР – КНР». То есть Вашингтон решил превратить китайский фактор в один из важнейших элементов сдерживания СССР.

Хотя не все политические круги Америки разделяли такие взгляды, тем не менее, в 1971 году начинается подготовка визита американского президента в Китай. Исследователи обращают внимание на то, что американское китаеведение к этому моменту уже достигло определенных высот и авторитета. Эксперты, рекомендовавшие развивать отношения в коммунистическим Китаем, были допущены к участию в подготовке визита Никсона в Китай. Тем более что некоторые исследователи выступали за развитие отношений с коммунистическим режимом Китая с момента его возникновения, они приняли участие в разработке дипломатических шагов администрации Р. М. Никсона на создание благоприятной атмосферы: «Поэтому можно считать отношения политики и науки на этом направлении дипломатической деятельности американского государства взаимовыгодными»²²⁵.

Если считать коммунистический Пекин законным представителем китайского государства, то в 1971 году произошло восстановление связей между Китаем и США, осуществленное непосредственно президентом Р. М. Никсоном. Сыграл так называемый «фактор геополитической ситуации», который, как полагается, объединяет особенности геополитической среды, в которой действует международный актор;

---

²²⁴ Лундестаг Г. Указ. соч. С. 260.

²²⁵ Дегтярев А. В. Дипломатическая подготовка визита Р. М. Никсона в КНР в 1972 г.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2010. С. 3–4.

состояния этого актора на данный момент времени; особенности эпохи в целом; и степень благоприятности момента.

Администрация Никсона предполагала поощрять закрепление Китая в качестве самостоятельного и дружественного США геополитического актора в международных отношениях, который бы помогал Западу «уравновешивать» возрастающую стратегическую мощь Советского Союза.

В июле и октябре 1971 года состоялась поездка Г. Киссинджера в КНР с целью подготовки визита президента Никсона. В 1972 году состоялись переговоры Никсона с Мао Дзэдуном. Не удивительно, что от роли младшего партнера Мао отказался²²⁶. Тем не менее, визит положил начало долгосрочной геополитической стратегии США по отношению к Китаю. А в американском сознании дополнительно утверждается представление, будто США реализует свое мессианское предназначение. Не берется в расчет социокультурное разнообразие мира. В этом случае возможен обратный эффект, когда объект миссии Китай отторгает «благотворительность» другой сверхдержавы.

Начиная с 2015 года и до прихода к власти Трампа, в целом отношения между Китаем и Соединенными Штатами оставались относительно стабильными, и даже наблюдался прогресс. Обе страны поддерживали тесные контакты и на различных уровнях. Президенты США и КНР за год (с сентября 2015 г. по сентябрь 2016 г.) встречались четырежды: дважды в Вашингтоне (в т.ч. на саммите по ядерной безопасности), во время конференции ООН по изменению климата в Париже и во время саммита G20 Ханчжоу.

Кроме того, Премьер Ли Кэцян встретился с президентом Обамой, когда участвовал в совещаниях на высоком уровне 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Американская и китайская стороны участвуют в работе многочисленных многосторонних форматов (восемь раундов Стратегического китайско-американского и экономического диалога, семь раундов китайско-

---

²²⁶ Чудодеев Ю. В. Сценарии развития Китая до 2050 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ivran.ru/f/Vostochnaya_analitika_2013.pdf (дата обращения 23.09.2024).

американских консультации высокого уровня по вопросам обменов, Совместный диалог по вопросам киберпреступности и т. д.).

Страны поддерживают контакты и координацию в области дел Азиатско-Тихоокеанского региона в рамках двусторонних обменов и соответствующих механизмов на всех уровнях, а также договорились о строительстве двусторонних отношений позитивного взаимодействия и всестороннего сотрудничества в регионе.

Обе страны до прихода к власти администрации Трампа находились в состоянии общения и взаимодействовали по отдельным актуальным вопросам глобальной повестки. Прогрессивную динамику демонстрировали меры взаимного доверия и безопасности. Так, в 2015 г. имели место двусторонние обмены по линиям гумпомощи и ликвидации последствий ЧС, участие в Хаан Quest 2015 – многонациональных миротворческих военных учениях и т. д. В 2016 г. глава ВМФ США побывал с визитом в Китае.

Таким образом, апробация модели глобального лидерства, проведенная в данном разделе, свидетельствует об обоснованности разделения факторов глобального лидерства на основные (в отсутствие которых осуществление лидерства невозможно) и добавочные (придающие лидерству своеобразный, присущий только конкретному государству-лидеру колорит). К первым следует относить прежде всего интегральную мощь, работой над восстановлением и поддержанием которой активно занялся Дональд Трамп и его администрация, а также способность вовремя распознать ближайших конкурентов, претендующих на глобальный статус и «оторваться» от преследователей, укрепив свое реноме за счет дискредитации образа оппонента. Последнее Соединенным Штатам пока не особенно удавалось. Но без сомнения, таких попыток следует ожидать в самом ближайшем будущем.

Что касается культурно-цивилизационных особенностей, то фактический материал и исследования специалистов из смежных с международными отношениями областей подтверждают, что они определяют своеобразие, стиль лидерства, способны повлиять на продолжительность

пребывания государства или более крупной общности в статусе лидера, но не имеют прямого отношения к его (государства или общности) способности или неспособности достичь искомого положения в топе мирополитических отношений.

2.3. КНР: от регионализма к глобальному лидерству

Как известно, копирование зарубежных образцов и технологий сыграло важную роль в экономическом развитии Китая, став начальным шагом в модернизации и в налаживании массового промышленного производства в последние десятилетия XX в.

При условии сохранения нынешнего вектора экономической и социальной политики, китайская экономика в среднесрочной перспективе станет (а по некоторым параметрам уже стала) первой по величине в мире. Важно отметить, что экономика Китая будет лидировать не только по объемам²²⁷. В разработке долгосрочной стратегии развития КНР участвует целый пул экспертов из Академии общественных наук КПК, Национальной Академии наук, исследовательских центров Госсовета, Комитета по планированию и т. д.²²⁸

В первую очередь это касается Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, в опубликованном документе «Политика Китая в отношении стратегического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе» наиболее важными для КНР международными организациями в АТР названы АСЕАН и разнообразные форматы вокруг нее, а также АТЭС. Причем надо иметь в виду, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) находится в конце

---

²²⁷ Китай стал не только космической, но и квантовой державой // Независимая газета. 14.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru/news/578526.html> (дата обращения: 15.04.2025).

²²⁸ Наумов И. Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М.: ИДВРАН, 2001. С. 70.

списка. Любопытно, что антитеррористическая структура ШОС и ее ежегодные учения «Мирная миссия» вообще не упомянуты²²⁹.

Региональная экономическая политика КНР имеет специфические особенности: китайцы заходят на относительно «слабо освоенные» другими иностранными инвесторами или покинутые по разным причинам рынки. Так, в Африку Китай начал активно проникать еще в конце 50-х гг. XX в. Выдача льготных кредитов без политических требований стала основой установления связей со многими режимами континента.

Одним из «партнеров» Китая в Африке выступала Ангола, с которой Пекин подписал два контракта на восстановление экономики после 27-летней гражданской войны. Инфраструктурные проекты реализовывали китайские подрядчики, а Ангола расплачивалась нефтью (так называемая «ангольская формула»)²³⁰.

КНР, помимо рынка сбыта за счет подобных формул укрепляет военно-экономический потенциал «жизненного ресурсного пространства». Кроме того, в Африке Китай получил новый объемный рынок сбыта для своей стремительно развивающейся промышленности²³¹. Но формула работает не везде. Так, в Замбии, откуда Китай импортирует почти 40% меди, бунты на китайских медных шахтах случаются регулярно²³². Еще в 2007 г. президент ЮАР Табо Мбеки заявил: «Китай может стать колониальной державой, а мы – лишь сырьевым придатком»²³³.

Опубликованный Госсоветом КНР документ «China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation»²³⁴ еще раз показал, что отношения Китая с

---

²²⁹ China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadailyasia.com/chinafocus/2017-01/11/content_15555498_7.html (дата обращения: 21.02.2025).

²³⁰ Игнатченко И. В. Пекин и Вашингтон бодаются за Черный континент // Независимое военное обозрение. 2011-09-16 [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2011-09-16/1_knr_usa.html?mprint (дата обращения: 04.10.2024)

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Самсонов А. Битва Китая и Запада за природные ресурсы Африки. URL: <https://topwar.ru/7309-bitva-kitaya-i-zapada-za-prirodnye-resursy-afriki.html> (дата обращения: 21.02.2025).

²³⁴ China's Policies on Asia-Pacific...

Вашингтоном всегда были для Пекина ключевыми. Именно в этом контексте следует рассматривать отношения Китая с США. Безусловно, что ситуация с выборами президента в США и приход в Белый дом Трампа не мог не вызывать беспокойство у политического руководства Китая, но значительный объем инвестиций и взаимной торговли является сдерживающим фактором против каких-либо торопливых шагов.

В первой половине 1990-х гг. на передний план и многочисленных обсуждениях и научных дискуссиях среди китайских политологов вышли не только прикладные экономические и геополитические проблемы, но и вопросы будущего переустройства мира и места в нем своей страны²³⁵. Как констатировал отечественный исследователь Салицкий, развернувшиеся между XVI и XVII съездами КПК дискуссии о путях развития страны «завершились с перевесом левых сил»²³⁶.

XVII Всекитайский съезд КПК 21 октября 2007 г. принял с частичными поправками Устав КПК, где прямо утверждалось, что названные идеи «представляют собой правильные, подтвержденные практикой теоретические принципы и обобщение опыта китайской революции и строительства, квинтэссенцию, коллективного разума Коммунистической партии Китая»²³⁷.

На XVII съезде КПК декларировалось, что Китай «находится и будет еще долго находиться на начальной стадии социализма. Этот неминуемый исторический этап осуществления социалистической модернизации в экономически и культурно отсталом Китае займет не менее ста лет. И в нашем социалистическом строительстве необходимо исходить из конкретных условий страны, идти по пути социализма с китайской спецификой. На

---

²³⁵ Воропаева О. Н. Эволюция представлений в КНР о современной эпохе и новом международном порядке в 1984–1992: дис. ... канд. истор. наук. М., 1994. 119 с.

²³⁶ Салицкий А. И. Куда движется Китай? О последнем съезде КПК и перспективах социализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/kuda_dvizhetsa_kitaj_o_poslednem_sjezde_kpk_i_perspektivah_socializma_2007-12-15.htm (дата обращения: 09.03.2025)

²³⁷ Устав КПК (Принят с частичными поправками XVII Всекитайским съездом КПК 21 октября 2007 года) [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/dossiers/2007-10/25/c_131871341.htm (дата обращения 08.03.2025).

нынешнем этапе главное противоречие нашего общества есть противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством»²³⁸.

После ухода Мао Дзэдуна властные элиты страны устойчиво молодеют. Средний возраст руководства КПК после XVII-го съезда и пленума существенно снизился. Но, как сегодня отмечают эксперты, молодые не собирались выдумывать нечто особенное, а всего лишь придерживались старых понятий и ценностей. А именно – собираются строить социализм с «китайской спецификой»²³⁹.

По мнению исследователя-китаиста А. В. Лукина, молодые амбициозные поколения политиков и политологов, отдельные представители военных кругов претендуют на большее, чем традиционные ценности КПК: «Не пытаясь открыто отвергать линию руководства, они фактически создают новую идеологию внешней и оборонной политики, прямо противоречащую разработанному в конце 1970-х гг. Дэн Сяопином внешнеполитическому курсу, лозунгом которого было: «Сдержанность, сдержанность и еще раз сдержанность»²⁴⁰. Логика их рассуждений, по Лукину, такова: великие державы «грабили» Китай. Но основная схватка за ресурсы еще впереди, и китайская армия должна быть готова, чтобы защитить не только себя, но и других от «узурпаторских поползновений прочих держав, прежде всего США»²⁴¹.

По мере роста интеллектуального потенциала молодого поколения китайцев и формирование националистического мышления у политических элит, увеличивается и рациональная составляющая во внешней политике. Так, Пекин, по мере роста уверенности в себе, не считает необходимым в

---

²³⁸ Там же.

²³⁹ Салицкий А. И. Куда движется Китай? О последнем съезде КПК и перспективах социализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/kuda_dvizhetsa_kitaj_o_poslednem_sjezde_kpk_i_perspektivah_socializma_2007-12-15 (дата обращения: 17.05.2025).

²⁴⁰ Лукин А. В. Внешняя политика Пекина – новый поворот? [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/files/151727/151727.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

²⁴¹ Там же.

ближайшей перспективе напрямую использовать силу против какой-либо страны. Соответственно, в процессе стратегического планирования и в аспекте соотношения иррационального (идеологического, китаецентрического) и рационального факторов роль последнего устойчиво возрастает. В китайскую элиту вливается новое молодое поколение, которое обладает новыми технологичными и политологическими знаниями.

Как отмечает китаист Ю. В. Тавровский, Си Цзиньпин поставил перед китайской нацией долговременную стратегическую задачу до 2047 года. Такого не делал ни один правитель Китая. Тавровский обращает внимание на убежденность Си Цзиньпина: «китайская мечта о великом возрождении китайской нации»²⁴² нужна не только Китаю, но и всему миру. «Китайская мечта», по утверждению, самобытна: «Мы не заимствуем концепцию «мечты» у других стран, и нам тем более не нужна «американская мечта». Американская модель губительна и неустойчива, и она явно не является примером для подражания. Идея «принадлежать Китаю» означает, что это особенная мечта, которая выступает в триединстве с «азиатской мечтой» и «глобальной мечтой». Сначала необходимо осуществить идею «китайский Китай» и, идя путем социализма с китайской спецификой, продолжить поддерживать мечту мирового социализма. Во-вторых, идея «азиатский Китай», которая заключается в том, чтобы не допустить погружения Азии в безвременье и беспорядки из-за западного вторжения. В-третьих, «глобальный Китай», идея которого в первую очередь заключается в построении современного цивилизованного государства, при этом Китай должен продемонстрировать свои традиционные ценности, а также универсальность китайской модели»²⁴³.

Само появление понятия «китайская мечта» свидетельствует, собственно говоря, о многом. Ссылкой на тот факт, что в свое время речь

---

²⁴² Тавровский Ю. В. Китайская мечта и ее составляющие: стратегический план развития страны: расчеты и программы // Независимая газета. 04.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html (дата обращения 03.02.2025).

²⁴³ Тавровский Ю. В. Указ.ст.

американского президента Линкольна, борца за независимость Америки вдохновляла идеолога китайской революции Сунь Ятсена, профессор Фуданьского университета КНР Ван Ивэй утверждает, что «Сегодня тема «китайской мечты» вновь поднята лидерами страны. Так, в преддверии своего официального назначения на пост председателя КНР в 2012 году Си Цзиньпин заявил, что важнейшей задачей Китая является «возрождение великой китайской нации»²⁴⁴. В дальнейшем, после занятия Си Цзиньпином поста главы государства, этот лозунг был «расширен до достижения «Китайской мечты о возрождении великой китайской нации», который для широких слоев населения был трансформирован в «китайскую мечту»»²⁴⁵. Си Цзиньпин выдвигает лозунг «всестороннего углубления и ускорения реформ», и достижения уровня «малой зажиточности» китайского населения не к 2030 г., а в 2020 году – уже при его власти.

Очевидно, что концепция «китайская мечта» ориентирована на массовое национальное сознание (то есть, по всей видимости, близка к привычным для массового сознания традиционным утопиям²⁴⁶). Курс же руководства Китая направлен на решение реальных проблем масс и населения и начинался с постановки «продовольственной проблемы». И она была в целом решена. И это в то время, когда некоторые страны мира со значительно меньшим населением уже в течение нескольких десятилетий не могут решить свою продовольственную проблему. Следующим шагом была постановка задачи повышение жизненного уровня масс и на разработку китайской модели лидерства. Необходимо отметить, что такой алгоритм политики свидетельствует, что руководство Китая демонстрирует приверженность социальной модели государства.

---

²⁴⁴ Ван Ивэй. Три составляющих китайской мечты // Хуаньцю шибао, Китай. ИНОСМИ. RU. 29.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130129/205197269.html> (дата обращения: 03.06.2025).

²⁴⁵ Си Цзиньпин – биография лидера Китая // Южный Китай: особый взгляд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.south-insight.com/xijinpings> (дата обращения: 07.03.2025).

²⁴⁶ См.: Китайские социальные утопии. М., Наука, 1987. 311 с.

В свою очередь китайский профессор Ван Ивэй считает, что «это особенная мечта, которая выступает в триединстве с «азиатской мечтой» и «глобальной мечтой». Сначала необходимо осуществить идею «китайский Китай» и, идя путем социализма с китайской спецификой, продолжить поддерживать мечту мирового социализма. Во-вторых, идея «азиатский Китай», которая заключается в том, чтобы не допустить погружения Азии в безвременье и беспорядки из-за западного вторжения. В-третьих, «глобальный Китай», идея которого в первую очередь заключается в построении современного цивилизованного государства, при этом Китай должен продемонстрировать свои традиционные ценности, а также универсальность китайской модели»²⁴⁷.

Очевидно, что речь идет о китайской модели глобального лидерства, когда «успех Китая является стимулом для других стран осуществлять собственную мечту. Китайская мечта тесно связана с мировой мечтой. Китай не следует узкой национальной мечте, отвергающей мир»²⁴⁸.

Ранее высказанная Дэн Сяопином оценка современной эпохи как «эпоха мира и развитие»²⁴⁹ свидетельствовала о теоретическом осмыслении мировых процессов и месте Китая в них. Очевидно, что Дэн Сяопином схвачен смысл глобальных тенденций и главных противоречий, влияющих на все процессы современности, а именно – война и мир, бедность и развитие, конфликт цивилизаций Запада и Востока. Эти парные оппозиции представляют собой источником процесса эволюции человеческой цивилизации и международных отношений²⁵⁰. Так Китай из объекта в мировых политических процессах Китай становится действующим субъектом в мировой геополитике и экономике.

---

²⁴⁷ Ван Ивэй. Указ. ст.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Чжао Мэн. Историческая эпоха в оценках руководства КНР от начала реформ до настоящего времени [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/4-1/hist/TheNewsOfASU-2011-4-1-hist-40.pdf> (дата обращения 05.03.2025).

²⁵⁰ Ли Юаньчао. Основные признаки нынешней архитектурой мира // Ляован. Пекин, 1991. № 19. С. 7–8.

Важным для понимания современного Китая представляются современные теоретические разработки китайских исследователей: они формируют теоретические, идеологические основы стратегии КНР и «транспортируют» их в окружающий мир.

Видный китайский политолог Юй Суй пишет, что Китай вырабатывает на основе Пяти принципов мирного сосуществования «новую концепцию безопасности и теорию многополюсного мира», «концепцию нового международного политического и экономического порядка, базирующегося на принципах мира стабильности, справедливости и разума».

В представлении китайских элит мировое лидерство Китая не является, как и соперничество с Америкой, буквально самоцелью. Это по своей сути является составной частью национальной идеи как таковой. Китай прилагает усилия, чтобы реализовать китайскую мечту о великом обновлении китайской нации. При этом предполагается, что развитие Китая даст импульс к миру во всем мире. А с другой стороны, публичная декларация указанного документа мобилизует китайское общество на стратегический прорыв.

Возможно, речь идет не буквально о совокупной национальной мощи, а о некой созданной социальной модели, обеспечивающей устойчивое и гармоничное развитие и конкурирующей с претендующими на подобное другими моделями. Как представляется, развитие такой огромной и разнообразной страны-цивилизации как Китай невозможно было без сохранения своего культурно-исторического потенциала.

По мнению отечественного исследователя Я. М. Бергера, «основным доводом, призванным доказать, что Китаю необходимо перенять у США руководство миром, служит тезис о том, что американское лидерство завело человечество в тупик и угрожает его безопасности. Чтобы спасти мир и себя, Китай должен предложить миру «путь добродетельного правителя» взамен американского «пути гегемона»²⁵¹.

---

²⁵¹ Бергер Я. М. Стремление Китая к мировому лидерству требует пояснений // НГ-Сценарии. 2010.01.26 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-01-26/15_china.html (дата обращения: 21.03.2025).

Избранная Китаем модель лидерства, может быть обусловлена более сложной конфигурацией факторов влияния на процесс самоорганизации, во многом зависимой не от самого Китая, а от внешних обстоятельств. А исторический опыт модернизации и реформ страны не столь богат и полезен. Попытка Мао Цзэдуна и его соратников сделать Китай мировым лидером путем форсированной модернизации не была подкреплена соответствующими ресурсами. В итоге она обернулась провалом.

Китайские политологи считают, что Китай «постепенно выходит на передовую линию мирового развития»²⁵². Это может свидетельствовать о начале формирования нового национального самосознания китайского общества. Китай видится уже не «догоняющим» обществом и не заикленным на маоистских идеологических догмах.

В первой половине 1990-х гг. в многочисленных обсуждениях и научных дискуссиях среди китайских политологов на передний план вышли политические проблемы переустройства мира после распада СССР, окончания «холодной войны» и нового международном» порядка²⁵³. Тот факт, что, говоря о превращении Китая в великую державу, китайские авторы одновременно делают упор на том, что КНР самобытен, идет по пути, отличному от пути традиционных великих держав, претендует на большее, чем современные материальные достижения Китая.

Несмотря на то, что основатель политического реализма был скептически настроен в отношении возможностей измерения как мощи, так и силы (и оба понятия обозначал как power и как цель, и как средство международной политики), Моргентау саму идею находил весьма плодотворной: «Баланс сил, если его рассматривать механически, требует внятного количественного критерия, при помощи которого относительная сила нескольких государств может быть измерена и сравнима. Потому что

---

²⁵² Чжан Юйсинь. Внешняя политика Китая в контексте трансформации системы международных отношений: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2007. С. 18.

²⁵³ Там же. С. 20.

только посредством такого критерия, сравнимого с фунтами и унциями на реальной чаше весов, можно с какой-либо степенью уверенности сказать, что какая-то нация имеет тенденцию стать более мощной, чем другая или, что они будут сохранять баланс сил между собой»²⁵⁴.

Итак, несмотря на скептицизм в отношении «подсчета», Моргентау закладывает основные параметры поисковой модели. Так, важнейшими компонентами национальной мощи он называет национальный характер, национальный дух, качество государственного управления и качество дипломатии. Среди материальных факторов – географическое положение, природные ресурсы, промышленный потенциал, «военную готовность» и население страны. Но и в материальных параметрах роль субъективизма весьма весома: например, военная готовность – это в том числе и качество военного командования, промышленный потенциал – квалификация рабочего, природные ресурсы – те, что могут быть использованы, в то числе, и в целях продовольственного самообеспечения.

Моргентау обращал также внимание на то, что не стоит сбрасывать со счетов субъективизм в принятии решений и фактор случайных событий. Кроме того, мощь одного государства может быть оценена только в сравнении с другим (в рамках чуть ли не ежедневно необходимых замеров баланса сил). И еще шире – при оценке собственной мощи и мощи противника следует брать в расчет и мощь союзников с обеих сторон, и несовпадения конфигурации союзов на бумаге и в реальности (т.е. больше союзников – больше мощь, но и больше риск их перехода в другие лагеря). Последние два фактора – соизмеримости и союзничества – активно прорабатываются в работах современных специалистов по теории международных отношений.

Государственная мощь в работах Раймона Арона, концепт которой основан в том числе и не критике Моргентау (нужно различать силу и мощь, сила является частью мощи, силу можно измерить, о мощи можно судить лишь

---

²⁵⁴ Там же. Р. 14.

условно – на основании измерения силы), состоит из трех базовых компонентов:

- 1) пространство;
- 2) материалы и знания, население (но не общая численность, а количество человек, которые при необходимости могут стать солдатами);
- 3) способность к коллективному действию (организация, управление, солидарность)²⁵⁵.

Второй и третий компоненты представляют собой конгломераты, формирующиеся на пересечениях материальных и нематериальных факторов. Однако отдельного внимания заслуживает идея Арона о том, что мощь как способность навязать свою волю другим, является не чем иным как социальным отношением, а точнее – аргументом в социальных отношениях, в данном случае – в межгосударственных.

Изначально в теории международных отношений понятие мощи было неразрывно связано с потенциалом, и прежде всего – с военным. Но уже Клаус Кнорр обращал внимание на то, что важную роль играет способность страны к военной мобилизации, которая невозможна без эффективного управления в том числе и экономическими ресурсами²⁵⁶.

Поскольку изначально в обосновании понятия мощи речь шла о государстве, то в западной литературе утвердилось понятие «национальная мощь» (по аналогии с «национальной безопасностью», где *national* означает государственный). Кроме того, уже в 1960-х гг. сначала западными, а затем и китайскими авторами предпринимались попытки измерить эту самую национальную мощь – с использованием количественных методов, линейных и нелинейных корреляций и проч. И в современных исследованиях она предстает уже как интегральная (варианты – комплексная, совокупная) мощь. По-видимому, понятия «комплексной мощи государства» и «совокупной мощи государства» следует принимать за синонимичные. Итоговый результат

---

²⁵⁵ Aron R. *Peace and war*. New York: Doubleday & Company, Inc., 1966. 836 p.

²⁵⁶ Knorr K. *The war potential of nations*. Princeton, Princeton univ. Press. 1956; Knorr K. *The Power of Nations*. New York, 1975.

расчетов получил наименование «индекса интегральной мощности» (IPI – integral power index).

Начало этих попыток связывают с именем Клиффорда Германа, предложившего сумму четырех факторов (территория, население, промышленная база и численность армии) умножить на два в случае, если государство обладает ядерным оружием²⁵⁷. Несомненно, принадлежность к клубу ядерных держав значительно увеличивает мощь государства (возможно, даже больше чем вдвое), однако возникают серьезные сомнения, насколько обладание ядерным оружием влияет на лидерский потенциал государства. Вопрос, может ли неядерное национально-государственное образование претендовать на статус лидера, по крайней мере, в региональном масштабе, остается за рамками настоящего исследования, поскольку в центре внимания здесь находятся лишь два государства, и оба они имеют ядерный статус. И с точки зрения глобального лидерства количественные измерения ядерных потенциалов не имеют принципиального значения: очевидно, что у обоих государств есть все возможности для их обновления и наращивания в случае необходимости. С точки зрения ядерной проблематики, скорее инициатива по сворачиванию – вплоть до полного отказа – ядерных вооружений (не просто продекларированная, а действительно реализованная) может быть воспринята мировым сообществом как признак лидерства, и фактически может означать переход к внедрению более совершенных и технологически прорывных видов оружия, девальвирующих ядерную мощь.

Все без исключения попытки выделения основных факторов интегральной мощности содержат фактор численности населения как базовый. При этом попытки качественной градации населения предпринимаются крайне редко. Так, у Дэвида Сингера показатель общей численности населения суммируется с численностью городского населения. Сюда же плюсуется численность армии. Это три показателя в «человеко-единицах», вкупе с

---

²⁵⁷ German C. A. A tentative evaluation of world power //Journal of Conflict Resolution. 1960. Vol. 4, issue 1. P. 138–144 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/002200276000400110> (дата обращения: 08.05.2025).

производство стали, топлива и военным бюджетом, делятся на 6 (по количеству факторов)²⁵⁸.

Однако именно на примере сегодняшнего Китая видно, что гигантские показатели численности населения ведут скорее к сокращению мощи, нежели к ее приращению: большая часть населения КНР тратит в день от 2 до 10 долларов, а принадлежащей к среднему классу считается семья, имеющая одну вещь длительного пользования. И в данном случае граждане являются скорее объектом заботы со стороны государства, задачи которого до сих пор формулируются на уровне «как прокормить». И сегодня, когда речь заходит о Китае как о возможном претенденте на глобальное лидерство, именно социально-экономическое положение населения выдвигается как основа аргументации противников такой возможности: каким же глобальным лидером будет государство, не способное обеспечить уровень жизни своих граждан. С этой точки зрения, планы китайского правительства по достижению «среднезажиточного уровня», о которых речь пойдет в следующей главе, неслучайны и являются не только внутривнутриполитической задачей.

Если ранее количество населения и площадь территории напрямую увязывалось не только с возможностями военной мобилизации, но и с производством товаров народного потребления (как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции), то сегодня в связи с повешением уровня производительности труда и внедрением автоматизированных систем управления, эта зависимость нивелируется.

Однако пренебречь фактором населения, так же как и территориальным фактором, не представляется возможным. Уходя от простого количественного суммирования, необходимо выделять узкоспроецированные факторы, например, не городское население в целом, а соотношение трудоспособного занятого городского населения с определенным уровнем образования с общей численностью населения, или равномерность распределения населения по

---

²⁵⁸ См.: Measuring the correlate softwar / ed. by J. Singer, P. Deihl. Ann. Arbor University of Michigan Press, 1990. 285 p.

территории страны, диспропорции в развитии регионов, уровнем автоматизации производств и т. д.

Пожалуй, самое известное уравнение по вычислению комплексной мощности принадлежит Рею Кляйну. В 1975 году он предложил формулу, в которой перемножались суммы материальных и нематериальных факторов национальной мощности. Сумма материальных факторов складывалась из территории и населения, объединенных в один компонент, экономических возможностей и военной силы, которая в свою очередь состояла из непосредственных возможностей ведения боевых действий, стратегических резервов и проявленной активности. Сумму субъективных факторов Кляйн предложил рассчитывать, исходя из двух составляющих: стратегической цели (для нее высчитывался коэффициент) и национальной воли (включала показатель единства нации, силу руководства и четкость и адекватность формулирования национальных интересов)²⁵⁹.

Таким образом, целеполагание и мотивация, по Кляйну, составляют основу трудноисчислимых субъективных факторов, хотя степень осознанности национальных интересов логичнее было бы отнести к стратегическим целям, нежели к воле. Но это не имеет особого значения в рамках формулы: отсутствие того или иного компонента (благодаря тому, что факторов в каждом из множителей несколько) не обнуляет итоговый результат. То есть отсутствие, к примеру, стратегической цели может быть компенсировано за счет качества управления и наоборот, экономика – военной силой и т. д..

Только через четверть века, в 2000 году Рэнд Корпорейш выпустила аналитический доклад «Измеряя национальную мощь в постиндустриальную эпоху»²⁶⁰. Ее авторы под руководством американского эксперта индийского

---

²⁵⁹ Cline R. S. World Power Assessment: a calculus of strategic drift. Washington: Center for Strategic and International Studies, Georgetown University, 1975 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/worldpowerassess00clin> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁶⁰ Tellis A. J. Measuring National Power in the Postindustrial Age // RAND Corporation. 2000. P. 25–30 [Электронный ресурс]. URL:

происхождения Эшли Теллиса не стали разрабатывать формул исчисления, а сконцентрировались на идее того, что факторы, актуальные для индустриального этапа (массовость армии, численность населения, объемы промышленного производства и т. д.), уступают место новой эпохе и новым факторам. Приложение к докладу состоит из списка минимально необходимых для расчета национальной мощи количественных факторов.

Отсутствие подсчетов в докладе – преднамеренный шаг, а не промашка авторов: изучая предыдущий опыт оценок национальной мощи, они пришли к выводу, что и одномерные, и многомерные индексы дают принципиально схожие результаты, что делает расчеты избыточными с точки зрения анализа²⁶¹.

Сделав оговорку, что некоторые требующие учета показатели (политическая обстановка в стране и за ее пределами, характер отношений народа и элиты и проч.) вообще неисчислимы, авторы указали три группы направлений – национальные ресурсы, показатели и военные возможности, в которых в общей сложности зафиксирован 31 пункт (некоторые из них включают до шести подпунктов).

При всей традиционности формулировок трех базовых столпов, «начинка» подгрупп имеет мало общего со всеми предыдущими исследованиями. Нет в документе указаний ни на площадь государства, ни на численность населения, на даже на численность войсковых подразделений.

Самая многочисленная группа – национальные ресурсы – состоит из пяти подгрупп и открывается пунктом «технологии» (особо выделены информационные коммуникации, биотехнология, авиация, наземный транспорт, энергетика, а также государственные и частные расходы на НИОКР в критически важных военных и гражданских отраслях).

---

http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR1110/MR1110.ch3.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

²⁶¹ Бергер Я. Об эволюции оценок совокупной национальной мощи государств [Электронный ресурс]. URL: <http://naukarus.com/ob-evolyutsii-otsenok-sovokupnoy-natsionalnoy-moschi-gosudarstv> (дата обращения: 07.05.2025).

В ресурсном блоке зафиксированы также способность к изобретениям и инновациям, человеческий ресурс. Инновационность рассчитать можно также по затратам на НИОКР в структуре государственных расходов и числу зарегистрированных патентов. Человеческий ресурс может быть рассчитан, исходя из % затрат на образование в структуре ВВП на каждом из уровней (от начального до непрерывного) и направлений (от физико-математических, биологических, инженерных до социальных, поведенческих, гуманитарных), числа обучающихся, включая иностранных граждан, а также количества НИИ (в особенности НИТИ).

Что касается финансовых ресурсов, то их по-прежнему предлагается оценивать по динамике роста ВВП, но авторы добавляют еще и оценки роста по секторам, уровня сбережений, а также объемы прямых и портфельных иностранных инвестиций, что особенно важно в условиях нарастания процессов интернационализации мировой экономики.

Завершается обзор ресурсов природными ресурсами (энергией и полезными ископаемыми): при этом предлагается учитывать не только собственные залежи, но и уровень доступности экспорта сырых материалов.

Вторая из трех групп – национальные показатели – кроме инфраструктурных и налоговых данных, содержит отсылку на общенациональные результаты TIMSS – тестов на уровень математической и естественнонаучной подготовки и уровень инвестиций в человеческий капитал.

Описание военного потенциала в докладе РЭНД корпорейшн также было бы немыслимо в индустриальную эпоху. Начиная с обзора стратегических ресурсов, авторы считают необходимым включение показателя объема военного бюджета и его соотношения с ВВП. Что касается уровня вооружения, то авторы предлагают обращать особое внимание на запасы высокоэффективных боевых систем и возможности их постоянной модернизации, а также результаты RDT&E – тестирования закупаемого военными оборудования.

Но самый главный показатель в военном блоке – уровень квалификации личного состава (как рядовых, так и офицеров), количество современных учебных центров, совершенствование уровня боевого мастерства через проведение учений, в том числе совместных и за рубежом. Служба в армии, таким образом, приравнивается к строго организованному, четко регламентированному, высокотехнологическому учебному процессу.

Таким образом, доклад RAND Corporation, несмотря на свой солидный возраст, до сих пор остается актуальным за счет акцента на инвестировании в человеческий капитал – на разных уровнях и в максимально возможном спектре областей как гражданского, так и военного сектора, а также на технологические прорывы.

Среди современных исследований, кроме доклада RAND Corporation, обзор которого приведен выше, внимания заслуживают результаты моделирования, основанные на методологии стратегической матрицы, высокочувствительной к динамике изменений в мировой экономике и международных отношений, представленные в докладе «Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран»²⁶².

Произведенные международной группой исследователей в 2012 г. замеры и расчеты, основанные на многомерном факторном анализе, обладают по крайней мере двумя неоспоримыми преимуществами. Во-первых, они позволяют оценить интегральную мощь не изолированно, не как сугубо национальную мощь, но в максимально плотной увязке с глобальным контекстом. В приведенном выше докладе 2000 г. была предпринята попытка учета внешних факторов (доступность экспорта ресурсов, иностранные инвестиции и проч.), показывающих, что государство наращивает или сокращает свою мощь не в безвоздушном пространстве. Но именно в «Глобальный рейтинг» во главу угла ставит соотношенность мощи одних с

---

²⁶² Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. М.: Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. 108 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inesnet.ru/wp-content/uploads/2013/04/Rating100ru.pdf> (дата обращения: 07.05.2024).

мощью других на фоне глобальных экономических и мирополитических процессов.

Во-вторых, динамический характер модели позволяет проследить не только ретроспективу изменения мощи, но и сделать прогноз ее роста или деградации. В представленном докладе прогнозные показатели учтены до 2030 г.

Модель включает в себя девять базовых факторов, последовательность ввода которых не имеет значения (от перемены мест слагаемых сумма не меняется), поскольку их индексные показатели в итоге списываются в круговую диаграмму в виде точек на девяти осях, соединение которых создает понятный визуальный образ – энниаграмму. Тем не менее факторы могут быть структурированы сразу по нескольким параметрам. Основная градация состоит в выделении группы из четырех факторов, составляющих потенциал развития: территория, ресурсы, население, культура и религия. Вторая группа сформирована также из четырех показателей, определяемых как факторы реализации потенциала: экономика, наука и образование, вооруженные силы, внешняя политика.

Таким образом, это первая из всех рассмотренных моделей, которая учитывает культурно-религиозный фактор, да еще и наравне с населением и площадью государства. Обращает на себя внимание, что материальные и нематериальные факторы предстают в смешанном виде, а основу разделения составляет степень динамики изменений: в сравнении с потенциалом, который выступает в исследовании в качестве инварианта, факторы реализации более лабильны.

Девятый фактор – управление – в докладе назван «подсистемным» и рассматривается в качестве ключевого, обеспечивая синергию остальных факторов. Имеется в виду прежде всего государственное управление, а точнее его стратегическая компонента, понимаемая как способность вывести систему на качественно новый уровень. Авторы доклада справедливо отмечают, что

управление – один из самых динамичных факторов модели, поскольку связан с «высоким антропогенным содержанием»²⁶³.

Выделенные качественные характеристики управления вполне предсказуемы: последовательность, адаптивность, способность к лидерству (предлагать обществу повестку дня), эффективность элитообразования и т. д. Однако характер контура обратной связи (насколько адекватно избраны критерии анализа) удивляет: масштабность решаемых задач (одна из характеристик управления) была соотнесена с еще двумя параметрами: с усредненным значением показателей темпов роста экономики государств с показателями детской смертности на 1 тыс. родившихся.

Спорным представляется деление всех государств на четыре группы: «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство», хотя критерии различения по группам подтверждены числовыми показателями. Так, по территориальному признаку получается, что в разряд «сверхдержав» (с площадью более 2500 тыс. км²) относятся не только ожидаемые РФ, США и КНР, но и Канада, Бразилия, Австралия, Индия, Аргентина и Казахстан и даже совсем не государство ЕС (в документе Евросоюз назван также объединением великих и региональных, а также малых государств). Среди «великих» оказываются, к примеру, Саудовская Аравия, Мексика, Индонезия, Иран, ЮАР, Нигерия, Пакистан и др. Франция и Турция, исходя их такой методологии, – великие, а Германия и Япония – региональные державы. К региональным игрокам относятся также Швеция, Норвегия, Финляндия – и с точки зрения региональной конфигурации получается, что в Северной Европе региональных держав больше, чем малых государств.

В этом смысле более логически обоснованными выглядят наименования первых двух групп держав «глобальными» и «растущими», которые предлагает китайский политолог-международник Ян Сюэту. Разделяя государства на четыре большие группы (доминирующие, возвышающиеся, региональные и малые), он отмечает, что цель первых двух групп – системное

---

²⁶³ Глобальный рейтинг... С. 9.

доминирование, третьей группы стран – региональное доминирование, а малых стран – выживание²⁶⁴.

Переходя к анализу вклада китайских международныхников, следует отметить, что тематика государственной мощи – одна из важнейших проблем, разрабатываемых в рамках пока молодой китайской школы ТМО. Мало того, именно эта проблематика лежит в основе научного поиска этой национальной школы. Так, еще в начале 2000-х гг. представитель Военной академии КНР Хуан Шофен вывел собственную формулу национальной мощи, состоявшую из трех множителей: жестких (физических) факторов, мягких (нематериальных) факторов и способности лидеров направлять и объединять этнос. А профессор экономики Университета Цинхуа Ху Аньган, считающий, что «условие процветания Китая – сбалансированный мировой порядок, основанный на правилах»²⁶⁵, предложил расчет мощи государства в определенный промежуток времени: его формула предполагает умножение средневзвешенной одного конкретного ресурса на процентную долю этого ресурса в общемировом показателе.

Любопытно, как само появление и развитие китайской школы ТМО выглядит в свете взятой за основу в данном исследовании идеи М. Финнемора об изоморфизме социальных структур: китайская теория международных отношений позиционирует себя как самостоятельная и самобытная научная дисциплина, в то же время китайские теоретики полемизируют с авторами канонических для западных международныхников текстов, пытаясь вдохнуть новую жизнь в уже знакомые базовые концепты. Вот такой явный пример «встраивания» КНР не только в систему МО, но и в науку о ней.

Пока российские исследователи бросают вызов этноцентричной ТМО, имеющей по преимуществу американское (шире, если брать во внимание

---

²⁶⁴ Yan Xuotong. Political Leadership and Power Redistribution [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7239/20160307/53421457338633578.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶⁵ Hu Angan. Embracing China's «New Normal» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-04-20/embracing-chinas-new-normal> (дата обращения: 11.03.2025).

британскую и копенгагенскую школы, – западное) происхождение, пытаюсь создать так называемую «национальную школу» ТМО, китайские международники основывают направление в рамках одной из самых традиционных школ западной ТМО – школы реализма.

«Моральный реализм», идейным вдохновителем которого является Ян Сюэтун, довольно просто, без отторжения входит в поле науки МО: логика изложения и объяснения теории выстроена по западным шаблонам, а содержание отдаленно напоминает попытку примирения реалистов и идеалистов - через сочетание силы и морали. Если продолжать поиск места китайского концепта в развитии современной ТМО, то становится ясным, что в четвертом раунде «Больших споров» «моральный реализм» мог бы существенно обогатить аргументы отчаянно обороняющихся от продвижения конструктивистов представителей традиционных школ, кооперацию которых условно называют «синтез нео-нео».

Однако особый интерес с точки зрения фокуса настоящего исследования, представляет содержание «морального реализма». Его программная статья, опубликованная в 2016 г. на английском языке в *The Chinese Journal of International Politics*, носит название «Политическое лидерство и перераспределение власти»²⁶⁶. Отмечая, что «материальная мощь является бесспорным фундаментом, на основании которого государство может улучшить свой международный статус», Ян Сюэтун концентрируется на двух независимых переменных – политическом лидерстве и «международном стратегическом авторитете» (*international strategic credibility*).

С политическим лидерством все более-менее ясно. Основатель «морального реализма», отмечая зачаточное состояние своей теории, разъясняет, что еще многое предстоит сделать для определения общего и различного (в функциях, роли, эффективности и т. д.) в лидерстве на национальном и международном уровнях. Пока же политическое лидерство

---

²⁶⁶ Yan Xuetong. Political Leadership ...

Ян Сюэтун определяет как «оперативный элемент всесторонней национальной прочности».

Выступая перед студентами МГИМО(У) в апреле 2017 г. основатель «морального реализма» так сформулировал значение ответственного и грамотного политического руководства страны: «Недостаток ресурсов – не такая большая проблема, как неверное распоряжение ими. Если у вас есть деньги, но вы не знаете, как их использовать, будет катастрофа (финансовый кризис)»²⁶⁷. В качестве примеров «катастроф» Ян Сюэтун привел политику советского руководства, приведшую к коллапсу СССР, а также ошибочное решение о начале войны в Ираке в 2003 г., которая «была США не под силу». Таким образом, начало упадка США китайский политолог увязывает с периодом правления Буша-младшего: «Вопрос о том, кто руководит страной, является определяющим, будет ли страна превращаться в суперсилу или приходить в упадок»²⁶⁸.

Структурные конфликты между растущим и доминирующим государством неизбежны. Смещение центров силы определяется разницей в динамике роста мощи государств. Для определения мощи Ян Сюэтун использует китайское понятие *shili* (что более соответствует английскому *strength*) – в противовес *quanli* (*power*) – и состоит, по мнению основателя теории «морального реализма», из трех ресурсных (военного, экономического и культурного) и одного операционального (политической силы) элементов. Политическая сила (*politicalstrength*) в свою очередь состоит из идеологии, стратегии, политической воли, политической системы, правительственных и прочих учреждений, управляемых политиками. Операциональный элемент значительно важнее ресурсных. И корреляция между ресурсными и операциональными элементами далеко не прямая: без ресурсов, но при умелом руководстве можно добиться укрепления влияния в мире; без управленческих достижений сами по себе ресурсы не могут превратить государство в

---

²⁶⁷ Лекция Ян Сюэтун в МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9eUnz-YXyHU> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁶⁸ Там же.

значимую силу. В итоге вывод таков: «Сегодня руководство КНР сильнее руководства США, поэтому наша страна развивается быстрее»²⁶⁹.

Понятие же «международный стратегический авторитет» не является устоявшимся в западной науке, и вполне возможно, что Ян Сюэтун под «credibility» имеет в виду нечто иное, чем представляется на первый взгляд, поэтому здесь имеет смысл присмотреться к логике его рассуждений более пристально. Понятие «стратегического кредита» появляется в связи с рассуждениями о способности государства создавать и расширять нерушимые альянсы. В этом смысле США как ведущий игрок НАТО стратегически авторитетен, а распад ОВД показал утрату СССР такого авторитета.

Сюэтун полемизирует с Моргантау относительно необходимости различения power и strength так же, как с Уолцем, утверждающим, что внешние функции государств схожи, а различия возникают лишь с набором возможностей. Государства выбирают разные стратегии обеспечения собственной безопасности: одни в этом абсолютно самостоятельны (США), вторые частично делегируют эти полномочия (Япония), третьи – в вопросах безопасности полностью полагаются на других (Ватикан).

Опираясь на Сюнцзы, Сюэтун говорит о трех типах доминирования: тирании («цян»; например, европейский колониализм до Второй мировой войны), гегемонии («ба»; США и СССР в период холодной войны) и гуманного авторитета («ван»; примеров в современной истории пока не было).

Разделяя государства на четыре большие группы (доминирующие, возвышающиеся, региональные и малые), Ян Сюэтун отмечает, что цель первых двух групп – системное доминирование, третьей группы стран – региональное доминирование, а малых стран – выживание. Он выделяет также четыре стиля лидерства: неактивный (основанный на невмешательстве как философии управления), консервативный (на достижениях

---

²⁶⁹ Там же.

предшественников), инициативное (человеческие усилия как решающий фактор), агрессивное (военная мощь, не исключая войны)²⁷⁰.

Предсказуемо, что самой интересной для китайского международника темой является поведение государств той группы, которую он называет «rising» - растущие, поднимающиеся, возвышающиеся. В качестве примера неактивного стиля Сюэтун приводит политику Китая в отношении Тайваня: настаивание на воссоединении могло бы привести к опасному конфликту с США (из-за давления со стороны доминирующего лидера и его международного авторитета), поэтому КНР переформулировала «политику воссоединения» в «политику мира и благ»: «Пока растущие государства занижают свои стратегические цели, они могут существенно снижать напряженность в отношениях с доминирующими. Однако это может обернуться в итоге остановкой и прекращением подъема»²⁷¹.

Консервативный тип лидерства, по Сюэтун, предполагает концентрацию на экономическом и торговом сотрудничестве. В пример приводится китайский опыт политики «yijingcuzheng» (улучшение политических отношений через экономическую кооперацию).

Инициативный тип хорош для улучшения добрососедских отношений, но чреват структурными конфликтами с гегемоном, который в ответ будет усиливать стратегическое сдерживание. Рецепт от сдерживания по стороны гегемона — поиск союзников и формирование альянсов. Это может грозить новым противостоянием блоков, но, по утверждению Ян Сюэтун, сегодня в Китае есть сторонники «альянсовой стратегии», считающие, что без поддержки Китаю возрождения не достичь.

У агрессивного типа лидерства в Китае также есть сторонники: результаты достигаются напрямую и быстро, атакуются слабые и второстепенные государства, в том числе сторонники гегемона. Риски велики, но это

---

²⁷⁰ Yan Xuetong. Political Leadership and Power Redistribution...

²⁷¹ Там же.

единственный способ установить свою гегемонию в мире, где агрессивные войны исторически велись Западом.

Далее Сюэтуン выстраивает связь между лидерским стилем и «международным стратегическим авторитетом». Инициативные возвышающиеся государства дорожат «стратегическим авторитетом», включая его в национальные интересы, в то время как неактивные и агрессивные возвышающиеся игроки не обращают на него внимания, а консервативные (те, кто проповедуют экономический детерминизм) «предпочитают поддерживать доверие по низкой цене».

Естественно, что моральный реализм, отцом-основателем которого является сам Сюэтуン, против силовых методов и за повышение стратегического авторитета. Но главное сказано: в Китае не исключают военного варианта перераспределения мировой власти.

Таким образом, в рассмотренных современных индексах мощи, фактор управления или общенационального лидерства – то есть качество, оперативность, эффективность, организация системы принятия решений, выдвинут в ряд важнейших показателей. Отмеченное касается также и технологий любого рода – управленческих, организационных, производственных и проч. Оба эти фактора – управление и технологии – пронизывают все сферы общенациональной жизни, оказывают решающее стимулирующее влияние на динамику развития системы в целом.

Факторы внутриполитического лидерства и технологического превосходства являются взаимообусловленными. Эффективное лидерство нацелено на розыск во внешней и внутренней среде технологий, стимулирование выработки новых технологий на основе уже добытых образцов, внедрение технологий, приводящее к резкому отрыву от конкурирующих сообществ. В свою очередь технологии, разработанные и имплементируемые, формируют мощную базу легитимации лидерства как внутри сообщества, так и за его пределами.

Нельзя упускать из виду и то, что новые технологии нередко играют роль «гробовщиков» для тех дорогостоящих и перспективных ноухау, которые недавно были признаны «передовыми» и составляют основу благополучия «конкурентов». Способность же распознать и вовремя нейтрализовать последних – одна из задач оперативного управления. Нейтрализация посягающих на глобальные лидерские позиции должна способствовать укреплению статуса глобального лидера, поэтому может сопровождаться дискредитацией «конкурентов»

Единство факторов внутриполитического лидерства и технологического превосходства – основной механизм, приводящий в движение всю систему общественно-производственных отношений внутри национально-государственного образования – является двусоставной базовой компонентой модели глобального лидерства. Далее следует разобрать структуру и сущность добавочных компонентов.

Качество управления (организационный ресурс), а также способность к созданию прорывных технологических образцов (креативный ресурс) – условно можно изобразить в виде двух объединенных однонаправленных вертикальных прямых, составляющих остов той конструкции, которую можно назвать моделью современного глобального лидерства. Именно единство этих прямых формирует способность сохранения темпа модернизации в ведущих отраслях либо навязывание нового темпа – благодаря разработке и имплементации прорывной технологии.

Самыми современными примерами прорывных технологий могут быть сланцевая революция в энергетике, технология 3D принтирования, двигатель Илона Маска и проч. Однако сегодня довольно сложно сказать, какое из открытий – даже если оно широко известно, поражает воображение и за него уже получены престижные награды – в результате имплементации перевернет жизнь человечества и выведет своего реализатора в глобальные лидеры. Кроме того, важно понимать, что место происхождения изобретения далеко не всегда совпадает с местом его выхода в широкий прокат (не говоря уже о

происхождении самого изобретателя). Поэтому зачастую уровень революционности и перспективности технологии можно определить лишь постфактум – как и то, какое из государств сумело в большей степени воспользоваться разработкой.

Формальная единица измерения технологичности, выдвинутая Теллисом и командой RAND Corporation, – количество зарегистрированных патентов. Если судить по этому критерию, то по данным на 2012 год в Китае было зарегистрировано на 50% больше патентных заявок, чем в США. А за период с 2000 по 2012 гг. на долю китайских изобретателей пришлось почти 62% мирового роста заявок на патенты, на долю изобретателей из США – около 25%.

Если говорить о качестве лидерства, то политическая система США, как известно, особенностями своей конструкции была «застрахована» отцами-основателями от волюнтаризма, однако президентство Д. Трампа, похоже, продемонстрирует на, что обход системы сдержек и противовесов при желании все же может быть найден.

В Китае у руля стоит Коммунистическая партия. Ян Сюэтуン считает, что это обстоятельство лишает Китай возможности стать лидером: «Может ли Китай служить моделью развития для других стран? Нет. Компартия как ведущая партия в других странах – невозможно. Китай сегодня сильнее многих, но зазор между КНР и США все еще велик. Но стать лидером в глобализированном мире – это за пределами возможностей Китая»²⁷².

Однако в этом шансе китайский международник отказывает и США: «Лидером может быть только крупное государство с серьезными ресурсами. Государство-лидер способно как поддержать, так и уничтожить международный порядок. Чтобы упрочить порядок, лидер прежде всего сам должен следовать существующим установлениям, а затем уже призывать к этому остальных. Это и практикуется Китаем. А США выбирают другую тактику – поощряют тех, кто следует, и наказывают тех, кто нарушает...

---

²⁷² Лекция в МГИМО(У)...

Сегодня руководство КНР сильнее руководства США, поэтому наша страна развивается быстрее»²⁷³.

Интересно, что американские эксперты в этом вопросе солидарны с китайскими. Так, несмотря на распространенный миф о высоком уровне коррупции, дисфункциях в элитообразовании, которым способствует однопартийность, характеризуя китайское руководство, Бжезинский отмечает: «они обладают весьма острым умом, всегда готовы учиться чему-то новому и реально оценивают политическую обстановку»²⁷⁴. По другому замечанию Бжезинского, «...китайская модель не приняла еще окончательной формы...Одно из преимуществ авторитарной системы – то, что можно двигаться в головокружительном темпе»²⁷⁵. Одна только эта фраза снимает сомнения относительно того, что глобальным лидером едва ли сможет стать государство с недемократическим режимом.

Доказательством институционального изоморфизма, взятого за теоретическое допущение в данной работе, может служить и тот факт, что ни один сколько-нибудь значимый стратегический документ, выпущенный в КНР, не обходится без употребления понятия «демократия». Ясно, что содержание американского и китайского понимания дефиниции вряд ли имеют хоть какие-то пересечения (за исключением дословного перевода), все же в конце концов никто не отважится сегодня дать оценку, насколько оба варианта понимания равноудалены от идеалов демократического устройства.

Что касается управленческих технологий, то здесь китайская сторона придает стратегемам управления весьма значимый вес. Так, все тот же Ян Сюэтуан ставит во главу угла способность системы к постоянному самореформированию: «Реформы - ключевой фактор. Важно верно определять их направление, иметь способность претворять их в жизнь. Китай –

---

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Бжезинский З. Америка и мир. Беседы ... С. 138.

²⁷⁵ Там же.

единственная страна, которая в течение многих лет проводит основательные реформы во всех областях»²⁷⁶.

«Прямые» лидерства и технологий берут свои истоки в том, что у авторов «Глобального рейтинга интегральной мощи 100 стран» названо «потенциалом развития государства», наличие которых само по себе не предполагает роста мощи и не является обязательным компонентом, обеспечивающим лидерство: территория, население, природные ресурсы и культурно-религиозный фактор. Условно назовем единство этих факторов «горизонтальным плато».

Среда «горизонтального плато», питая вертикальные прямые организационного и креативного ресурсов, должна обладать определенными характеристиками: относительной плотностью и допустимой однородностью.

Выше уже было отмечено, что шестой технологический уклад и научно-технический прогресс в целом меняет смысл и назначение каждого из этих факторов: сегодня для самообеспечения сельхозпродукцией при развитии АПК на основе современных технологий и приемов хозяйствования не требуется того же объема посевных площадей, что и раньше; использование в производстве промышленных товаров автоматизированных систем высвобождает огромное количество рабочих рук, а сохраняющиеся массовые армии военными стратегами признаются атавизмами XX в. Таким образом, в каждом из четырех факторов потенциала развития необходимо учитывать не столько количественные, сколько качественные характеристики. Так, наличие территорий-анклавов, незаселенных, труднодоступных земель, неделимитированных зон, территориальных споров несомненно ослабляет «горизонтальное плато». Для Китая такими ослабляющими факторами являются статус Гонконга, Тайваня и Макао, для США – Аляска и прочее. Кроме того, именно сочетание качественных характеристик этих факторов дает представление о плотности и однородности среды. В качестве примера здесь можно привести требования отсутствия диспропорций в развитии между

---

²⁷⁶ Лекция в МГИМО(У)...

регионами внутри государства, стремящийся к единообразию технологический уклад, качество жизни и удовлетворенность условиями существования большинством населения. Все эти факторы уплотняют «горизонтальное плато». Ясно, что у США по большинству перечисленных параметров ситуация на порядки лучше, чем у Китая. Однако это не означает, в соответствии с выстраиваемой моделью, что КНР не может претендовать на статус глобального лидера. При активных целенаправленных импульсах, исходящих от вертикальных прямых, среда «горизонтального плато» имеет реальные перспективы к уплотнению.

В этой связи планы китайского руководства по достижению уровня средней зажиточности, развитие отсталых восточных регионов и т. д. уже начали давать свои плоды. Так, в рамках «Новой нормальности» – так Си Цзиньпин (вслед за бывшим генеральным директором компании по глобальным инвестициям Pimco Мохаммедом Эль-Эрианом) назвал следующую фазу социально-экономического роста Китая (хотя Эль-Эриан использовал это понятие для описания болезненного восстановления экономики в странах Запада после финансового кризиса 2008 г.) – всего за 4 года в период с 2011 по 2015 гг. создано 45 млн рабочих мест в городах.

Отдельного и детального рассмотрения в рамках «горизонтального плато» требует единство культурных, цивилизационных и религиозного факторов. Это единственный нематериальный компонент «горизонтального плато». Он способен придать специфику характеру глобального лидерства, но его особенность не играет существенной роли в том, способно ли национально-государственное образование стать глобальным лидером.

Долгое время в литературе было распространено мнение, что стремление нести миру добро и счастье посредством своего доминирования – характерная черта далеко не всех народов.

Выстраиваемая модель свидетельствует о том, что иррациональная сила «мессионизма» не идет ни в какое сравнение с однонаправленной вертикалью «управление + технологии». Кроме того, при накоплении критической массы

ресурсов, обусловленной успешным опытом претворения в жизнь собственным представлений о мире, желание поделиться, распространить свой положительный опыт появляется практически у каждого индивидуума. Это логика в отношении национально-государственного образования также представляется уместной.

Кроме того, следует отметить, что и нациоцентризм, в котором так часто упрекают Соединенные Штаты, – универсальное явление²⁷⁷. Это мировосприятие возникает в процессе осознания своего коллективного Я через первичную позицию «мы - они» и закрепляется в национальном подсознании²⁷⁸, оказывая свое влияние на процесс принятия внешнеполитического решения в определенное время.

Таким образом, уровень «горизонтального плато» представляет собой почву для формирования лидерского потенциала, но без усилий по его реализации он может оказаться невостребованным не только в целях глобального лидерства, но даже и для поддержания оптимального уровня существования сообщества. Это источник, который необходимо приводить в действие.

На уровне «горизонтального плато» должен быть достигнут общественно-политический консенсус по максимально возможному спектру вопросов, но в первую очередь – относительно перспектив развития и общего для всех «светлого будущего». Это определяет устойчивость плато. При этом совершенно не принципиально, какой именно тип политической, религиозной, бытовой и т. д. культуры сложился внутри сообщества. Важно, чтобы в рамках сообщества культивировались позитивные идентичности (их может быть множество), основанные на чувстве гордости за себя, народ и все национально-государственное образование.

Над «горизонтальным плато» в выстраиваемой модели располагается следующий, более компактный, но не менее важный уровень. В сравнении с

---

²⁷⁷ Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический проект, 2003. 624 с.

²⁷⁸ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос, 1994. №6. С. 77–94.

«Глобальным рейтингом интегральной мощи» - это то, что там названо «факторами реализации». Он состоит из вооруженных сил, финансово-экономического блока, образования, внутренней и внешней политики. Это «уровень повседневности», иными словами – основные показатели благосостояния нации. В целом процессы, происходящие при подъеме с «плато» на «повседневность», соответствуют тем, что описаны в теории функциональных пространств²⁷⁹.

Китай и США – крупнейшие экономики мира. При этом США работают на удержание лидерства, КНР – на его достижение. Китай – рекордсмен по длительности роста ВВП: с 1978 по 2011 гг., или почти 33 года, этот показатель в среднем увеличивался почти на 10% в год²⁸⁰. По паритету покупательной способности, по статистике проекта Маддисона, Китай обошел США в 2010 г., а по данным Всемирного банка в 2014 г. Китай – неоспаримый глобальный лидер по объемам торговли. А вот по показателю ВВП на душу населения Китай отстает практически безнадежно. По прогнозам, к 2030 г. Китай едва ли достигнет половины значения этого параметра у США. Причина кроется в огромной численности населения, в четыре раза превышающей население США. Но динамика экономического роста – лишь один из показателей.

О перспективах изменения соотношения мощи США и КНР, а следовательно – изменения в расстановке сил в лидерской гонке, косвенным образом можно судить именно по динамическим показателям. Так, авторы уже упоминавшегося «Глобального индекса интегральной мощи 100 стран», выводя на первые места США и ЕС, в прогнозе, основанном на динамике изменения показателей, к 2030 г. определяют рост интегрального индекса Китая на 0,23 (сейчас этот показатель – 7,32, третье место в рейтинге), а США – лишь на 0,03 (8,14 сегодня, это первое место в рейтинге). Поскольку у ЕС перспектива роста мощи радужнее, чем у

---

²⁷⁹ Кравченко И. И. Бытие политики. М., 2001. 259 с. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Kravchenko_1.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

²⁸⁰ Ху Аньган «Новая нормальность» Китая // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/number/novaya-normalnost-kitaya-17500> (дата обращения: 13.01.2025).

США, лишь на 0,01 (7,67, второе место в рейтинге), ясно, что Китай, особенно в случае внедрения и какой-либо прорывной технологии, критически сократит разрыв с лидерами.

С точки зрения модели, «уровень повседневности» формируется на основе ресурсов «горизонтального плато» посредством управленческих решений, основанных на технологиях (две направленные вверх прямые). При этом чем больше площадь, объем, плотность, разнообразие составных элементов «уровня повседневности», тем больше вероятность того, что мы имеем дело с «обществом благосостояния». И напротив, если «уровень повседневности» мал, скуден и рыхл, это означает, что потребности отдельных категорий населения, регионов, а возможно и этнических культурно-религиозных сообществ систематически не покрываются (примеры – развивающиеся страны).

И «плато», и «повседневность» подвержены динамике. Так, если горизонт «повседневности» по отдельным характеристикам превосходит «плато» (например, зрелость «общества благосостояния» сопровождается «демографической зимой» - ситуация, с которой столкнулся ЕС), то результаты своей деятельности национально-государственное образование расходует на «чужие» нужды (либо за пределами своей государственности, либо принимая инородцев у себя).

Для понимания сути глобального лидерства важно отметить, что «плато» может как совпадать, так и не совпадать с политическими границами суверенной единицы. В данном случае аналогия с зоной ответственности государства в теории безопасности вполне уместна, а в понятие политической границы следует включать не только географическую черту, но и пересечение пределов внутреннего порядка.

Высший из трех горизонтальных уровней – уровень обеспечения безопасности критической инфраструктуры, включающий разработку и имплементацию передовых военных технологий, на которую работает наука.

Эффективное национальное лидерство как энергетический поток, бьющий вверх от «горизонтального плато» к управлению критической инфраструктурой, пронизывает все три горизонтальных уровня, каждый из которых в идеале становится все более компактным с точки зрения количества задействованных людей, распространенности информации о характере и особенностях функционирования. Однако контур обратной связи, осуществляется по внешнему периметру: управленческие решения и технологические новинки – как продукты деятельности вертикали «управление + технологии» – сначала попадают на уровень критически важной инфраструктуры, и только после использования в необходимом для обеспечения безопасности качестве, «падают» на уровни «повседневности», а затем и на «плато», все более распространяясь среди широких слоев населения и все активнее теряя изначальный энергетический заряд.

Общенациональное лидерство и опора на технологичность соответствуют с позиций системного подхода функции мобилизации. Кроме того, одна из базовых характеристик модели, как и любой системы, – возвратное движение, соответствующее функции распределения.

Таким образом, управление и технологии как базовые и критически важные элементы модели глобального лидерства дают толчки для производства общественных благ на всех трех уровнях – на «плато», «повседневности» и «безопасности». Эти уровни составляют интрасоциетальный контур, гармоничное и динамичное развитие которого составляет необходимую основу для глобального лидерства.

К экстрасоциетальному окружению актора, претендующего на роль глобального лидера, следует отнести финансово-экономический уклад мировой экономики, сформировавшийся под влиянием элит отдельных государственных акторов, но постепенно обновляющихся под воздействием со стороны мировых финансовых институтов, действующих в интересах крупнейших стран-основателей, а также под воздействием отдельных влиятельных негосударственных акторов, прежде всего – ТНК. Таким

образом, первый необходимый для достижения лидерства шаг – коалиция не с государствами (спутниками, сателлитами, в рамках цивилизационных общностей и т. д.), а с представителями транснационального бизнеса и теми мировыми финансовыми институтами, реформированию которых так сопротивляется нынешний гегемон.

Также к экстрасоциетальному окружению можно отнести и так называемое мировое общественное мнение, поскольку создание привлекательного образа глобального лидера невозможно без виртуозного владения технологиями публичной дипломатии и применения мягкой силы.

Важнейшим средством, обеспечивающим функционирование политического лидерства, являются совокупные ресурсы и средства политической коммуникации. Используя различные средства и формы коммуникации, глобальные лидеры имеют возможность широко транслировать свои идеи и ценностные установки. Объем символического, цивилизационного капитала, накопленного страной-лидером за историю своего существования, в конечном итоге становится важнейшим фактором лидерских характеристик.

Подводя итоги главы, следует отметить, что сформулированное предположение относительно критически важной для глобального лидерства роли двух составляющих – эффективного национального лидерства и ориентации на передовую технологичность – полностью подтвердилось. Эти факторы можно признать основными как для внутригосударственных процессов (интрасоциетальный контур), так и для позиционирования на мировой арене (экстрасоциетальное окружение), где действия по изменению функционирования мировых финансово-экономических институтов и правил в собственную пользу, а также формирование благоприятного имиджа в глазах мировой общественности – два необходимых направления для приложения управленческо-технологических усилий актора, претендующего на глобальное лидерство.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ОБЛАСТИ СОПЕРНИЧЕСТВА МЕЖДУ США И КИТАЕМ

3.1. Противоречия в сфере торгово-экономического сотрудничества

Исследователи обращают внимание, что в различных официальных документах КНР неоднократно говорится о стремлении Китая вносить свой вклад в формирование нового политического и экономического миропорядка. Пекин призывает все миролюбивые страны и народы к совместным усилиям по установлению нового справедливого и рационального международного политического и экономического порядка, заявил, что «выступает за установление нового международного экономического порядка на основе справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, отказа от дискриминации в мировой торговле»²⁸¹.

Как отметил руководитель Института международных исследований Пекинского университета Цинху и главный редактор журнала о международной политике Ян Сюэту, «побеждают силы экономического протекционизма. США возглавили это движение, и другие страны будут вынуждены последовать за ними»²⁸². Именно Ян Сюэту, являясь ярким сторонником создания китайской школы теории международных отношений, создал один из ее базовых концептов – теорию морального реализма.

В интервью, данном журналисту газеты Коммерсантъ 17 мая 2017 г. Ян Сюэту отметил: «Времена изменились, и теперь Китай наполовину приблизился к статусу сверхдержавы».

Китайские студенты и исследователи, оказавшись в США, получали не только знания, но и приобщались к ценностям западного общества. Российский исследователь Л. Е. Гринин считает, что даже при условии, что Китай обойдет США по объему ВВП, он не сможет стать

---

²⁸¹ Свешников А. А. Внешнеполитические концепции КНР: концептуальные представления китайских специалистов международных. М., 1999. С. 51.

²⁸² Ян Сюэту: «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем». Интервью газете Коммерсантъ. 17 марта 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (дата обращения: 07.04.2025).

полноценным мировым лидером, так как многие лидерские функции США (идеологическая, военная, технологическая, инновационная, валютная и др.) Китай выполнять не сможет. Потому, что все больше его граждан считают западные ценности приоритетными, а также по ряду других обстоятельств²⁸³. Согласно этой логике, если даже часть китайских граждан ориентируются на западные ценности, особенно на либеральные американские ценности, то трудно признать китайскую модель развития лидерской.

Однако разработанная во второй главе данной работы модель глобального лидерства свидетельствует об обратном. Китай значительно динамичнее Соединенных Штатов идет по пути наращивания своей интегральной мощи. Основным препятствием его достижения до уровня глобального лидера является отнюдь не внешнеэкономическая конъюнктура (китайские инвесторы осваивают рынки Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока; китайское правительство является одним из крупнейших кредиторов западных стран, прежде всего США; юань как ни одна другая валюта близок к статусу мировой и т. д.). Серьезными пробелами с точки зрения восполнения интегральной мощи являются низкий уровень жизни большинства китайцев и диспропорции в развитии регионов. Если китайскому правительству удастся найти механизмы обеспечения «среднезажиточного» уровня потребления для большинства населения страны, чья численность неудержимо стремится к отметке в 1,5 млрд человек, а также выровнять разрывы в технологических укладах внутри страны, то задачу формирования целостной интегральной мощи следует признать решаемой.

Одной из важных базовых компонент в стремлении к глобальному лидерству, с которой КНР не может не считаться, является требования обеспечения преемственности: проще говоря, новый лидер должен обладать всеми качествами прежнего, а также дополнительными свойствами и способностями творчески подходить к постановке проблем, разрешения которых ожидали от прежнего лидера. С такой позиции аргумент Гринина о приобщении

---

²⁸³ Там же.

китайской молодежи к западным ценностям приобретает новое звучание: чем скорее Китай станет «своим» в сохраняющей западную центричность мировой политике, тем плавнее будет осуществлен переход в полицентричной (или китаецентричной) модели мира.

Кроме того, сам факт наличия системы ценностей (идеологической парадигмы, если угодно) является неотъемлемой частью базовой компоненты глобального лидерства, но ее конкретное содержательное наполнение может быть любым: даже частично или полностью заимствованным. Мало того, на этапе завоевания лидерства способность глобального лидера к демонстрации толерантного и заботливого отношения к тому образу жизни, к которому одна часть населения Земли уже привыкла, а другая часть – долго стремилась, и никто не готов отказаться от уже достигнутых благ, является залогом успеха.

Понимание этого условия, по всей видимости, и является источником того, что в своих мирополитических концепциях китайские исследователи не акцентируются на роли, к примеру, коммунистической идеологии или конфуцианского наследия (хотя и концепт «сяокан» – «малого благоденствия», «средней зажиточности» и «тянься» – «поднебесной» – произрастают именно оттуда)²⁸⁴.

Кроме того, в официальных китайских документах, равно как и в прессе, понятие «демократия» встречается едва ли не чаще, чем в американских источниках. При этом в последнее время «демократия» по-китайски все реже и реже подкрепляется определением «народная». В этой связи уместно привести рядовую выдержку из редакционной статьи китайского издания «За великой китайской стеной» «И когда мы говорим о будущем страны, все мы видим примерно одну и ту же картину: цивилизованность, демократию, сильное

---

²⁸⁴ Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007, С. 183.

правовое начало, процветание, богатство и равные возможности роста и развития для каждого человека»²⁸⁵.

Соседство с западной культурой и осознание ее достижений и их истоков побуждают получать знания в западных странах и в первую очередь в США. Но различные социальные группы Китая по-разному учились у Запада. Цинские бюрократы закупали современное вооружение и обучались пользованию им с целью удержания своей власти. Буржуазные реформаторы предполагали заимствовать у Запада конституционный строй и сохранить власть императора. Наибольших успехов «в учебе» у Запада вроде бы добился Сунь Ятсен.

Британская и американская демократии стали для Сунь Ятсена ориентиром в его реформаторских планах. Но его попытка установить буржуазную республику была сорвана компрадорскими кругами и начавшейся гражданской войной и японской оккупацией. Тем не менее, идея революции по-прежнему волновала круги китайских интеллектуалов²⁸⁶, она подпитывалась традиционными китайскими социальными утопиями и трактатами древних философов.

Современная «китайская мечта» даже по названию имеет много общего с «американской мечтой»²⁸⁷. Но в сравнении с разочарованием западного человека в духе «реквиема по мечте», еще не реализованная «китайская мечта» может выглядеть более притягательной как любое «место, которого нет».

И все же, как отмечает главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Я. М. Бергер, «возникает сомнение: не означает ли переход руководящей роли от одной сверхдержавы к другой простую смену полюсов в прежней парадигме однополярного мира? Не противоречит ли такой подход

---

²⁸⁵ «Китайская мечта» - сплочение китайского народа и общих интересов «中国梦»凝聚中国人共同利益和// За великой китайской стеной [Электронный ресурс]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2013-03/3740715.html> (дата обращения 05.03.2025).

²⁸⁶ Борох О. Н. «Высокие идеи» и «заветные мечты» 1933 года: будущее Китая в представлениях интеллектуалов // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Ч. I. С. 145.

²⁸⁷ Sheng D. Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: a new look at China's rise to the status quo power, Journal of Contemporary China, 2010.

утверждениям о тенденции к возрастающей многополярности? Как избежать обострения противоречий, которые неизбежно будут сопровождать становление нового мирового лидера? Наконец, в какой мере сам Китай готов к такой роли?»²⁸⁸.

Китай готов содействовать устойчивому развитию двусторонних отношений, а также работать с новой администрацией США, чтобы следовать «Пяти принципам мирного сосуществования», управлять и контролировать расхождения в конструктивном ключе. Пекин не намерен конфликтовать с крупнейшей в мире военной державой.

Начать построение модели лидерства необходимо с фиксации ее сущностных черт. При этом все факторы могут быть сгруппированы сразу по нескольким группам критериев. Так, представляется целесообразным выделить факторы, наличие которых способствует осознанию возможности притязания на лидерство, а также факторов, работающих на удержание лидерских позиций.

Такое предварительное принципиальное различение необходимо, поскольку мы имеем дело с двумя принципиально различными ситуациями. В первом случае – США де-факто продолжают лидировать в мировых делах. В ходе Второй мировой войны им удалось не только через участие в антигитлеровской коалиции оказаться в стане победителей, но и существенно упрочить свои финансово-экономические позиции – особенно на фоне лежавшей в руинах Европы. США вышли победителями из холодной войны. Третьи по численности населения и четвертые по площади, лидер по подавляющему большинству экономических показателей, обладатель одного из самых мощных ядерных потенциалов, постоянный член Совета безопасности ООН, ведущее государство самого крупного военно-политического альянса современности, США являются создателями массовой, распространенной по всему миру, самой узнаваемой культуры. США являются также создателями большинства международных ограничительных режимов и

---

²⁸⁸ Бергер Я. М. Стремление Китая к мировому ...

мировых финансовых институтов. Их позиция по большинству вопросов международной повестки дня остается главным внешним мерилom в принятии решений как государственными, так и негосударственными акторами).

Во втором случае – Китай как самое динамично развивающееся государство современности, первое по численности населения и третье по площади, ведущая ядерная держава, постоянный член Совета безопасности ООН. Но именно показатели КНР в области развития экономики (по суммарному платежеспособному спросу, по внешнеторговому обороту и даже позиции на мировом рынке высоких технологий) в последние годы становятся основанием для оценок Китая как претендента на мировое лидерство. Даже при таком беглом обзоре видно, что в отличие от США, Китай не возглавляет ни военно-политический, ни какой-либо другой союз государств, а история и культура страны настолько специфична, что, по мнению скептически настроенных в отношении глобального лидерства КНР экспертов, вряд ли когда-нибудь станет общепризнанным эталоном.

Итак, основная задача США – сохранение своего первенства, что позволит упрочить статус-кво и закрепить лидерские позиции, всячески ослабляя и дискредитируя конкурентов. Основная задача КНР – не лидерство как таковое, а изменение прежних «правил игры», т.е. создание более благоприятных внешнеэкономических и политических условий для собственного развития, а также сопротивление давлению ведущей державы.

Реализацию столь различных задач нельзя не учитывать при создании моделей глобального лидерства: уже на первом этапе ясно, что американская модель оказывается более статичной, охранительной и устойчивой, китайская – динамичной, гибкой и сопряженной с большим числом рисков на пути движения к конечной цели. Кроме того, факторный анализ не может быть полным, если не провести раздел между внутренними (экономические показатели, военно-технический потенциал, устойчивость политического режима и т. д.) и внешними факторами, или факторами среды (макроэкономическая конфигурация, этап развития системы международных

отношений, наличие/отсутствие иных претендентов на лидерство, состояние нынешнего гегемона и т. д.).

Отношения между США и Китаем в сфере торгово-экономических отношений в последние десятилетия постепенно обострялись. Это было вызвано рядом фундаментальных причин, которые не получали свое разрешения. Одна из них связана с кризисом либеральной модели экономики.

Прежде всего, следует отметить, что в экономическом плане либеральная модель сохраняла свои базовые принципы. Менялись ведущие центры силы внутри модели. Но при этом сама модель, в основе которой находился принцип использования ресурсов других государств, продолжала функционировать. Данная ситуация периодически изменялась, поскольку противоречия внутри западных государств разрешались через военные конфликты в пользу наиболее мощных участников. Однако в последние десятилетия данный принцип разрешения противоречий вступил в период кризиса, не обеспечивая разрешение накопившихся проблем²⁸⁹.

В последние десятилетия мировая экономика базировалась на тех же принципах, которые использовались и столетия назад. Активное использование природных и людских ресурсов создавало условия для поддержания собственного экономического роста. Отличительной особенностью нынешней ситуации в мировой экономике является нарастание противоречий между промышленно-развитыми государствами и другими, незападными странами. В частности, усиление противоречий между США и Китаем, которые стремятся усилить свои позиции в мировой политике и экономике и в то же время, сильно зависит от американской экономической политики.

Китай вынужден учитывать сложившийся в последнее десятилетие уровень торговых отношений с США, операции с которыми китайская сторона осуществляет в долларах. В 2024 году двусторонний товарооборот между странами составил 688 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2023 годом

---

²⁸⁹ Кризисная геополитика и Россия / отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Дашков и К⁰, 2025. 384 с.

на 3,7%. В то же время доля юаня в международных расчетах за десятилетие практически не изменилась и не превышает 5%. При этом в долларах осуществляется почти 50% всех расчетов мировой торговли, что сохраняет за американской валютой ведущие позиции. Резкое изменение курса доллара или уменьшение его доли в мировой торговле ударит по экспорту Китая и его валютным резервам. В итоге, политика Китая предполагает постепенное замещение доллара, но никак не отказ от долларовой системы.

Китайская сторона жестко привязана к доллару и в других сферах. В структуре валютных резервов Китая доминируют доллар – 60% и евро – 25%. На юань приходится лишь 5%. Также Китай держит американские казначейские облигации в объеме 750 млрд долл., уступая по этому показателю лишь Японии. Отказ от доллара спровоцирует обрушение рынка и ударит по китайской экономике.

Подобная зависимость Китая от доллара ограничивает возможности стран БРИКС+ в сжатые сроки отказаться от доллара. В ближайшие годы юань, по всей видимости, останется региональной валютой и будет расширять свое влияние в рамках БРИКС+, в частности, в российско-китайских отношениях. В расчетах с Россией доля китайской национальной валюты уже достигла 30% и можно ожидать дальнейшего увеличения в расчетах доли юаня. Это связано с возрастающими объемами торговли нефтью и газом в российско-китайских отношениях.

Китай предпринимает усилия для расширения применения юаня в расчетах за природные ресурсы. Так, сложилась практика использования юаня в торговле нефтью с Саудовской Аравией. Однако доля расчетов в последнее время стабилизировалась на уровне 6%. Наконец, стоит отметить, что в резервах МВФ доля юаня также невысока и составляет 3%. Подобный невысокий показатель снижает привлекательность китайской валюты.

В 2015 году Китай создал международную систему передачи финансовых сообщений и платежей (СИПС) для расширения использования юаня в мировой торговле. Однако она значительно уступает СВИФТ. Оборот

в рамках китайской системы составляет порядка 20 трлн долларов, в то время как в рамках СВИФТ 150 трлн долларов. Соответственно китайская система не может рассматриваться в качестве альтернативы платежной системы на основе доллара.

Интернационализация юаня при текущем подходе китайского руководства на сохранение «любым путем» экономической стабильности может растянуться на десятилетия, поскольку потребует проведения глубоких реформ по снижению контроля над движением капитала внутри страны, притоком и оттоком иностранных денег и либерализации обменного курса. В данном вопросе Пекин проводит осторожную политику, сделав ставку на расширение трансграничных расчетов с азиатскими партнерами. Доля расчетов с ними в юане возросла до 50%.

Превращению юаня в мировую резервную валюту препятствует нарастание проблем в китайской экономике и ослабление позиции юаня, что отражается в росте дефицита бюджета КНР. В 2025 году он превысит 8,8% ВВП (в 2024 году – 6,5%). Это, в свою очередь спровоцирует стремительное увеличение государственного долга, прогнозируемого по итогам 2025 года на уровне 65% ВВП (в 2023 году – 55%, в 2024 году – 60,5%), а с учетом задолженностей муниципалитетов и провинций – 125% ВВП. При этом общий объем долгов китайских муниципалитетов в последние годы рос быстрыми темпами. К началу 2025 года они увеличились на 13,8% ВВП и достигли 13,6 триллиона долларов. Основной причиной высокой закредитованности муниципалитетов и провинций послужил выпуск местными властями облигаций для реализации инфраструктурных проектов и поддержки строительной отрасли. Переоценка возможностей населения приобретать жилье резко увеличило задолженность. В 2025–2026 годах задолженности муниципалитетов и провинций может достичь 84% ВВП, тем самым, увеличив общий размер государственного долга. Ухудшение макроэкономических данных привело к уменьшению доли юаня в мировых валютных резервах в 2024 году до 2%, что является самым низким показателем с 2021 года.

Таким образом, обсуждаемые в рамках БРИКС+ идеи о дедолларизации мировой экономики не находят практического воплощения в политике ключевых российских партнеров. В ближайшие годы Китай сохранит расчеты в долларах при совершении торговых операций. Доля юаня в мировых торговых операциях сохранится на нынешнем уровне. Соответственно, обсуждение в рамках БРИКС+ идеи дедолларизации мировой экономики не получит практического воплощения и останется перспективной политической задачей.

Подобные проблемы формирования альтернативных путей развития мировой экономики происходят на фоне экономической войны, которая развернулась в последние годы. Конфликт на Украине, санкционная политика Запада в отношении России, усиление противоречий между Китаем и Западом можно рассматривать в качестве составных элементов глобального соперничества.

В первый срок нахождения у власти Д. Трамп пытался оказать давление на Китай. Ограничительные меры в отношении Китая в сфере экономики были направлены на оказание давления на китайскую сторону, побуждая ее следовать в курсе политических и экономических интересов США. Промежуточные договоренности между США и Китаем, достигнутые в 2020 году позволили снизить публичный накал противоречий, однако не устранили их полностью. Слишком значительными были расхождения между двумя странами.

В 2025 году США вновь инициировали процесс усиления давления на Китай, рассчитывая усилить свои позиции в мировой политике и экономике. Американский президент Д. Трамп в апреле того же года ввел пошлины в отношении многих стран мира. Американская сторона посчитала, что действия торговых партнеров несправедливы и стали вводить защитные меры. Наибольшие по размеру пошлины были введены в отношении китайских товаров.

Подобный сценарий развития мировой торговли создает для нее значительные риски. «Тарифное противостояние между крупнейшими экономиками мира провоцирует новую фазу фрагментации мировой торговли. По мере усиления протекционизма это ведет к снижению глобального спроса, особенно на сырьевые товары»²⁹⁰.

Политика США, которые усилили защиту своей экономики, открыла новый этап развития мировой торговли. Неолиберальная доктрина, которая доминировала долгие годы и служила образцом для многих государств, показала свою несостоятельность. Открытые рынки и свобода торговли больше не отвечают интересам США, которые имеют торговый дефицит почти в 1 трлн долларов. Основное внимание американских властей направлено на Китай, который несколько десятилетий получил преимущества в торговле с США. В результате, появился мощный конкурент, с которым Д. Трамп намерен вести борьбу. Пока речь идет только о торговом конфликте, который развивается стремительными темпами. Однако в перспективе США и Китай могут расширить борьбу в других сферах двусторонних отношений.

3.2. Роль редкоземельных металлов в политике США и Китая

Еще одной необходимой теоретической посылкой является дифференциация факторов с точки зрения их объективной и субъективной природы (другой вариант названия дихотомии – рациональные и иррациональные факторы). К первым могут быть отнесены исчисляемые показатели внутренних и внешних факторов этапов и удержания, и притязания. В отношении субъективных факторов ситуация обстоит сложнее: их следует принять, по-видимому, за условно исчисляемые. Однако исключить их из процесса моделирования не представляется возможным ввиду их принципиальной значимости: сюда входят как минимум осознание самим субъектом лидерства своих лидерских возможностей и мотивов, а также

---

²⁹⁰ Клышко Р. Весна нестабильности // Коммерсант Деньги. 24.04.2025. № 10. С. 7.

признание со стороны других участников мировой политики права на лидерство (формально закрепленного или фактического) и готовность следовать за лидером, тем самым не просто соглашаясь, но и способствуя реализации его (лидера) представлений о мироустройстве.

Однако такое разведение материальных и нематериальных факторов в практике глобального моделирования оказывается весьма условным, поскольку большинство выделяемых параметров оказываются результатом их более-менее оптимального сочетания. К примеру, инициативы по корректировке ресурсного квотирования или валютного регулирования, не подкрепленные собственным экономическим потенциалом, могут привести к фиаско. Другой пример – создание технологических новинок, которое, как правило, требует не только усилий и знаний высококвалифицированных специалистов, но и соответствующей материально-технической базы.

Кроме того, одним из наиболее значимых факторов лидерства следует признать желание установления соответствия экономической и военной мощи и политической роли в мировых делах. Таким образом, формула «экономический гигант/политический карлик» – один из важнейших признаков наметившегося осознания претензий на лидерство в самой обозримой перспективе. В данном контексте лидерство следует рассмотреть как потребность – как осознанную необходимость изменения правил и установлений международной среды, «подстраивания» их под нужды развития внутренних сил и средств, приведение в соответствие с интересами развития. То есть целью как завоевания, так и удержания лидерства является либо изменение (в ситуации стремления к лидерству), либо закрепление (в отдельных случаях – контроль над изменениями) правил и норм международной жизни, наиболее благоприятствующих развитию национальной мощи.

Очевидно, что глобальное лидерство неразрывно связано с огромным количеством факторов, касающихся практически всего разнообразия сфер его деятельности. Однако избыточное число переменных может оказаться

пагубным для построения модели: ее громоздкость сделает ее неоперациональной и непригодной для верификации и фальсификации. Это наводит на мысль о необходимости поиска в теории международных отношений интегральных понятий, которые охватывали бы максимально полный спектр показателей, содержание которых имеет отношение к моделированию лидерства.

Долгое время таким универсальным показателем считались ВВП и ВНП²⁹¹, однако сегодня доказано, что этот валовый продукт не столько характеризует экономическую сторону жизни государства, сколько фиксирует скорость оборота денежных средств в национальной экономике, не касается качественных сторон ее роста и уровня жизни людей, несмотря на то, что рассчитывается на душу населения. И дело даже не в том, что Кан и Винер ошиблись в расчетах (в 1960-е гг. они определили, что Китаю как доиндустриальной стране с ВНП до 200 долл. на душу населения понадобится 101 год, чтобы догнать США как лидера постиндустриальной группы государств с ВНП более 4 тыс. долл.). Дело в самом принципе расчета ВНП, фиксирующего не качество, а уровень разогрева экономики.

Показатель ВНП для решения задачи создания модели глобального лидерства нельзя принять удовлетворительным еще и потому, что сугубо экономический показатель, который в должной степени не учитывает военные, политические, социальные, управленческие составляющие. Кроме того, если «национальный продукт» можно было принять за небезупречный, но все же – в течение долгого времени за неимением лучшего – универсальный критерий оценки динамики развития индустриальной экономики, то для постиндустриальных обществ, которые, кроме всего прочего, ориентированы и на устойчивое развитие, критерий явно устарел.

Хотя следует иметь в виду, что если целью достижения лидерства является переформулирование правил мирового порядка (и сама заявка на

---

²⁹¹ Кан Г., Винер А. Год 2000 // Бестужев-Лада И. В., Кузин В. В., Корниш Э. [и др.] Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики. М.: Эксмо, 2003. 512 с.

лидерство исходит, прежде всего, из понимания финансово-экономических нужд), глобальный лидер все же должен обладать широчайшим спектром характеристик, максимально приближенных к предельным показателям, либо просто находиться в серьезном отрыве от ближайших конкурентов. При этом сами процедуры моделирования требуют, что факторы были бы принципиально измеримы, операциональны и давали бы значимый результат при введении новых значений и корреляций.

Вероятно, в социальных науках трудно найти более подходящее для построения модели глобального лидерства понятие, чем дефиниция мощи как интегрального фактора. Во-первых, потому, что речь здесь идет не о всяком акторе международных отношений, а именно о государстве и его мощи. А во-вторых, потому, что, несмотря на мнение Ганса Моргентау о том, что «рациональная калькуляция относительной силы нескольких наций, которые составляют живую ткань баланса сил, становится рядом предположений, правильность которых можно оценить лишь в ретроспективе»²⁹², т.е. скалькулировать силу и мощь невозможно, современные исследователи не оставляют попыток создания формул для количественного анализа мощи.

В рамках данного исследования задача выявления наиболее адекватной формулы оценки государственной мощи не ставится: варианты таких оценок следует рассмотреть лишь на предмет перечня факторов, необходимых и достаточных для обоснования стремления к лидерству и его удержанию.

В последние годы, в связи с изменениями в технологическом развитии, у стран Запада возрос интерес к месторождениям редкоземельных металлов, роль которых стремительно возросла особенно в условиях обострившейся конкуренции за технологическое лидерство. Наиболее острое соперничество развернулось в последние годы между США и Китаем, которые стремятся установить контроль за разведанными и перспективными месторождениями редкоземельных металлов в разных странах мира.

---

²⁹² Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace, Fifth Edition, Revised. New York: Knopf, 1978. P. 4.

Следует отметить, что Китай стал заранее уделять внимание месторождениям редкоземельных металлов, проводит политику, направленную на получение доступа к этому виду сырья в различных регионах. Китайская политика дала свои результаты, поскольку в последние годы Пекин контролирует порядка 90% добычи и производства редкоземельных металлов.

Китай критикуют за политику монополизации «в сфере редкоземельной промышленности и постепенного сокращения экспортных квот на эти ресурсы»²⁹³. США также уделяют повышенное внимание месторождениям редкоземельных металлов, поскольку от них зависит технологический прорыв и внедрение «зеленых» технологий, а также производство «гибридных автомобилей, энергии ветра, энергосберегающих лампочек, биотоплива и т. д.»²⁹⁴.

Острое соперничество между Китаем и США в отношении этого стратегически важного ресурса, к которому относятся редкоземельные металлы, стало инструментом влияния на политику других государств: «В последние 10–12 лет рынок редкоземельных минералов и химических продуктов на их основе контролируется Китаем. Производство в США в последние годы значительно снизилось. В итоге, за Китаем сохраняются позиции основного поставщика редкоземельных минералов на мировом рынке (около 95%). Фактически Китай монополизировал рынок, ведя жесткую маркетинговую политику»²⁹⁵. В результате «Китай полностью контролирует горнодобывающую деятельность, технологии обогащения и металлургию, а также конечные продукты из редкоземельных металлов, что приводит как к Европе, так и к США в полной промышленной зависимости»²⁹⁶.

---

²⁹³ Hurs C. China's Rare Earth Elements Industry: What Can the West Learn? 2010, March. Institute for the Analysis of Global Security (IAGS). 2010. 44 p.

²⁹⁴ Eriksson T., Olsson D. The Product Chains of Rare Earth Elements Department of Energy and Environment. Sweden: Chalmers University of Technology. 2011. 66 p.

²⁹⁵ Твердов А., Жура А. Обзор рынка редкоземельных металлов // Глобус. 2013. № 1. С. 16–19.

²⁹⁶ Charalampides G., Vatalis K. I., Apostoplos B., Ploutarch-Nikolas B. Rare Earth Elements: Industrial Applications and Economic Dependency of Europe // Procedia Economics and Finance. 2015. P. 126–135.

Политика США в сфере доступа и контроля над редкоземельными металлами в разных регионах мира отражает геополитическое обострение в мировой политике и мировой экономике в последние годы. Столкновение экономических интересов США и Китая привело к применению односторонних мер в отношении друг друга. Возросшая зависимость США от поставок редкоземельных металлов из Китая побуждает США действовать более агрессивно.

В США недовольны сложившейся ситуацией, поскольку Китай приобрел лицензии на многие месторождения редкоземельных металлов. Помимо этого, китайская сторона уже применяет ограничения в поставках редкоземельных металлов в США, таким образом, пытаясь воздействовать на американскую политику.

США уделяют редкоземельным металлам повышенное внимание, разрабатывая в последние годы различные документы, призванные усилить американские позиции. Инициатива США «Партнерство по безопасности минеральных ресурсов» от 2022 г. была призвана прежде всего гарантировать стабильные поставки ключевых полезных ископаемых, в том числе и редкоземельных металлов. «Цель партнерства – обеспечение того, чтобы важнейшие ископаемые производились, обрабатывались и перерабатывались так, чтобы страны могли в полной мере получать экономическую выгоду от своей геологической деятельности»²⁹⁷.

В 2023 году американская сторона усилила интерес к редкоземельным металлам. В марте 2023 года «президент Байден и президент Европейской комиссии фон дер Ляйен объявили, что Соединенные Штаты и Европейский Союз (ЕС) стремятся «немедленно начать переговоры по целенаправленным критическим вопросам», связанным с соглашением о полезных

---

²⁹⁷ США и союзники договорились о партнерстве в сфере добычи полезных ископаемых. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1014835-iskopaemye-ssha-partnyorstvo> (дата обращения: 13.01.2025)/

ископаемых»²⁹⁸. Подобные шаги США были направлены на то, чтобы усилить свою политику в области редкоземельных металлов, решая долгосрочные задачи, связанные с доступом и контролем над ними.

Интересы США и Китая в этой сфере пересекаются в Центральной Азии. В этом регионе находятся месторождения редкоземельных металлов, вокруг которых сталкиваются интересы двух государств. В качестве перспективного государства выступает Казахстан. В 2022 г. США провели первое заседание Рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству в сфере редкоземельных металлов. Уже в 2023 г. США подписали с Казахстаном меморандум, в котором было зафиксировано, что «стороны обсудили вопросы развития долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере геологического изучения недр»²⁹⁹.

Для продвижения своих интересов США активно использовали различные инструменты. Политические контакты на двустороннем уровне дополнило многостороннее сотрудничество с центральноазиатскими государствами. Уже в 2024 г. США предложили инициативу «Диалог по важнейшим полезным ископаемым». Формат «С5 + США» предполагал выработку общих подходов, способствующих, в конечном итоге, продвижению американских компаний в Центральной Азии и получение ими доступа к месторождениям редкоземельных металлов.

Таким образом, можно сделать вывод, что заинтересованность в доступе к месторождениям редкоземельных металлов возросла в условиях нарастания экономических противоречий. Китай и США столкнулись с вызовами, которые требуют принципиально новых подходов не только и не столько в политике, сколько в экономической сфере и области технологий. Применение редкоземельных металлов открывает новые возможности перед странами в

---

²⁹⁸ Akhtar Sh. I., Schwarzenberg A. B. Critical Minerals: A U.S.-EU Free Trade Agreement? April 14 2023. Washington. Congressional Research Service. 2023. 3 p.

²⁹⁹ Макаров А. Республика Казахстан и США подписали меморандум в области изучения недр. URL: <https://bizmedia.kz/2023-03-01-v-oblasti-geologicheskogo-izucheniya-nedr-ssha-i-kazahstan-podpisali-memorandum/> (дата обращения: 21.03.2025).

производстве военной техники и разработке новых технологий. С решением данных вопросов Китай и США в значительной степени связывают перспективы своего лидерства. Пока, в условиях сохраняющегося экономического и технологического паритета, Китай и США стремятся создать для себя дополнительные преимущества, которые выведут их лидеры мировой политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование стратегий лидерства ведущих государств мира – США и Китая – позволяет сделать следующие выводы.

1. Современная мировая политика находится в стадии кардинальной трансформации. Нормой стало применение односторонних действий со стороны западных государств, которые не намерены уступать лидирующих позиций в мировой экономике и политике. Глобальные изменения связаны с кризисом либеральной модели. Глобальные институты управления фактически встали на позиции Запада, обслуживая их интересы. В практику вошло принятие односторонних политических решений, в обход международных институтов и в нарушение норм международного права. В области экономики получили распространение санкционные меры, которые отражают кризис существующей экономической модели. Подобные трансформации привели к нарастанию нестабильности системы международных отношений, спровоцировали ее неустойчивость и непредсказуемость развития. Распространение получили тактические альянсы, которые формируются вокруг наиболее мощных центров влияния. В результате, это привело к обострению глобальной конкуренции между США и Китаем, которые в значительной мере определяют развитие современных мирополитических процессов. Процессы глобализации, относительное падение роли традиционных политических субъектов в международных отношениях в сравнении с возрастающей активностью внесистемных акторов сопровождаются нарастанием стихийных процессов и ростом непредсказуемости мировых процессов. В этой связи именно от государств-лидеров и их сотрудничества между собой зависит устойчивость и векторы развития человеческой цивилизации.

2. Современная внешняя политика США и Китая, направленные на сохранение лидирующих позиций в мире, сформировалась на основе различных концептуальных подходов. В основе мировоззрения американской

элиты лежит идея американской исключительности, которая подкрепляется на протяжении длительного времени в разных заявлениях представителей правящего класса. До последнего времени политика США опиралась на экономическое доминирование, что давало возможности оказывать решающее влияние на мирополитические процессы. В свою очередь, Китай реализовывал свою стратегию, направленную на усиление своего влияния, постепенно. Политика Китая основывается на поэтапном укреплении своих позиций в мировой политике, с использованием экономических механизмов. В отличие от США, которые исторически использовали различные страны в собственных интересах, Китай формирует китаецентричную модель международных отношений поэтапно, подстраивая ее под меняющуюся действительность. Проанализированные теоретические концепции лидерства следует разделить на две категории: изучающие национальное лидерство (этот объект исследования более традиционен, изучается в рамках политической науки, касается внутривнутриполитических процессов) и разрабатывающие проблемы наднационального лидерства (несмотря на проработанные в теории международных отношений концепты «сверхдержавы», «гегемона» и т. д., феномен глобального лидерства остается мало изученным; касается мирополитических, глобальных процессов). Исследование показало прямую зависимость между характеристиками внутривнутриполитического (национального) лидерства и международного (глобального) лидерства: слабое и неэффективное внутривнутриполитическое лидерство несовместимо с глобальным лидерским статусом. Однако детальный анализ данной взаимосвязи требует отдельного исследования. В частности, заслуживает рассмотрения вопрос о том, что управленческие политические режимы, называемые в западной литературе «недемократическими» являются более эффективными с точки зрения мобилизации нации и активного роста показателей ее развития.

3. Особенностью современной внешней политики США является стремление решать собственные внутривнутриполитические и экономические проблемы за счет других государств. В этом вопросе американская политика

опирается на значительный теоретический багаж, который накоплен в течение нескольких столетий. США, выстраивая американоцентричную модель международных отношений, задействует широкий арсенал средств давления на другие государства, включая ближайших партнеров. Наряду с политическим давлением и санкционными мерами, американская политика использует односторонние действия и силовой компонент, значение которого многократно возросло. Общей универсальной характеристикой и глобального, и национального лидерства является их характеристика как социального явления, описывающего характер взаимоотношений на разных уровнях и между различными субъектами: на международном и национальном соответственно. Оставляя в стороне разбор многообразия субъектов внутриполитической жизни, необходимо отметить, что, имея в виду государства как основных акторов международных отношений, следует признать целесообразным употребление понятия «международное лидерство», в то время как рассмотрение государства в качестве одного из акторов мировой политики, многообразие и степень влияния которых продолжают расти, соответствует понятию «глобальное лидерство. Таким образом, глобальное лидерство – это социальное явление, характеризующее иерархические отношения между не только государственными, но и негосударственными акторами. Это не означает, что в ближайшей исторической перспективе позиции лидеров могут занять НГА (хотя наиболее мощные из них – ТНК – уже сегодня развиваются по модели социально ориентированных институтов). Речь идет о том, что осуществление глобального лидерства требует оказания влияния не только государственные структуры и межгосударственные отношения, но и на всех участников всех уровней (начиная с индивидуального) социальной жизни.

4. В борьбе за лидирующие позиции в мировой политике и экономике, Китай опирается на концептуальные основы. Особое место в китайской теории отношений занимают взгляды, согласно которым отвергается западный индивидуализм, делая акцент на межсубъектных связях в мировой политике.

Соответственно, международные отношения представляют собой сеть взаимодействий, где статус акторов определяется их позицией в системе связей. В этой системе государства являются не более чем одним из акторов. Теория направлена скорее на то, чтобы показать, что статус государства формируется не «сам по себе», а через отношения с другими. В отличие от западных теорий международных отношений, в которых внимание акцентируется на институтах и взаимодействиях, китайские исследователи часто строят модель международных отношений на основе рациональных индивидуальных акторов, а также на процессе, практике, изменчивости и взаимозависимости, а не просто на институциональных взаимодействиях. В практическом плане Китай проводит политику, которая базируется на экономическом развитии, которое рассматривается в качестве основы для занятия в перспективе лидирующих позиций в мировой политике. Глобальное лидерство не является исключительно политическим феноменом: финансово-экономические, геополитические, культурно-цивилизационные, технологические компоненты представляются настолько значимыми (возможно, даже более важными, чем для национального лидерства), что вычленение исключительно политической составляющей ведет к значительному искажению смысла. Борьба за глобальное лидерство – всемирное соревнование между национальными элитами, осуществляемое при поддержке со стороны транснациональных корпораций (в перспективе – возможна значимая поддержка со стороны иных негосударственных акторов). Таким образом, принципиальное различие международного и глобального лидерства кроется в характере системы поддержки: в первом случае – это союзничество, всевозможные коалиции с региональными державами и малыми государствами, во втором – привлечение и поиск совпадения интересов с наиболее влиятельными как государственными, так и негосударственными акторами (прежде всего с теми, кто формирует финансово-экономические и политические структуры современного мира либо теми, кто заинтересован в их трансформации/сломе). В отличие от

гегемонизма и господства, где доминирование зачастую осуществляется репрессивными мерами, а стоящий во главе системы субъект стремится к закреплению своего положения практически любой ценой, что в итоге приводит либо к статическому развитию, либо к стагнации системы, лидерство характеризуется большей динамичностью и гибкостью в отношениях между лидером и остальными.

5. В разработке и реализации внешнеполитического курса, направленного на получение стратегических преимуществ Китай и США конкурируют по ряду ключевых положений. Соперничество затрагивает сферу торгово-экономических отношений, где Вашингтон и Пекин занимают противоположные позиции. США продвигают курс на сохранение лидирующих позиций в мировой экономике, прежде всего, за счет односторонних уступок со стороны своих торговых партнеров. Китай реализует курс, который предполагает сохранение имеющихся позиций. Политика Китая не предполагает односторонних уступок, рассчитывая, что поступательное экономическое развитие позволит в перспективе занять лидирующие позиции в мировой политике. Другим направлением, где сталкиваются интересы Китая и США, является сфера редкоземельных металлов. Американская сторона обеспокоена сохраняющейся зависимостью от Китая, на который приходится подавляющая часть добычи и переработки редкоземельных металлов. В последние годы между странами развернулась острая борьба, поскольку лидирующие позиции в контроле над месторождениями редкоземельных металлов и их переработкой обеспечит стратегическое преимущество в технологической сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы и источники

1. Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 31 марта 2023 г. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

2. Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. – URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

3. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию : утверждена Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. N 259). – URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

4. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН 28 сентября 2015 г. – URL: <http://am.chineseembassy.org/rus/zgxw/t1320114.htm> (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.

5. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на Глобальном саммите женщин 27 сентября 2015 г. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320668.htm> (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.

6. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по миротворчеству 28 сентября 2015 г. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320670.htm> (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.

7. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по развитию 26 сентября 2015 г. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320665.htm> (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.

8. Congressional Record, 80-th Congress. Vol. 2. – N. Y., 1948.

9. China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. – URL: http://www.chinadailyasia.com/chinafocus/2017-01/11/content_15555498_7.html (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

10. China's Space Activities. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Documenthtm/1537024/1537024> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

11. The Right to Development: China's Philosophy, Practice and Contribution. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/34120/Document/1534705/1534705.htm> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

12. China's Nuclear Emergency Preparedness. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/34120/Document/1466529/1466529.htm> (дата обращения: 21.02.2025). – Текст : электронный.

13. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // Официальный сайт Белого дома. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 13.01.2025). – Текст : электронный.

14. National Security Strategy of the United States of America. February 2015. – URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 13.01.2025). – Текст : электронный.

15. National Security Strategy 2010. – URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/> (дата обращения: 02.02.2025). – Текст : электронный.

16. A National Security Strategy for a Global Age. – URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2001.pdf> (дата обращения: 02.02.2025). – Текст : электронный.

17. Устав Коммунистической партии Китая : принят с частичными поправками XVII Всекитайским съездом КПК 21 октября 2007 года. – URL: http://russian.news.cn/dossiers/2007-10/25/c_131871341.htm (дата обращения: 08.03.2025). – Текст : электронный.

18. Синхайская революция. 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов / под ред. С. Л. Тихвинского. – М., 1968. – 349 с.
19. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая : пер. с кит. / Дэн Сяопин. – М.: Политиздат, 1988. – 259 с.
20. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т 2, 3 : пер. с кит. / Мао Цзэ-дун. – М., 1953.
21. Сунь Ятсен. Избранные произведения / Сунь Ятсен. – М., 1985. – 759 с.
22. The World after Crisis. Global Tendencies – 2025: Changing World. Report of the USA National Intelligence Council. 2008. Council on Foreign Relations. – URL: <http://www.cfr.org/world/global-trends-2025-transformed-world---national-intelligence-councils-2025-project/p17826> (дата обращения: 15.03.2025). – Текст : электронный.
23. «Китайская мечта» – сплочение китайского народа и общих интересов = «中国梦»凝聚中国人共同利益和. – Текст : электронный // За великой китайской стеной. – URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2013-03/3740715.html>(дата обращения: 05.03.2025).
24. Лавров, С. В. Внешние источники модернизации / С. В. Лавров // Стратегия России. – 2010. – № 10. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?archive=1288343724&id=1288342883&start_from=&subaction=showfull&ucat=14 (дата обращения: 12.09.2024). – Текст : электронный.
25. Материалы Российско-американского семинара учителей истории / Ассоциация преподавателей истории. РАО.
26. Обзор ядерной политики. Февраль 2018. – Текст : электронный // Официальный сайт Министерства обороны США. – URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.PDF> (дата обращения: 14.03.2024).
27. Программные документы борьбы за мир демократию и социализм. – М., 1961.

Монографии и статьи на русском языке

28. XXI век: Перекрестки мировой политики / отв. ред. М. А. Неймарк. – М., Канон+. 2014. 424 с.
29. Агеев, А. Д. Сибирь и американский Запад: движение «фронтиров» / А. Д. Агеев. – М., Аспект Пресс. 2005. 330 с.
30. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах. Том 3. – М. : Научная книга, 2002. 463 с.
31. Александренко, В. Н. Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро / В. Н. Александренко // Журнал министерств юстиции. – 1903. – № 4. – С. 134–148.
32. Алексеева, Т. А. «Культурный поворот» в теории международных отношений / Т. А. Алексеева // Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). – М. : МГИМО (У), 2015. С. 562–575.
33. Арбатов, А. Угрозы реальные и мнимые: военная сила в мировой политике начала XXI века / А. Арбатов. – Текст : электронный // Россия в глобальной политике. – URL:<http://carnegie.ru/publications/?fa=51160> (дата обращения: 26.04.2025).
34. Асташин, В.В. Проблема глобального лидерства в современных международных отношениях / В. В. Асташин. – Текст : электронный // Вестник ВолГУ. Сер. 4. Международные отношения. – 2005. – Вып. 10, № 10. – С. 101–107. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-globalnogo-liderstva-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 26.04.2025).
35. Арбатова, Н. К. Европейский Союз и региональные конфликты / Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. 143 с.
36. Асташин, В. В. Проблема глобального лидерства в современных международных отношениях / В. В. Асташин // Вестник ВолГУ. Сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения. – 2005. – Вып. 10, №10. – С. 101–107.

37. Бажанов, Е. П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах / Е. П. Бажанов. / Т.1. – М., Научная книга. 2001. 463 с.
38. Бажанов, Е. П. Америка: вчера и сегодня. Т. 1 / Е. П. Бажанов. Т. 1. – М., 2005. 574 с.
39. Бажанов, Е. П. Движущие силы политики США в отношении Китая / Е. П. Бажанов. – М., Наука. 1982. 240 с.
40. Бажанов, Е. П. Приоритеты России в меняющемся мире / Е. П. Бажанов. – М. : Научная книга, 2000. 41 с.
41. Бажанов, Е. П. Современный мир. Избранные труды / Е. П. Бажанов. – М., Известия. 2004. 421 с.
42. Бажанов, Е. П. Воевать никто не готов / Е. П. Бажанов. – Текст : электронный // Эхо планеты. – 17.04.2013. – URL: http://www.ekhoplanet.ru/columnists_516_954 (дата обращения: 26.04.2016).
43. Бажанов, Е. П. Китай и внешний мир / Е. П. Бажанов. – М. : Международные отношения, 1990. 146 с.
44. Бажанов, Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. / Е. П. Бажанов. – М. : Известия, 2007. 246 с.
45. Бажанов, Е. П. Куда идёт человечество / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : Восток-Запад. 2009. 96 с.
46. Бажанов, Е. П. Международные отношения в XXI веке / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : Восток-Запад, 2011. 168 с.
47. Бажанов, Е. П. Многополюсный мир / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : Восток-Запад, 2010. 464 с.
48. Бажанов, Е. П. Диалог и столкновение цивилизаций / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : Весь мир, 2013. 272 с.
49. Бажанов, Е. П. Мир и война / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : Восток-Запад, 2011. 336 с.

50. Баталов, Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций / Э. Я. Баталов. – М. : РОССПЭН, 2005. 366 с.
51. Баталов, Э. Я. Человек, мир, политика / Э. Я. Баталов. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. 330 с.
52. Баталов, Э. Я. Современные глобальные тренды и новое сознание / Э. Я. Баталов. – Текст : электронный // Международные процессы. – 2012. – Т.10. - № 1(28). – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm> (дата обращения: 03.06.2017).
53. Баталов, Э. Я. Современные глобальные тренды и новое сознание / Э. Я. Баталов. – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm> (дата обращения: 13.12.2024). – Текст : электронный.
54. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл, ред. и вступ. ст. В. Л. Иноземцев. – М. : Academia, 1999. 783 с.
55. Бельский, В. Ю. Современный терроризм как социально-политическое явление: концептуально-теоретический анализ / В. Ю. Бельский // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 11-14.
56. Бельский, В.Ю. Глобализация и современная Россия / В. Ю. Бельский, А. И. Сацута. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 135 с.
57. Беляева, Н. Ю. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / Н. Ю. Беляева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 253 с.
58. Бергер, Я.М. Об эволюции оценок совокупной национальной мощи государств / Я.М. Бергер. – URL: <http://naukarus.com/ob-evolyutsii-otsenok-sovokupnoy-natsionalnoy-moschi-gosudarstv> (дата обращения: 07.05.2024). – Текст : электронный.
59. Бергер, Я. М. Ужесточение позиции. 26.01.2010. / Я.М. Бергер. – URL: <https://nvo.ng.ru/scenario/2010-01->

26/15_china.html?ysclid=mjd6vjurls793772880 (дата обращения: 07.05.2024). –

Текст : электронный.

60. Бехтерев, В. Социально-психологическая концепция // Избранные работы по социальной психологии / В. Бехтерев. – М., Наука. 1994. 398 с.

61. Бжезинский, З. Америка и мир. Беседы о будущем американской политики / З. Бжезинский, Б. Скоукрофт. – М.; Астрель, 2012. 317 с.

62. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М., Междунар. отношения. 1998. 327 с.

63. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство: пер. с англ. / З. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2005. 288 с.

64. Блондель, Ж. Политическое лидерство: путь ко всеобъемлющему анализу / Ж. Блондель. – М., 1992. 135 с.

65. Богатуров, А. Д. «Стратегия разравнивания» в международных отношениях и внешней политике США / А. Д. Богатуров // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 2. – С. 20–29.

66. Богатуров, А. Д. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 267–282.

67. Богатуров, А. Д. Истоки американского поведения / А. Д. Богатуров // Россия в глобальной политике. – 2004. – №6. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoki-amerikanskogo-povedeniya/?ysclid=mjd74egkxp139191123> (дата обращения: 07.05.2024). – Текст : электронный.

68. Богатуров, А. Д. Лидерство и критерии лидерства в мировой системе / А. Д. Богатуров // Современная мировая политика. – М. : Аспект Пресс, 2010. С. 161.

69. Болховитинов, Н. Н. Американская цивилизация как исторический феномен. – США: становление и развитие национальной традиции и национального характера / Н. Н. Болховитинов. – М. : Наука. 2001. 498 с.
70. Боннар, А. Греческая цивилизация: пер с фран. / А. Боннар. – М., Искусство. 1992. 292 с.
71. Борох, О. Н. «Высокие идеи» и «заветные мечты» 1933 года: будущее Китая в представлениях интеллектуалов / О. Н. Борох // Общество и государство в Китае. – Т. XLIV. Ч. I. С. 143–149.
72. Бродель, Ф. Время мира: пер с фран. / Ф. Бродель. – М., Альма матер. 2022. 805 с.
73. Брустин, Д. Американцы: национальный опыт: пер с англ. / Д. М. Брустин. – М.: Прогресс-Литера. 1993. 624 с.
74. Буров, В. Г. Модернизация тайваньского общества / В. Г. Буров. – М., Институт философии РАН. 1998. 234 с.
75. Бялый, Ю. Управляемый хаос. Глобальный радикальный ислам в энергетических и транспортных войнах XXI века / Ю. Бялый. – Текст : электронный // Интелрос. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofi/8441-upravlyaemyj-chaos-globalnyj-radikalnyj-islam-v-yenergeticheskix-i-transportnyx-vojnaх-xxi-veka.html (дата обращения: 03.06.2025).
76. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. – М., Логос. 1997. 752 с.
77. Валлерстайн, Э. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Э. Валлерстайн. – СПб. Университетская книга. 2001. 416 с.
78. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс // Логос. – 1994. – № 6. – С. 77–94.
79. Ван Нин. Особенности и современное состояние мировой политики как науки и учебной дисциплины в Китае / Ван Нин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2008. - №4. – С. 109-115.

80. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. / Т. Ван Дейк. – М.: ЛИБРОКОМ. 2013. 344 с.
81. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Антология мировой политической мысли– М., 1997. – С. 21–38.
82. Волохова, А. А. Изменения во внешнеполитических концепциях КПК (взгляды китайских политологов) / А. А. Волохова // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2006. – № 3. – С. 74-82.
83. Воскресенский, А. Д. Китай в контексте глобального лидерства? / А. Д. Воскресенский. // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. - №2(5) –С. 21-33.
84. Воскресенский, А. Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях / А. Д. Воскресенский // Свободная мысль. – 2000. – №4. – С. 7-24.
85. Герасимова, Е. Китай пробивается в лидеры рейтингов университетов / Е. Герасимова. 15.06.2017. – URL: https://www.ng.ru/education/2017-06-15/8_7008_china.html?ysclid=mjda1k3iiq104459452 (дата обращения: 03.06.2025). – Текст : электронный.
86. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран. – М. : Международная Академия исследований будущего, Институт экономических стратегий, 2012. 108 с. – URL: <http://www.inesnet.ru/wp-content/uploads/2013/04/ Rating100ru.pdf> (дата обращения: 07.05.2025). – Текст : электронный.
87. Гринин, Л. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире / Л. Гринин. // Век глобализации. – 2012. – № 2 (10). – С. 43-61.
88. Гусев, А. А. Миссия Европы в развитии цивилизации / А. А. Гусев // Обозреватель. – 2013. – № 8. – С. 30-47.
89. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

90. Задохин, А. Г. Америка – новая Римская империя? / А. Г. Задохин // Обозреватель. – 2003. – № 4. – С. 5-16.
91. Задохин, А. Г. Глобализация и глобальные проблемы человечества (Методологический аспект) / А. Г. Задохин, А. В. Митрофанова. – М. : Моск. философ. фонд, 2003. 52 с.
92. Зимичев, А. М. Психология политической борьбы / А. М. Зимичев. – СПб. : Санта, 1993. 160 с.
93. Иванов, О. П. Военная сила в глобальной стратегии США / О. П. Иванов. – М. : Восток-Запад, 2008. 198 с.
94. Ильин, И. В. Глобалистика в контексте политических процессов / И. В. Ильин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. 302 с.
95. Ильин, И. В. Теория и практика политической глобалистики / И. В. Ильин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. 294 с.
96. Ильин, И. В. Эволюционный подход в глобальных исследованиях / И. В. Ильин, А. Д. Урсул. // Вестник Московского университета. Серия XXVII Глобалистика и геополитика. – 2014. – № 3–4. – С. 36–52.
97. Инсаров, Х. Г. Князь Меттерних его жизнь и политическая деятельность Х. Г. Инсаров. СПб. 1905. 161 с.
98. Кан, Г. Год 2000 / Г. Кан, А. Винер // Бестужев-Лада, И. В. Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики / И. В. Бестужев-Лада, В. В. Кузин, Э. Корниш [и др.]. – М. : Эксмо, 2003. – 512 с.
99. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. 609 с.
100. Кацура, А. В. Планетарное человечество на краю пропасти / А. В. Кацура, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М., 2016. 301 с.
101. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века / М. Киссинджер. – М. : Ладомир, 2002. 352 с.
102. Китай стал не только космической, но и квантовой державой // Независимая газета. 14.04.2017. – URL:

обращения: 07.05.2025). – Текст : электронный.

103. Клевцов, П. Б. Социалистическая идея в контексте современности / П. Б. Клевцов // Вестник СПбГУ культуры и искусства. – СПб. 2011. – № 3. – С. 123-127.

104. Кокошин, А. А. О стратегическом планировании в политике / А. А. Кокошин. – М., Комкнига. 2007. 224 с.

105. Кокошин, А.А. США: за фасадом глобальной политики: внутренние факторы формирования внешней политики американского империализма на пороге 80-х гг. / А. А. Кокошин. – М., Политиздат. 1981. 327 с.

106. Кожемякин, Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 15. - №2. – С. 5-12.

107. Комлева, Н. А. Геополитические ресурсы: попытка классификации / Н. А. Комлева. // Пространство и время. – 2013. №4. – С. 12-19.

108. Крамаренко, А. М. Спрос на коллективное лидерство / А. М. Крамаренко. // Стратегия России. – 2009. – №1. – С.12–14.

109. Кременюк, В. А. Россия и США в новой мировой структуре / В. А. Кременюк // Россия и мир в начале XXI века. – М. : Наука, 2007. – С. 71–82.

110. Кузнецов, Д. В. Современный Китай и его окружение / Д. В. Кузнецов, Д. В. Буяров. – М., Красанд. 2015. 440 с.

111. Кузнечевский, В. Россия между Китаем и США / В. Кузнечевский // Международная жизнь. – 2013. – №7. – С. 51-63.

112. Лавров, С. В. Россия и мир в XXI веке / С. В. Лавров // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 4. – С. 8-13.

113. Лапкин, В. В. Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы. Взгляд из России / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // ПОЛИС. – 2006. – № 1. - С. 157-174.

114. Легойда, В. Современная религиозность: феномен «гражданской религии» в США / В. Легойда // Журнал Московской Патриархии. – 1977. – №11. – С. 60-70.
115. Лозанский, Э. Д. Этноты и лоббизм в США / Э. Д. Лозанский. – М., Международные отношения. 2004. 267 с.
116. Лузянин, С. Г. Восточная политика Владимира Путина / С. Г. Лузянин. – М., Восток-Запад. 2007. 446 с.
117. Лузянин, С. Г. Возвышение Китая как фактор мировой политики / С. Г. Лузянин. // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5. – С, 17-24.
118. Лузянин, С. Г. Китай на пути к «сверхдержаве»: сколько осталось пройти? / С. Г. Лузянин, М. В. Мамонов. // Обозреватель-Observer. – 2011. – №4. – С. 78–91.
119. Лукин, А. В. Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях / А. В. Лукин. – М.: Международные отношения, 2015. 792 с.
120. Лукин, А. В. Внешняя политика Пекина – новый поворот? / А. В. Лукин // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 2. – С. 90-101.
121. Луков, В. Б. «Большая восьмерка» в современном и будущем мире / В. Б. Луков // Международная жизнь. – 2002. – № 3. – С. 48–61.
122. Луков, В. Б. «Группа восьми» / В. Б. Луков. – М. : Научная книга, 2005. 284 с.
123. Лундестада, Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996 : пер. с англ. / Г. Лундестада. – М., Весь мир. 2002. 355 с.
124. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М.: Академический проект, 2004. 622 с.
125. Макфол, М. Демократия на марше? Америка и ее продвижение ценностей / М. Макфол. – Текст : электронный // Россия в глобальной

политике. – 2011. – № 4. – URL <http://globalaffairs.ru/number/demokratiya-na-marshe-15280> (дата обращения: 22.10.2024).

126. Матар, Дж. Двойные стандарты в международных отношениях / Дж. Матар. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20160802/237396789.html>. (дата обращения: 27.12.2024). – Текст : электронный.

127. Матвеева, Л. В. Психология телевизионной коммуникации / Л. В. Матвеева [и др.]. – М., 2004. 361 с.

128. Мельников, Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность / Ю. М. Мельников. – М., Международные отношения. 1984. 254 с.

129. Митрофанова, А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» / А. В. Митрофанова // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 109–119.

130. Митрофанова, А. В. Политизация «православного мира» / А. В. Митрофанова. – М., Наука. 2004. 292 с.

131. Михайленко, А. Н. Лидерство в современных международных отношениях / А. Н. Михайленко // Обозреватель. – 2012. – № 5. – С. 26–43.

132. Модельски, Д. Эволюция глобальной политики (I) / Д. Модельски // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 62–82.

133. Модельски, Д. Эволюция глобальной политики (II) / Д. Модельски // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 124–142.

134. Моисеев, А. А. Суверенитет государства в международном праве / А. А. Моисеев. – М., Восток – Запад. 2009. 383 с.

135. Мясников, В. С. Квадратура китайского круга : избранные статьи / В. С. Мясников. – М., Восточная литература. 2006. 527 с.

136. Най, Дж. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике / Дж. Най. – Нью-Йорк : Паблик афферз, 2004. 192 с.

137. Нарочницкий, А. Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX в / А. Л. Нарочницкий // Исторические записки. М., 1953. – С. 130–176.

138. Наумов, И. Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации / И. Н. Наумов. – М. : ИДВ РАН, 2001. 200 с.

139. Никонов, В. А. Пробуждение БРИК. 2009 / В. А. Никонов. – URL: www.mid.ru/bdomp/brics.nsf/nikonov.doc (дата обращения: 26.11.2024).

140. Парсонс, Т. О понятии политическая власть / Т. Парсонс. – URL: <http://read.virmk.ru/p/Parsons.htm> (дата обращения: 23.01.2025). – Текст : электронный.

141. Подберезкин, А.И. Стратегическое прогнозирование международных отношений /А. И. Подберезкин, М. В. Александров. – М. : МГИМО(У), 2016. 744 с.

142. Понька, Т. Китайский взгляд на теорию международных отношений / Т. Понька, А. Бельченко, А. Забелла // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. - № 10. – С. 76–86.

143. Ремонд, Р. История Соединенных Штатов Америки: пер. с фр. / Р. Ремонд. – М., 2006. 192 с.

144. Розов, Н. С. Образ будущего миропорядка и стратегии России / Н. С. Розов. – Текст : электронный // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2012. – № 1. – С. 82-96.

145. Рыхтик, М. И. Стратегическая культура и концепция национальной безопасности США на пороге нового тысячелетия / М. И. Рыхтик // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. М. : МГУ, 1999. С. 270–279.

146. Салицкий, А. И. Куда движется Китай? О последнем съезде КПК и перспективах социализма / А. И. Салицкий. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35989> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

147. Самарцев, В. В. Национальная мощь по-китайски / В. В. Самарцев. // Проблемы Дальнего востока. – 2012. – №4. – С. 104–116.

148. Свешников, А. А. Внешнеполитические концепции КНР: концептуальные представления китайских специалистов международных / А. А. Свешников. – М., 1999. 180 с.

149. Славинский, Б. Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке. 1945–1986 / Б. Н. Славинский. – М., Международные отношения. 1988. 334 с.

150. Смирнов, А. И. Глобальная безопасность и «мягкая сила «2.0»: вызовы и возможности для России / А. И. Смирнов, И. Н. Кохтюлина. – М., ВНИИГеосистем. 2012. 252 с.

151. Сорокин, П. Социокультурная динамика. Кризис нашего времени / П. Сорокин. – URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/C/sorokin-pitirim-aleksandrovich/chelovek-civilizaciya-obschestvo/5> (дата обращения: 18.03.2025). – Текст : электронный.

152. Сухарев, А. Гуманитарное измерение внешнеполитической деятельности: стратегия развития общественной дипломатии и константы динамики НПО-среды (статья первая) / А. Сухарев, А. Кореньков // Безопасность Евразии. – 2008. - №4. – С. 66-88.

153. Тавровский, Ю. В. Китайская мечта и ее составляющие: стратегический план развития страны: расчеты и программы / Ю. В. Тавровский. – Текст : электронный // Независимая газета. 04.12.2015. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html (дата обращения: 06.12.2024).

154. Тавровский, Ю. В. Идеология императоров и генсеков / Ю. В. Тавровский. – Текст : электронный // Независимая газета. 05.12.2012. – URL: https://www.ng.ru/ideas/2012-12-05/5_ideology.html?ysclid=mjehmhj34j936835365 (дата обращения: 06.02.2025)

155. Тавровский, Ю. Си Цзиньпин. По ступеням китайской мечты / Ю. Тавровский. – М., ЭКСМО. 2015. 272 с.

156. Темников, Д. М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе / Д. М. Темников. М. : Аспект Пресс. 2011. 177 с.

157. Темников, Д. М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе / Д. М. Темников. – Текст : электронный // Международные процессы. Война и мир. – 2003. – Т.1. - №2 (2). – С. 80-90.
158. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории – Ф. М. Тёрнер. – М. : Весь мир, 2009. 303 с.
159. Титаренко, М. Л. Ступени усиления и мощи Китая. Доклад на международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» / М. Л. Титаренко. М., ИДВ РАН. 2005. С. 23-34.
160. Тихвинский, С. Л. Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен – жизнь и эволюция политических взглядов / С. Л. Тихвинский. – М., Политиздат. 1986. 222 с.
161. Троицкий, М. А. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США / М. А Троицкий // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. №4. – С. 127–157.
162. Финнемор, М. Нормы, культура и мировая политика: точка зрения социологического институционализма / М. Финнемор. – URL: <https://refdb.ru/look/3497129-p21.html> (дата обращения 18.03.2025). – Текст : электронный.
163. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2007/habermas_2.pdf (дата обращения: 23.01.2025). – Текст : электронный.
164. Ван Дейк, Т. А. Язык, познание, коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс. 1989. 312 с.
165. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности: пер. с англ. / С. Хантингтон. – М., АСТ. 2004. 645 с.
166. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2005. 649 с.
167. Цыганков, П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика / П. А. Цыганков. – М. : МГУ. 2014. 571 с.

168. Цыганков, П. А. О содержании термина «международный актер»: вклад социологии / П. А. Цыганков // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. Т. 1. – 2007. – С. 30–42.
169. Цыганков, А. П. Просвещенное державничество / А. П. Цыганков, П. А. Цыганков // Полис. – 2017. – № 4. – С. 175–185.
170. Чжао Мэн. Историческая эпоха в оценках руководства КНР от начала реформ до настоящего времени / Чжао Мэн. // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4-1 (72). – С. 224-227.
171. Чихарев, И. А. Методологические проблемы изучения новых движущих сил мировой политической динамики / И. А. Чихарев, О. В. Столетов // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. – М., 2010. – №1. – 18 с.
172. Чудодеев, Ю. В. Сценарии развития Китая до 2050 г. / Ю. В. Чудодеев // Перспективы. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/scenarii_razvitiya_kitaja_do_2050_g_2014-12-15.htm. (дата обращения: 29.01.2025).
173. Чудодеев, Ю. В. Китай – Япония: любовь или ненависть? / Ю. В. Чудодеев, З. Д. Каткова. – М., Упрполиграфиздат Администрации Моск. обл. 1995. 230 с.
174. Шаклеина, Т. А. Лидерство и современный мировой порядок / Т. А. Шаклеина // Международные процессы. 2015. – Т.13, №4. – С. 6–19.
175. Шаклеина, Т. А. Россия и США в новом мировом порядке / Т. А. Шаклеина. – М.: Аспект пресс. 2012. 272 с.
176. Шаклеина, Т. А. Мировой порядок в XXI веке. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) / Т. А. Шаклеина. // Вестник Московского Университета. Серия: Международные отношения и мировая политика. Серия 25. – 2011. – № 3. – С. 35-58.
177. Шеллинг, Т. Стратегия конфликта: пер. с англ. / Т. М. Шеллинг. – М. ИРИСЭН. 2007. 373 с.

178. Шестаков, В. П. Понятие утопии в современные концепции утопического / В. П. Шестаков // Вопросы философии. – 1972. – № 8. – С. 151–158.

179. Шлезингер, А. мл. Циклы американской истории: пер. с англ. / А. Шлезингер мл. – М., Прогресс. 1992. 685 с.

180. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М. : Мысль. 1993. 663 с.

181. Шугуров, М. «Глобальный технологический порядок»? / М. Шугуров. // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. №1(25). С. 162-164.

182. Ян, Сюэтуン «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем». Интервью газете Коммерсантъ. 17 марта 2017 / Ян, Сюэтуン – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (дата обращения: 19.03.2025) – Текст : электронный.

183. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель: пер с нем. / К. М. Ясперс. – М.: ИНИОН, 1991. – Вып. 1. 215 с.

Диссертационные исследования

184. Алдубашева, Ж. М. Внешнеполитическая стратегия США в Центральной Азии : дис. ... д-ра филос. наук (PhD) : 6D050200 / Алдубашева Жанар Мусапаровна. – Алматы, 2013. – 130 с.

185. Войтоловский, Ф. Г. Идеология и практика атлантизма : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Войтоловский Ф. Г. – М., 2013. – 566 с.

186. Дегтярев, А. В. Дипломатическая подготовка визита Р. М. Никсона в КНР в 1972 г. : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 / Дегтярев Александр Викторович М., 2010. – 226 с.

187. Жданов, П. А. «Группа двадцати» в формировании современной мировой и европейской политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Жданов Павел Андреевич. – М., 2013. – 30 с. – URL: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243484/autoref_zhdanov.pdf (дата обращения: 02.07.2024).

188. Косоруков, А. А. Соотношение детерминант глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитической стратегии. Зарубежный опыт и российская специфика : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Косоруков Артем Андреевич. – М., 2011. – 200 с.

189. Ломтев, А. В. Эволюция характера мирового порядка и внешнеполитических стратегий его формирования в американской политической науке : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Ломтев Александр Владимирович. – М., 2011. – 132 с.

190. Петров, А. П. Мессианство русской культуры : проблема продуцирования социокультурных феноменов архетипичного : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Петров Андрей Павлович. – Екатеринбург, 2009. – 43 с.

191. Савченко, Е. О. Имперский характер внешней политики США : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Савченко Евгений Олегович. – М., 2010. – 134 с.

192. Сидоркин, С. А. Геополитические стратегии России и США: сравнительный анализ (1989–2009 гг.) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Сидоркин Сергей Анатольевич. – М., 2009. – 136 с.

193. Столетов, О. В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Столетов Олег Владимирович ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2014. 254 с. – URL: http://polit.msu.ru/pub/DISS_accept/Stoletov_DISS.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

194. Темников, Д. М. Регулирование и лидерство в современных международных отношениях : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Темников Денис Михайлович. – М., 2009. – 129 с.

195. Чжан Юйсинь. Внешняя политика Китая в контексте трансформации системы международных отношений : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Чжан Юйсинь. – Москва, 2007. – 156 с.

Монографии и статьи на иностранных языках

196. Aron, R. Peace and war / R. Aron. – New York : Doubleday & Company Inc., 1966. 836 p.
197. Art, R. America's Grand Strategy and World Politics / R. Art. – Routledge, 2008. 288 p.
198. Baudrillard, J. The Mirror Of Terrorism // The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena / J. Baudrillard. – London : Verso, 1993. P. 75–80.
199. Borg, D. The United States and Far Eastern Crisis of 1933–1938 / D. Borg. – Cambr., 1964. 347 p.
200. Carpenter, T. Smart Power: Toward a Prudent Foreign Policy for America / T. Carpenter. – Washington : Cato Institute, 2008. 258 p.
201. Cline, R. S. World Power Assessment: a calculus of strategic drift / R. S. Cline. – Washington : Center for Strategic and International Studies, Georgetown University, 1975. – Текст : электронный. – URL: <https://archive.org/details/worldpowerassess00clin> (дата обращения: 07.05.2024).
202. De Conde, A. A History of American Foreign Policy / A De Conde. – N. Y. : Scribner, 1963. 914 p.
203. Effects of the French Revolution in U. S. – URL: http://www.publicbookshelf.com/public_html/Our_Country_vol_2/effectsof_bfi.html (дата обращения: 28.11.2024). – Текст : электронный.
204. Hantington, S. P. Who International Primacy Matters / S. P. Hantington. – Текст : электронный // International Security. 1993. – P. 82–83.
205. Hu, Angan. Embracing China's «NewNormal» / Hu Angan. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-04-20/embracing-chinas-new-normal> (дата обращения: 11.03.2025). – Текст : электронный.
206. Hull, C. The Memoirs of Cordell Holl / C. Hull. – N. Y., 1948. – Vol. 2. – 583 p.
207. German, C. A. A tentative evaluation of world power / C. A. German. – Текст : электронный // Journal of Conflict Resolution. – 1960. – Vol. 4, issue 1. P. 138–144. – URL:

<http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/002200276000400110> (дата обращения: 08.05.2024).

208. Kagan, R. Power and Weakness. Why the United States and Europe see the world differently / R. Kagan. – URL: http://studylib.net/doc/7661535/power-and-weakness_robert-kagan (дата обращения: 10.02.2025). – Текст: электронный.

209. Knorr, K. The war potential of nations / K. Knorr. – Princeton : Princeton univ. Press, 1956.

210. Lasswell, H. Political Leadership in Industrialized Societies: Studies in Comparative Analysis / H. Lasswell. – New York : Wiley, 1967. 367 p.

211. McFarland, A. Power and Leadership in Pluralist Systems / A. McFarland. – Stanford : Stanford University Press, 1969. 231 p.

212. Measuring the correlate of war / ed by J. Singer, P. Deihl. – Ann. Arbor. University of Michigan Press, 1990. 285 p.

213. Morgenthau, H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace / H. Morgenthau. – Fifth Edition, Revised. – New York : Knopf, 1978. 489 p.

214. Mann, A. The One and the Many: Reflections on the American Identity / A. Mann. – Chicago; London. University of Chicago Press. 1979. 209 p.

215. Nye, Jr. J. S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence / J. S. Nye Jr. – Текст : электронный // Foreign Affairs. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (дата обращения: 14.03.2025).

216. Paige, G. The Scientific Study of Political Leadership / G. Paige. – New York, The Free press. 1977. 416 p.

217. Palmer, R. The World of the French Revolution / R. Palmer. – New York. Harper & Row. 1971. 282 p.

218. Sheng, Ding. Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: a new look at China's rise to the status quo power / Sheng Ding // Journal of Contemporary China. – 2010. – №19. – P. 255-272.

219. Shobhan, Saxena. How to be a cultural superpower / Shobhan Saxena – Текст : электронный // The Times of India. – 22 Nov 2009. – URL: http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2009-11-22/special-report/28091436_1_culturaldiplomacy-iccr-cultural-centres (дата обращения: 13.09.2025).
220. Stewart, L. Birth Order and Political Leadership / L. Stewart // Hermann, M. A Psychological Examination of Political Leaders / M. Hermann, Th. Milburn (eds.). – New York : Free Press, 1977. P. 206–236.
221. Tellis, A. J. Measuring National Power in the Postindustrial Age / A. J. Tellis. // RAND Corporation. – 2000. – P. 25–30.
222. Wang, Jisi. China's Search for a Grand Strategy / Wang Jisi. – Текст : электронный // Foreign Affairs. – March/April 2011. – URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67470/wang-jisi/chinas-search-for-a-grand-strategy> (дата обращения: 13.09.2025).
223. Wang, Hongying. China and global governance / Wang Hongying, J. N. Rosenau // Asian Perspective. – 2009. – Vol. 33. - № 3. – P. 5–39.
224. Wendt, A. E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory / A. E. Wendt // International Organization. – 1987. – Vol. 41. - №3. – P. 335–370.
225. Yan, Xuetong. Political Leadership and Power Redistribution / Yan Xuetong. – URL: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7239/20160307/53421457338633578.pdf> (дата обращения: 11.03.2025). – Текст : электронный.